

А. Н. АФАНАСЬЕВ

Русские

эротические
сказки 2

БАБЫ ЗАПОВЕДИ

Жил бедный мужик, и так ему плохо пришлось, что уж и кормиться нечем. Отправился он куда-нибудь денег наживать. Идет дорогой, стало ему горько, он и подумал: «Хоть бы черт денег мне дал! Я бы лучше ему душу продал, чтобы ребят кормить».

Черт и явился, заговорил, и написали условие кровью из безымянного пальца. Черт дал мужику денег; с этих пор мужик разжился, начал торговать.

Стал мужик стареть, стал задумываться, баба и спрашивает:

— Что ты, мужик, задумываешься! Раньше нам думать, как мы жили бедно, а теперь что нам думать!

— Ты не знаешь, где я денег взял? Я ведь черту душу продал!

— Э, не горюй, мужик, — говорит баба, — пусть сначала черт мою душу возьмет. А мою не возьмет, так и твою не возьмет.

Пришло время, черт явился к мужику за душой, баба черту и говорит:

— Возьми и мою душу.

А черт рад.

— Сколько возьмешь за душу?

— Я денег не возьму, а справь мне три заповеди.

Черт согласился.

Баба приказала истопить баню, пошла в баню, и черт вслед. Встала баба на полок, пернула.

— На, лови!

Черт ловил, ловил, поймать не мог.

— Ты что же? Не мог и первой заповеди справить!

Выдернула из хохла волосинку.

— На, сделай эту волосинку прямой.

Черт крутил, крутил, вертел, вертел, меж ладонями катал, выпрямить не мог. Баба и говорит:

— Ты и второй не мог справить? Ну, третью заповедь справляй.

Подняла рубаху, приздынула ноги.

— На, залижи эту рану.

Черт лизал, лизал, стало языку больно, да и бабе натер. Баба терпела, терпела да и пернула. Черт и плюнул.

— Тьфу! Первой зализать не мог, а возле другая лопнула.

И отступился от бабы и от мужика.

БАТРАК-МАРФУТКА

В некотором царстве, в некотором государстве был поп с попадъей, у него было три

дочери-красавицы; а недалеко от них жила вдова, и у той вдовы был сын, парень еще молоденький да такой из себя красивый — наряди в сарафан, всяк за девку примет! Вот этот парень позарился на поповых дочерей и выдумал, как к ним подобраться. Нарядился в женское платье и пошел к попу в работницы наниматься. Поп видит, что девка-то пришла славная, пригожая, при случае и е...ть можно, и готов нанять ее хоть втридорога.

— Как тебя зовут, голубушка? — спрашивает поп.

— Марфуткой, батюшка!

— Ну, Марфутка, что же возьмешь в год за работу?

— Да что дадите, сами по моей работе увидите.

Поп тому и рад. Нанялась Марфутка и полюбилась и попадье, и поповым дочерям, а пуще всех попу: без нее и куска не съест! Вот раз понадобилось попу надолго в отъезд ехать, собрался он и наказывает жене и дочерям:

— Смотрите, не покидайте Марфутки, она девка добрая! Будьте к ней ласковы, всем по гостинцу привезу!

Попадья и поповны обещались исполнить его волю.

— Завсегда, — говорят, — будем с нею, даже и спать вместе будем!

Поп уехал, а Марфутка с поповнами пошла в сад гулять.

— Ах, барышни! — говорит Марфутка. —

Давайте Богу молиться, чтобы послал нам потеху.

— Какую потеху? — спрашивает старшая сестра.

— Да вот у нас на деревне девушки завсегда молят, чтобы послал им Господь ту самую потеху, что у мужчин промеж ног висит.

— Ну давай и мы станем молиться.

Стали все на колени и давай бить поклоны. Помолились усердно и говорят:

— А ну, посмотрим, не дал ли кому Господь Бог?

Старшая поповна подняла подол — нет, ничего не висит. Подняла средняя — и у той нет. Подняла меньшая — и этой Бог не дал.

— Ну, покажи-ка ты, Марфутка!

Марфутка задрала подол:

— Ах, барышни! Ведь у меня что-то выросло!

— Экая ты, Марфутка, счастливая! Тебя сам Господь любит. А что, сладко ли тебе?

— У! Как сладко!

— Дай и нам! — пристают к ней поповны. — Ведь мы все Богу молились, так надо поделиться.

— Ну хорошо! Я стану давать вам по очереди.

— Да когда же? — спрашивает старшая.

— Да, по мне, хоть сейчас. Только, чур, никому не сказывать, а то, коли матушка узнает, пожалуй, себе отберет. Ложись-ка, Наденька, на травку, так-то лучше баловать будет!

Наденька легла и спрашивает:

— Что ж теперь делать-то?

— А вот я возьму эту потеху да и стану совать в твою дырочку.

— Ах, нет, Марфутка! Я боюсь; вишь, твоя потеха-то пошевеливается, словно живая, еще, пожалуй, укусит меня.

— Небось не укусит! — говорит Марфутка и давай совать свой кляп куда надобно.

— Ой, больно! — закричала поповна. — Ведь я говорила, что кусать будет!

А Марфутка знай попихивает. Ну знамо дело, сначала поповна поохала, а там и подье...ть стала да похваливать:

— Ах, как сладко! Не в пример слаще меду!

Отработал старшую поповну, слез с нее, а она хоть сейчас опять за то же.

— Поиграй, — говорит, — еще со мною!

— Что ты, Надя! Какая жадная, — говорят ей сестры, — надо черед соблюдать. Теперь мы хотим попробовать.

— Да, — говорит Марфутка, — надо вас поделить всех поровну: тебе раз, и Кате раз, и Насте раз, а потом опять до тебя дойдет.

На том и порешили. Отделала Марфутка и Катю, и Настю, а старшая поповна опять собирается на х...й лезть.

— Будет! — говорит Марфутка. — Эту потеху надо приберегать, а то, пожалуй, совсем испортишь, видишь, как она повисла, совсем измаялась!

С той поры стала Марфутка поповых дочерей то и дело накачивать. Ни много, ни мало прошло времени, забеременели они, у всех трех пузо кверху так и поднялось!

— Ах, доченьки, — говорит попадья, — ведь с вами недоброе дается! Уж не ходит ли к вам какой мужчина?

— Нет, маменька! Мы всегда с Марфуткою.

«Ох уж эта Марфутка! — думает попадья. — Посмотреть — нет ли у нее между ногами припаса?»

Сейчас велела истопить баню и зовет с собой мыться и дочерей и Марфутку. Что делать? Вот Марфутка ухитрилась, сделала из дерева клещики: одним концом защемила кляп, а другой конец в ж...пу воткнула.

— Ладно, — говорит, — теперича не узнает.

Пришли в баню, поделись, начали мыться. Попадья смотрит: нет, ничего не приметно.

— А ну, Марфутка, потри мне спину!

Марфутка стала тереть, а кляп-то у ней разгорелся, понатянулся, а клещики как выскочат из задницы да попадье по брюху.

— Ах, мошенник, это ты моих дочерей обработал?!

Парень давай Бог ноги — так и ушел.

БЕГЛЫЕ СОЛДАТЫ

Жил-был царь Афрон. У него шесть солдат вздумали бежать, бродяжить. Он и послал за

ними в погоню шестерых солдат и унтер-офицера. Догнали.

— Путем-дорогой, господа солдатики! Куда вы?

— Мы гулять.

— Возьмите нас с собой.

— Добро пожаловать.

И они вместе отправились, и стало их тринадцать человек. Идут, идут, стоит избушка на курьих ножках, на бараньих голяшках, вокруг вертится.

— Стой, изба, по-старому, стой, изба, по-прежнему, к лесу задом, к нам, молодцам, передом.

Изба остановилась, а тут живет Яга Яги-нишна. Остались тут ночевать. К ночи пришло тринадцать девок и разобрали все по жениху. Девки говорят:

— Лягте спать, ничего худого не думайте.

Десять подумали полюбоваться, а трое не подумали. Они и остались, а остальных не стало. Пришли утром три девки.

— Ну, ничего худого не подумали, так мы вас подарком одарим.

Одна подарила кисет: потрясешь — будет золото сыпаться, — не прожить, не проиграть. Другая подарила тросточку: как эту тросточку повернешь, выйдет полк солдат, по-другому повернешь — два полка солдат, десять раз повернешь — десять полков солдат, можешь хоть с кем так воевать. Третья — шинель: если

шинель наденешь, тебя видеть никто не будет. Пошли они от них.

— Ступайте погуляйте.

Первый — денег много, нарядился, как господин, пошел к обедне. От обедни пошел, генеральская дочь и думает: «Как от обедни пойдет, я его встречу». Вышла, встретила, пригласила в гости. Приехали гости, отмечевали.

— Давай в карты играть, ты проиграешься, так головой отвечаешь, а я — за тебя замуж пойду.

Стали играть, она видит: полный стол золота.

— Что, ты проигрался?

— А нет, я тебе столь золота насыплю, что и в горницу не войдет. Тебе не обыграть меня дочиста.

— А ты продай кисет.

— Не продажный он, а заветный.

— А какой завет?

— А с тобой ночь ночевать.

— Давай кисет.

Он отдал. Она взяла кисет, солдата и выбросила. Пришел к товарищам, жалуется:

— Так и так.

Второй солдат и говорит:

— На мою трость.

Барышня наутро взглянула в окошко, а перед домом полк солдат стоит. Устрашилась:

— Какое такое войско?

Взглянула в окошко:

— Не этот ли мудрец опять наделал? Запрягла лошадь, поехала.

— Здравствуй!

— Здравствуй.

— Ты что это, как сделал?

— А я хочу повоевать, ты меня обманула.

— А как ты это?

— А я тростку поверну, сколько хошь солдат будет.

— А можешь это войско убрать?

— Могу.

Вернул назад тростку, войско и убралось.

— Продай мне эту трость.

— Не продажная она, а заветная, с тобой ночь ночевать.

— Пойдем ко мне во дворец.

Пошли. Тростку взяла, его выгнала. Пошел к товарищам, жалуется. Третий дал ему шинель.

— Ступай, надевай мою шинель, выручай вещи.

Он надел и пошел. Как она стала ложиться на кровать, разделась — он ее кнутом и хлестнул.

— Это кто такой? А как это ты?

— А я в шинели такой, меня не видно.

— А не продашь шинель?

— Продам, с тобой ночь ночевать.

— Ну, раздевайся.

Он снял шинель, она опять его и высадила. Ему нельзя стало идти к товарищам. Он пошел

по чистому полю. Шел, шел, стоит дерево да ягоды поспели. Он съел ягодку, у него рога и выросли.

— Ах ты! Ведь теперь я вроде как не человек?

Пошел дальше, стоит другое дерево, подошел.

— Ну, будь что будет! Съем и с этого.

Съел — рога отпали. Набрал с того и другого дерева ягод и пошел к барышне.

— Не надо ли ягод?

— А какие ягоды?

— А если этих двенадцать съесть, очень красивая будешь.

Служанка купила ягод и одну сама съела, а одиннадцать барыня съела. Рога и выросли. Служанка выскочила.

— Что это с тобой? — увидела ее.

— Надо мной еще ничего, а вот над барышней-то что!

Барыня стала выходить — и в двери не вылазит. Разослали послов — может ли кто вылечить? А солдат переоделся старичком.

— У вас, говорят, есть больные? Лечить могу.

— Ну, ступай, лечи хоть няньку.

Госпожа обрадовалась, баню истопили.

— Я бы что отдала, если бы меня кто-то вылечил!

— А отдай, что от меня взяла: шинель, тростку и кисет.

Она велела принести. Он шинель надел, вещи забрал да ушел. Она так с рогами и осталась. Он вернулся к товарищам. Скоро все женились. Я на свадьбах был, мед и пиво пил, по усу бежало, в рот не попало.

БЕДНЫЙ ЖЕНИХ И БОГАТАЯ НЕВЕСТА

Жил охотник бедный-бедный, и задумал он посвататься за дочь богатого мужика. Мужик заартачился, а дочь начисто отказала:

— Вот еще! Пойду я за эдакого голодранца!

И стала она на всех вечеринках над ним насмехаться: сватался-де, в ногах валялся, да ни с чем остался! Взяло зло охотника. Раз шел он с ружьем задами и видит — невеста его сидит да с...ет. Он прицелился да прямо ей в ж...пу весь заряд так и всадил дробью. С неделю ходила она да почесывалась. Вот раз стала девка с усмешкой его спрашивать:

— Что, добрый молодец, не женишься?

А он ей в ответ:

— Не на ком! Разве ту взять, у которой ж...па дробью насыпана?

Стой поры все девки и парни стали над нею смеяться и прозвали ее дробовницею. Просто проходу ей не дают, хоть ложись да умирай. Нечего делать, послала гордая невеста сама за охотника свататься, а он тому и рад. Женился

на ней и зажил себе счастливо, в довольстве и покое.

БОГАТЫРИ

Жил-был поп и служил в церкви. Пошел он на улицу и сел ср...ть; пришел козленок и боднул его под ж...пу. Поп вскочил на ноги, схватил козленка за рога и бросил за ограду.

Бежит в избу, штаны не натянул и кричит:

— Жена, жена! Я ядреной стал: схватил козла и бросил за ограду. Пеки хлеб, я ядреной, пойду воевать.

Жена напекла хлеба, наклала суму, поп взял и пошел. Дошел до реки — стоит мужик в воде, бородой в реке полощет, а ртом рыбу хватает. Поп говорит:

— Здравствуй, мужик.

— Здравствуй, поп.

— Перевези меня через реку.

— Как я тебя перевезу? Мимо шел Плешко-богатырь, у меня жену отбил, не велел никого пропускать.

— Пропусти, я Плешка-богатыря настигну, убью, тебе жену привезу.

Мужик стал на ноги и протянул бороду, и переправил попу через реку. И спросил поп:

— Как тебя зовут?

— Меня зовут Усынка-богатырь.

Пошел поп по дороге — и вперед, и добежал — стоит мужик по дороге, ели гнет. Ели загнет — проходу нету, а разогнет — ворота.

— Пусти меня, мужик.

— Как я тебя пущу? Мимо шел Плешко-богатырь, у меня жену отбил, не велел никого пускать.

— Пусти, я Плешка-богатыря убью, тебе жену привезу.

Мужик раздвинул ели, поп прошел, спрашивает:

— Тебя как зовут?

— Меня зовут Елинка-богатырь.

Бежит поп по дороге, добежал — стоит мужик, на руках две горы держит, сожмет руки — проходу нет, раздвинет — ворота.

— Пусти меня, мужик.

— Нет, не пропущу. Мимо шел Плешко-богатырь, у меня жену отбил, не велел никого пускать.

— Пусти, я Плешка-богатыря настигну, убью, тебе жену привезу.

Раздвинул руки мужик, поп прошел, спрашивает:

— А тебя как зовут?

— Меня зовут Горынька-богатырь.

И побежал поп вперед, настиг Плешка-богатыря на дороге. Плешко лежит, спит, с Усынькиной женой забавляется, Елинкина жена у ног стоит, комаров отгоняет, Горынькина жена у головы комаров отгоняет. Побежал поп в лес, нашел себе по силе дубину,

прибежал, Плешка-богатыря в голову ударил. Плешко-богатырь закричал:

— Что-то ты, женка, худо комаров отгоняешь!

Поп задумался:

— Ах, видно, ему худо попало.

Побежал в лес, принес побольше чурбак, по голове Плешко ударил. Плешко говорит:

— Ах, видно, русский комар меня кусает!

И начал на ноги вставать. Поп побежал вперед, дальше, прочь, Плешко идет сзади. Прибежал поп на избушку, у избушки хромой старик дрова колет.

— Дедушко, спрячь меня от Плешка-богатыря.

— Куда я тебя спрячу?

Старичок отпоясал свой кушак и спустил штаны с ж...пы:

— Батюшко, заходи суда, сядь.

Поп зашел, сидит; старичок наколот дровец и хочет топить печку. В ту пору пришел Плешко-богатырь, спрашивает:

— Что, старик, попа видел?

— Я не видал.

Плешко-богатырь стал старика бить. Старик осердился, Плешка бросил на землю да хромой ногой пнул — Плешка убил. Зашел в избушку, печку затопил, с гузна штаны спустил, попа выпустил, стал спрашивать:

— Куда ты, батюшко, идешь?

— А жил я дома, служил в церкви и вышел ср...ть. Пришел козел, боднул меня под ж...пу,

я на ноги вскочил, козла за рога схватил да за огород бросил, да и подумал: «Во мне силы много!» И пошел воевать.

— Ну ладно, поп, слушай же, я тебе скажу сказку: были мы семь братьев, и пошли мы в чисто поле воевать, и туча грозная накатывается. Нам деваться стало некуда, мы нашли сухую кость, человеческую голову, и зашли мы в нее, все семь братьев, и засели в карты играть. Приехал богатырь, хлестнул по сухой кости плетью и говорит:

— Я тебя победил сорок лет назад, да ты лежишь — не истлела.

Поднялась голова от этой плети выше лесу стоячего, и пала на землю, и рассыпалась. Шесть-то братьев у меня до смерти убило, а у меня ногу повредило.

Накормил старик попа хлебом-солью и проводил его домой.

— Поди, служи, молись в старом месте и не надейся на свою силу идти воевать.

Пошел поп домой, повел трех жен: Горыньке жену оставил, Елинке жену оставил, Усыньке жену оставил. Пришел домой, стал жить да быть, добра наживать, лиха избывать и теперь живет.

БРОДЯЖКА

Жил-был старик и старуха. У старика и старухи всего была одна дочь. Старик пошел

в лес дрова рубить. День рубил, а на второй день в лесу говорит кто-то:

— Старик, отдай девку замуж, то и дрова руби, а не отдашь, то и вон пойди.

Испугался старик, пошел домой. Вечером приходит и говорит старухе:

— В лесу заговорило, что отдай девку замуж, то и секи дрова, а не отдашь, так прочь поди.

Старуха и вопит, жалко дочь отдавать:

— Сходи еще, что будет на третий день.

На третий день старик приходит в лес, как тукнул, опять что-то заговорило:

— Старик, отдай девку замуж, то и дрова секи, а если не отдашь, так и живой не вернешься.

Ну он что же:

— Ну отдам, что хочешь отдам.

— Ну раз отдаешь, пусть идет по золотой дорожке, а не по гов...ой.

Пришел домой старик и говорит:

— Ну, старуха, отдавать надо дочь, ничего не поделать.

Тем же днем и отправили дочь. Она шла, шла, две дорожки попалося: одна золотая, а другая гов...ая, она и пошла. Шла, шла, вдруг стоит избушка, и другой дом стоит рядом. Она заходит к бабушке-задворенке. Бабушка и говорит:

— Фу, фу, русский дух! Чья ты есть такая?

Она говорит:

— Такая-то, отдали замуж. Вот, на, пришла.

— А, дитятко, омоешься, уберись, расчешись, а там, где двенадцать занавесок, попьешь, поешь да за самую лучшую занавеску и повалишься.

Она убралась и повалилась спать за занавеску. Вдруг стук, гром, идут двенадцать молодцев. Они и говорят двенадцатому брату:

— Ты уж не ужинай, у тебя есть невеста.

Повалились спать, слышит — рядом молодец лег, а не видно, каков он. Протерпела ночь, наутро молодцы встали, поели, попили и ушли на работу. Бабушка приходит к ней:

— Дитятко, каково спала?

— Спала, бабушка, а в глаза жениха не видала.

Бабушка говорит:

— Отнюдь не смотри, если ты спичечку чиркнешь да жемчуженку уронишь, тогда все сгорит и ничего не будет, и я сгорю, а ты останешься одна гола-боса на земле.

Она и ту, другую, ночку проморщилась, протерпела, не посмотрела. Опять приходит на третью ночь, бабушке говорит:

— Как хошь, бабушка, сегодня уж посмотрю.

Бабушка и говорит:

— Уж как ты посмотришь на жемчуженку, искорку уронишь, так все сгорит.

— Не, бабушка, не натворю ничего.

— Дам я тебе, милая бродяжка, прялочку, только ты ее за деньги не отдавай, а на завет отдай: выговори за нее с Иваном-царевичем ночь проспать.

И пошла бродяжка вперед; лапти потоптались, посох сломился. Опять пришла к избушке на курьей ножке...

— Избушка, избушка, повернись к месту задом, ко мне передом, пусти одну ночь ночевать.

А в избе старуха еще страшнее, говорит:

— Фу, фу, русский дух. Кто пришел? Чья ты есть?

— А ты накорми да напои, а потом и спрашивай.

— Ох я дура! Мне матушка и батюшка не велели у холодного да у голодного вестей выпрашивать.

Напоила, накормила и работой завалила. А когда девица все исправно сделала, так старуха дала ей пальцы.

— Только, — говорит, — за деньги не продавай, а за завет: с Иваном-царевичем ночь проспать.

Ну потом она пошла и к третьей избушке пришла, — а там старуха и того страшнее. За работу дала ей иголочку золотую.

— Ты за деньги ее не продавай, за завет: с Иваном-царевичем ночь проспать.

Ну бродяжка и пошла. Шла далеко ли, близко ли, пришла в то царство, где Иван-царевич живет, потом к бабушке-задворенке и

зашла. Зашла, с бабушкой-задворенкой поздоровалась, бабушка-задворенка развопилась:

— Ой ты милая, глупая! Меня-то ты сгубила да сама-то чуть не сгинула, а Иван-царевич ныне на Ягивовне женился, теперь уж не попасть никак.

Ну она и сказала:

— Хоть мне, бабушка, посмотреть на него.

Поела, попила, отдохнула, вышла на крыльцо с прялочкой, а Ягивовна пошла на берег за водой и говорит:

— Бродяжка, продай прялочку.

— Нет, — говорит, — не продажная она у меня, а заветная.

— А что за завет?

— А с Иваном-царевичем ночь проспать.

— Ну, давай, приходи, приноси прялочку вечером.

Она вечером пришла, принесла прялочку, а Иван-царевич сопит, напоен да на кровать снесен, не слышит ничего. Она уж кусала да щипала, будила, да не могла разбудить. Утро пришло, да выгнала вон Ягивовна. Ну она пришла к бабушке.

— Что? — говорит.

— Ничего, разбудить не могла.

Поела, попила — день прошел. Она взяла опять с пальцами вышла на ступени, с золотыми, опять идет Ягивовна.

— Что, бродяжка, продашь мне пальцы?

— Не продажные они, а заветные.

— Что за завет?

Русские эротические сказки

Ну и договорились опять. Вечер пришел, она взяла с пальцами туда и вышла, а Иван-царевич сопит, напоен да на кровать снесен. Она кусала, щипала, все будила, разбудить не могла. Утро приходит:

— Бродяжка, вон ступай.

К бабке пришла со слезами.

Бабка-задворенка говорит:

— Ну, на поешь, попей да отдохни, а Иван-царевич поедет в чисто поле гулять да заедет ко мне, я и поговорю.

Иван-царевич поехал прогуливаться, она и увидала в окошке.

Заехал Иван-царевич к бабушке-задворенке.

— Сам, — говорит, — я, бабушка, не могу пошевелиться, все выщипано да выкусано, всяко место больно.

А бабушка говорит:

— Иван-царевич, придется ли тебе прежняя жена по сердцу?

— Ой, бабушка, да прилась бы, каждый день на разуме, да взять негде.

А она и говорит:

— Дотяни, как вечер придет, да тебя Ягивовна станет поить сонным питьем, ты уж не пей, мимо лей. А как станет кормить сонными блинами, так ты не ешь, а куда-нибудь выбрасывай да притворись сонным. Она тебя снесет на кровать, и к тебе придет прежняя жена к ночи.

Уехал Иван-царевич, а она взяла иголочку и вышла на ступени.

Русские эротические сказки

Вышла Ягивовна и говорит:

— Эй, бродяжка, продай иголочку.

— Она, — отвечает, — не продажная, а заветная.

Сговорились. Вечер пришел, Иван-царевич вылил мимо питье, блины выбросил и спать повалился, притворился. Она снесла его на кровать и пихнула в спальню бродяжку, а Иван-царевич как и сонный. Ну и принял жену. Ночь проспали, Ягивовна и гонит бродяжку вон, раз гонит и два гонит, девка ей ничего не говорит. Потом третий раз:

— Бродяжка, вон ступай, знай мою доброту.

А Иван-царевич и говорит:

— Не пойдет моя жена вон, а пойдешь ты.

Встал Иван-царевич да приказал Ягивовну на воротах привязать и расстрелять. А с этой женой стал жить да поживать да добра наживать и с лиха сбывать.

В БАНЕ**А**

Жил-был у попа батрак удалой; послал его батька поле охранять. А батрак-то охоч был по девкам ходить, всю ночь пробегал, так днем спать захотел. Не стал работать, пустил лошадей по полю, а сам залег дрыхнуть. Вот

уж и полдень, несет ему попадья обедать, а он все себе спит.

— Ах ты, подлец, разбойник! Люди работают, а ты спишь себе без просыпа! Не дам тебе за то и обеда, голодай до завтра!

Так и ушла. Видит батрак — дело-то плохо, обеда нет, в брюхе пусто, а тут, на беду, и лошади пропали; до самого вечера искал — так и не нашел! Бойтся бедняк домой показаться, а в поле спать холодно. «Дай, — думает, — пойду в поповой бане залягу, пожалуй, еще здесь волки съедят!»

Пришел в баню и только было хотел раздеваться, услышал шум. Вот он поскорей под полки и спрятался: «Уж не домовый ли шутит!»

Смотрит в щелку — а в баню поп идет да с собой девку ведет, а в руках закуску да штоф водки несет.

Поставил водку с закуской на окошко, скинул ряску и говорит девке:

— Ну, теперь, душенька, давай потычемся! Ложись-ка на скамью!

— Нет, батька! Я не хочу лежать, давай лучше по-собачьи пое...ся!

— Да как?

— А вот как: я стану раком, а ты подыми сарафан да валяй через с...ку, а сам лай по-собачьи.

Поп тотчас полез на нее через ж...пу, а сам знай лает, так и заливается! Батрак не вытерпел, как крикнет:

— Ах ты, пес проклятый!

И поп и девка всполохнулись да бежать, а батрак забрал водку и закуску да попову ряску, пошел в избу и стал у дверей. Поп сидит, словно несолоно хлебал, и говорит попадье:

— Ступай, матка! Принеси пива!

Попадья бросилась в погреб, только нагнулась да вынула втулку, а батрак за ней, выбил втулку из рук — пиво полилось. Попадья заткнула бочку пальцем, а сама говорит батраку:

— Ищи скорей да затыкай дыру!

Батрак вынул х...й да ее через ж...пу.

— Не туда! — кричит попадья.

— А куда же?

— Да вот где мой палец!

— Ну, все равно! Где ни заткнуть — лишь бы заткнуть!

Поп ждет не ждется, прибежал сам в погреб, видит — батрак попадью е...т.

— Ах ты, сукин сын! Что ты делаешь?

— Не сердись, батька, я в бане был, твою одежду принес.

— Спасибо, друг, спасибо!

Б

Служил солдат Богу и государю верою и правдою, отслужил свой срок и получил отставку. Бывал он и в походах, и в сражениях, много принял и голоду, и холоду, и всяких трудов, а

ничего не выслужил, кроме листа бумаги. Идет босой, без гроша в кармане, на родину. Никто его и ночевать к себе не пускает, а дождь, как из ведра — так и поливает. Дошел до господской деревни, увидел баню и забрался туда ночевать. Смотрит — в бане стол стоит, на столе закуска наставлена и бутылка с вином приготовлена. Вот солдат долго не думал, все поел и выпил, потом взял на блюдо нас...л, а в бутылку нас...л и залег спать под полук.

Вот слышит он, пришла в баню барыня, разделась вся донага, сидит голая и говорит сама с собой:

— Что-то он, долгогривой шалыган, так долго нейдет!

Немного погодя приходит к ней поп, толстый, жирный! Барыня напустилась на него:

— Экий черт ты, волосатый! Вечно себя ожидать заставляешь!

— Прости, милая! Нужда случилась: ездил больную причащать, насилу выбрался.

— Ну, раздевайся скорей да давай закусывать!

Поп снял с себя всю одежду, налил из бутылки, пьет и морщится:

— Никак, вино-то прокисло! Дай вареньем закусую.

Попробовал с блюда.

— Фу! — говорит. — Да это г...но!

Барыня покушала.

— В самом деле — г...но! Видно, домовый над нами подшутить вздумал!

— Ах, душенька! — говорит поп. — Всячески мы с тобою е...сь, и в лежачку, и встоячку, и через ж...пу, а теперь попробуем так, как солдаты на ученье делают. Ты становись в этот угол, а я пойду на тебя на приступ!

Тотчас взял свой х...й в обе руки наперевес и пошел на барыню, а сам кричит:

— Ура! Ура! За царя, за Русь святую!

Солдат, как услышал это, выскочил из своего места и тоже давай кричать во все горло:

— Ура! Ура!

Поп испугался да бежать, барыня — за ним, а солдат забрал всю их одежду: и салоп, и рясу — все, что только было, и ушел подобру-поздорову.

ВЛЮБИЛСЯ В КУМУ

В одной деревне кум да кума ездили за рожью. Вozы наклали, кум говорит:

— Я влюбился в тебя, кума.

Та отвечает:

— Что ж за грех и срам!

— Что хошь, а я влюбился.

Приехали домой, говорят домашним:

— Разгрузите возы наши, мы опять поедем.

Поехали на другой день, кум и говорит:

— Как хошь, кума, а я не побоюсь греха, тебя сейчас с рук не спущу.

Она отговаривает.

— Тогда, — говорит, — кум, коли дело до того дошло, так лучше в бане. Здесь холодно,

Русские эротические сказки

там тепло. Сегодня девки пойдут на беседы, а я приду в баню.

— Ладно, так и лучше.

Приехали домой, коней распрягли, корму задали.

— Кума, пойдем возы разгружать.

— Ступай, кум, разгружай, я приду, за тобой приду.

Ушел. Вот она его бабе и говорит:

— Вот напал на меня, нельзя отбиться, что хошь делай! Сама поди в баню, а я не пойду.

Старуха говорит:

— Я погляжу, что будет.

Возы они разгрузили, баня истопилась, теплая. Вечером пришел старик в баню, захватил фунтов десять мяса своего, в подарках снести. Старуха, его жена, двери отворила, и говорит шепотом:

— Эй, ты здесь?

— Здесь.

Ну, там и склались. Она спрашивает:

— Каково у меня?

— В два раза слаще старухиной.

Старуха говорит:

— Надо идти, чтобы люди не увидали.

— Захвати мясо с собой.

Она схватила, да и марш. Через час и он пришел.

— Где ты, старик, был?

— В деревне был.

— Ну ладно, ладно.

Поужинали, спать легли. Стала обнимать.

Русские эротические сказки

— Что ты, старик, седни не обнимаешься?

— А устал, возы склал, два воза, руки болят.

— Ну ладно, спи.

Проспали. Она встала, печь затопляет.

— Старик, блинов печь ли?

— А для меня — пеки, все равно.

— Мясо класть ли варить?

— А для меня как хошь — вари.

Она и поднесла показать мясо:

— Кладем все?

Он взглянул:

— Куда ты, много.

Тут и узнал. Она говорит:

— Мясо даровое, ночью добыто, дешево досталось! Едим, что уж тут!

Он взял, глаза одеялом и закрыл. Полежал, встал:

— Надо к лошади сходить.

Оделся, впряг лошадь да и уехал в лес голодный.

ВОЛШЕБНАЯ ТАБЛИЧКА

Жил-был и по городам ходил вольный человек — чеботарь, звали его Дмитрием, величали Терентьевичем, а писался он Запивалкиным, потому что попивал вино хлестко. Сначала много бар и купцов заказывали ему работу, а как стал он проматывать забранный товар в

кабаках, то не стали давать ему не то что шить нового, но даже и починивать старого. Прожил он последние деньги, встал поутру — шибко его ломало, больно хотелось опохмелиться, да не на что, и пошел он в соседний город поискать счастья.

Идучи дорогою, сам с собой думает: «Эх, хоть бы леший взял меня за добрую плату!»

Не успел отойти двух шагов, а навстречу ему незнакомый человек:

— Постой, добрый человек! Куда идешь?

— В город работы искать.

— А что ты сейчас про лучшего думал?

Чеботарь удивился, что его думки все ведомы, и признался встречному. А то был сам леший.

— Ну что ж, продай мне свою душу! И тебе дам неистощимой кошелек, который станет тебе давать денег сколько и когда угодно, только тряхни — так и посыплется. Да еще дам тебе волшебную табличку: коли вздумаешь жениться на какой девке, то поднеси эту табличку ей к заду и спроси: честна ли она? Всю тебе подноготную сама тотчас объявит!

Чеботарь согласился, дал лешему расписку своею кровью, взял от него кошелек да табличку и отправился в город. Здесь он остановился на квартире у мещанина Ярышкина. Жил у него целых пять месяцев и завсегда гулял и кутил: денег-то много!

А у Ярышкина было три дочери-девки, и

захотелось ему женить на какой-нибудь из них богатого Митьку Запивалкина.

— Что ты, — говорит, — не женишься? Вот у меня три дочери — хошь, выбирай любую.

— Хорошо, я не прочь, только наперед надо испытать их.

— А как пытаться будешь?

— Да позволь со всеми тремя по очереди три ночи на одной постели выспаться.

— Изволь, но ты чего худого не сделай!

— Не бойся!

Вот на первую ночь положили чеботаря спать со старшей дочерью — она тому и рада! Только видит, что чеботарь и не думает к ней под подол заглядывать, пождала-пождала и уснула.

Тогда он взял в руки волшебную табличку, поднес к ее заднице и спрашивает:

— Катерина! Катерина!

Она отзывается:

— Ась?

— Честна ты али нет?

— Нет, не честна!

— А со сколькими грешила?

— С двадцатью пятью из крестьянского и мещанского звания.

Чеботарь плюнул и ушел от нее. На другую ночь то же сделал со среднею дочерью.

— Марина! Марина!

— Ась?

— Честна ли ты?

— Нет!

— А со многими ль ты грешила?

— С двадцатью пятью молодцами из купеческого звания.

На третью ночь меньшая дочь Арина объявила, что она согрешила с двадцатью пятью молодцами из духовного звания. Чеботарь отказался от невест, а хозяин обиделся: спал-де со всеми дочерьми, всех, чай, перепробовал, а жениться ни на одной не хочет, и подал на него жалобу городничему. Городничий призвал Запивалкина, тот рассказал ему все по совести. И захотелось городничему в том увериться, велел при себе делать испытания. Призвали трех дочерей мещанина Ярышкина, и вот, какой к заду ни поднесут волшебную табличку, — живо на себя без утайки доказывает. Городничий и все баре, что при этом были, до упаду хохотали и Ярышкину в просьбе отказали.

Женился ли когда Запивалкин и попал ли в лапы лешего — про то мне неизвестно!

БОР МОТРОШИЛКА

У старичка было три сына. Два сына живут как живут, а третий, по имени Мотрошилка, стал поворовывать немного. Сперва по мужичкам маленько, потом еще по господам, потом стали царю жалиться.

Царь и скажи:

— Поди, одинарец, сходи за стариком.

Ну, старик и пришел. Богу помолился, на все стороны поклонился и царю поклон воздал.

— Здравствуй, надежа великий государь.

Он и сказал:

— Что, старичок, сынок-то твой ворует?

— Нет, надежа великий государь, не ворует, а шалит.

— Ну тогда пускай у меня украдет чашу и скатерть, тогда Бог и великий государь простят. Нет — тебя и сына казню.

Пришел старик домой грустный, а сын в окно смотрит, голову повесил. Ну сын и говорит:

— Что, батюшка, кручинишься?

— Ах, другие сыновья живут как живут... А нам царь службу накинуд — украсть чашу и скатерть царскую, а нет — так тебя и меня казнить.

— О, батюшка, это не служба — службишка, впереди служба будет.

Ну он пошел на рынок, купил лакейское платье, а там бал у государя, узнал, в который день на бал едут все генералы, полковники, все едут. Он вскочил к генералу на запятки, и приехали к царскому дворцу. Он выскочил с запяток, приходит в комнату в царскую и платье снимает у этого генерала. Генерал думает, что царский лакей, а царь думает, что генеральский лакей. Они стали кушать все, потом откушали уж, со стола стали убирать, все убрали, он тут все ходит, одна чашка оста-

лась и скатерть, он завернул и понес из покоя в покой и на улицу унес домой. На другой день царю доложили, что нету, потерялась. Царь говорит:

— Мотрошилка, видно, украл. Одинарец, сходи-ка за стариком.

Старик пришел, Богу помолился, опять на все стороны поклонился, царю поклон воздал.

— Здравствуй, надежа великий государь.

— Что, сынок-то твой ворует?

— Нет, не ворует, а пошаливает.

— Чашку и скатерть у меня украл.

— Нет, не украл, взял.

— Что он делает?

— На скатерти ест, а с чашки хлебает.

— Поди, скажи сыну, пускай у меня украдет царского коня, жеребца угонит. Ежели не угонит, тебя и сына казню.

Ну, старик пошел, опять голову повесил. Сын опять и спрашивает:

— Что, батюшка, голову повесил?

— Ах, сын, сын, опять вот царь службу накинуд — жеребца угнать, а нет, так тебя и меня казнить.

— Ну это не служба — службишка.

Ну потом он пошел на рынок опять и купил худую лошаденку и бочку вина купил, впряг и поехал, и едет мимо царского дворца. Взял да лошаденку в воду и в канаву и пихнул. Ну и приходит.

— Ах, братцы, царские конюхи, пособи́те вытащить лошаденку.

Ну они пришли, пособи́ли ему. Он нацедил вина. Потом просит:

— Братцы, царские конюхи, нельзя ли меня как-нибудь приютить к ночи. Не все ведь царь ведаёт.

Ну его и приютили к ночи. Он опять им вина нацедил.

— Пейте, братцы, сколько можете.

Они и напились все допьяна и заснули. Он взял ключи на гвозде и пошел в конюшню, посмотрел: стоит конь в конюшне. Он и в другую — и там такой же опять конь. Он и в третью — и там и третий такой же. Он и думает: «Которого угнать? Каково, ежели не того!»

Ну он и взял всех трех угнал. Потом поутру встали конюхи, сходили в конюшню — жеребца нету, в другую сходили — и другого нету, в третью сходили — там и третьего нету. Ну потом царю доложили, что жеребцы потерялись. Ну потом царь сказал:

— Ну ж, это Мотрошилка украл. Одинарец, сходи за стариком.

Старик пришел, Богу помолился, на все стороны поклонился, царю поклон воздал.

— Здравствуй, надежа великий государь.

— Что, старик, что Мотрошилка коней тех украл?

— Нет, не украл, а взял.

— Ну пускай, — говорит, — из-под меня и царицы перину украдет, то что и Бог — и великий государь прощает, а нет, так тебя и сына казню.

Старик идет, опять кручинится, сын и встречает его.

— Что, батюшка, кручинишься?

— Ах, сын, царь велел перину из-под него и царицы украсть, нет — так тебя и меня казнить.

Мотрошилка пошел опять, пришел крылья себе, ну и видит: около царского дворца окна открыты у царя. Он поднялся и залетел к нему в окошко, и зашел в его спальню, и под кровать сел. Ночь пришла, царь и царица пришли спать и повалились, гусельник играет на гуслях у них; ну они и заснули, и гусельник заснул. Он встал да и в середку нас...л им. Они спали, спали, спохватились. Царь говорит:

— Царица, ты уср...сь.

А царица говорит:

— Нет, ты, царь, уср...ся.

Ну потом крикнули, что уберите постелю. Мотрошилка встал из-под кровати:

— Дайте я уберу.

И взял и убрал. И с покоя в покой, и с покоя в покой — и на улицу вышел, и домой ушел, и постелю унес.

Потом утром встали, царской постели нет, царю доложили:

— Постели нету.

Он сказал:

— Мотрошилка это украл.

Потом царь сделал бал и собрал всех генералов, и всех полковников, и всех архиереев, и архимандритов и всех собрал на бал.

— Одинарец, поди приведи старика и Мотрошилку.

Ну старик и Мотрошилка пришли к государю. Богу помолились, на все стороны поклонились, царю поклон воздали.

— Здравствуй, надежа великий государь.

— Старик, скажи, что сынок-то у тебя ворует?

— Не ворует, а пошаливает.

— Чашу и скатерть у меня украл?

— Нет, не украл, а взял.

— Трех жеребцов украл?

— Не украл, а взял.

— Перину из-под царя и царицы украл?

— Не украл, а взял. На скатерти он ест, из чашки хлеба, на жеребцах катается, а на перине спит.

Царь и говорит:

— Вот, господа, я накинул на него три службы, и он все справил. Что ныне ему сделать?

Все сказали, что царское слово — взад не ходи, простить надо.

Царь и скажи:

— Бог прощает и великий государь, Мотрошилка, тебя прощает.

И Мотрошилка пошел домой. Архиерей один и скажи.

— Просто, — говорит, — вора воровать, как цари стали потакать.

Царь и кликнул:

— Мотрошилка, воротись-ка назад: мо-

жешь ли у этого архиерея что-нибудь украть?

Он скажи:

— Надежда, великий государь, через неделю все будет готово.

Пошел на рынок, накупил всяких материй, сшил себе крылья и пошел ночью к этому архиерею. Пришел, колотится, архиерей и пустил его.

— Кто ты такой есть? — спрашивает.

— Есть я ангел с небес; ваши, владыка, молитвы, вишь, дошли до Господа Бога. Господь послал меня за тобой.

Ну архиерей обрадовался, забегал.

— Отче, — говорит, — к Господу с волосами никак идти нельзя. Господь волос не любит.

Обрадовался архиереюшка, забегал ножницы искать. Потом он волосы у него обрил, у архиерея этого.

— Отче, — говорит, — надо мешок какой-нибудь, лететь ведь далеко-высоко, ты испугаешься, неровно наземь взглянешь, устроишься, упадешь наземь. Я как к Господу прилечу, как тебя потеряю?

Потом он архиерея в мешок посадил и понес его. Притащил к колокольне.

— Ну, — говорит, — отче, я стану тебя пихать Господу, смотри не перни.

Попихал, он и пернул. Он выдернул назад и говорит:

— Ах ты, глинная дыра, душу в ад провела.

Ну и назад по ступеням поволол. И мешок повесил на гвоздик в той церкви у дверей, где царю идти к обедне, и дубинку рядом положил. Ну, и подписал на воротах, что «кто идет мимо этого мешка, так чтобы всякому по этому мешку три раза ударить; кто не ударит, тот будет проклят». И потом кто шел, всякий ударял.

Идет царь сам к обедне и смотрит на надпись на эту.

— Ну, лакей, — говорит, — ударь три раза за меня и за себя.

Потом:

— Сними, — говорит, — мешок.

Сняли, развязали — выскочил человек. Царь и спрашивает:

— Кто ты такой?

— Я, — говорит, — архиерей.

— Какого черта архиерей, у меня такого архиерея нет. Напинай, — говорит, — лакей, его под ж...пу.

Потом:

— Ну, — говорит, — это Мотрошилка сделал.

От обедни пришел домой царь:

— Одинарец, сходи-ка за Мотрошилкой.

Мотрошилка пришел, Богу помолился, на все стороны поклонился, царю поклон опять воздал.

— Здравствуй, надежда великий государь.

— Ну что, Мотрошилка, исполнил службу архиерею?

— Исполнил, ваше царское величество.

Он его и наградил.

БОР НАУМ

Жил-был Наум, — ему работа не шла на ум, — пошел своего барина обокрасть. Попадаетеся ему товарищ.

— Здравствуй, брат!

— Здравствуй.

— Ты куда пошел?

— А я Наум, мне работа нейдет на ум, пошел своего барина обокрасть.

— А я Антон, давно об том! Пойдем вдвоем.

— Ну, пойдем.

Пошли. Попадаетеся третьей товарищ. Сошлись, поздоровались.

— Куда, ребята?

— Я Наум, мне работа не идет на ум, пошел своего барина обокрасть.

— А я Антон, давно об том.

— А я Влас, давно ищу вас.

Пошли втроем. Приходят барину ко двору. Наум посылает Антона через забор перелезть. Антон не лезет, посылает Власа; Влас не лезет, посылает Наума. Наума в солому завертели и бросили через забор к барину. А у барина караульные уснули. Собаки подбежали, понюхали и на соломку посеяли. Собаки убежали, Наумко подбежал к дому, ворох одежды схватил,

через забор выбросал и сам перелез. И стали одежду делить. Разделили, остается енотовый тулуп. Наумко просит себе, и Антон себе, и Влас себе. Наумко и говорит:

— А мне не отдадите, пойду к барину жаловаться. А вы стойте и слушайте под окном.

У барина был сказочник, сказки сказывал. Наумко приходит к барину и говорит:

— Барин, я сказку скажу.

А барин подумал, что сказочник:

— Ну, скажи.

— Жил-был Наум, ему работа не шла на ум... Кому этот тулуп принадлежит?

Барин отвечает:

— Кому же, как не Наумке, про него ведь сказка, — барин говорит. — Ну, сказывай дальше.

— А и сказка вся.

Спустился Наумка, тулуп взял. Барин проснулся, будит сказочника:

— Скажи мне сказку.

— А какую?

— Да вот хоть про Наумку.

— Я вовсе не знаю.

— Ведь ты сейчас сказывал.

Только это переговорили, караульные проснулись и закричали:

— Барина обокрали.

Прибежали, посмотрели: шар шаром.

— Кто, кто украл?

А барин и говорит:

— Это непременно Наумко. И он мне и сказку сказывал. Послать по Наумку.

Приходит Наумка.

— Ты, Наумка, одежду украл?

— Я, барин. Я ведь спрашивал насчет тулупа, вы мне приказали взять, я и взял.

— Да вот что, принеси всю одежду, я тебе дам сто рублей.

Наум пошел к товарищам и говорит:

— Ребята, ведь барин узнал. Давайте одежду, я отнесу.

Те отдали, понес к барину. Барин подает сто рублей денег.

— Ну, Наумко, молодец воровать!

А ста рублей барину жалко. И говорит:

— Ну вот, Наумко, укради же ты у меня еще жеребца; если украдешь, еще сто рублей дам, не украдешь — сто рублей отдай назад.

— Украду.

Баринова жеребца в стаю на замок заперли, наставили караул. А Наумка с вечера залез к барину под кровать, лежит. Барин полежит-полежит, выйдет и спрашивает:

— Что, ребята, Наумка не был?

Караульные отвечают:

— Нет, не был.

Барин говорит:

— Ну да где же к экой строгости подступиться.

В полночь барин еще спрашивает:

— Что, был Наумка?

— Нет, не бывал.

Перед светом еще раз.

— Ну теперь, стало быть, не будет.

Приходит в спальню, снимает тулуп, шляпу и сапоги. И уснул. Наумко вылезает, надевает тулуп, шляпу и сапоги и выходит на крыльцо:

— Что, Наумко не был?

— Нет, не был.

— Где ему подступить! Давайте жеребца седлайте, я поеду.

Жеребца поймали, оседлали, Наумка сел и уехал. Барин проснулся, выбегает:

— Что, Наумко не был?

— Ты кто там, разэдака мать, кричишь?

— Барин.

— Какой к черту барин, барин уехал.

Поглядели — точно барин.

— Послать по Наумку!

Наумка едет на жеребце, в шляпе, в тулупе, в сапогах.

— Молодец, Наумка, умеешь воровать. На тебе еще сто рублей. Теперь укради же ты у меня барыню. Украдешь — еще сто рублей дам, не украдешь — деньги двести рублей назад.

— Украду, барин.

Этот Наумка дознался, что барин отправляет барыню в чужую деревню. Побежал в лавку, купил сапоги хорошие и пошел на дорогу, куда барыню везти. Дорога была кривулиста. Он взял в кривулину сапог бросил и стал к сапогу. Кучер и говорит:

— Ах, барыня, сапог хороший — один, ну наплевать.

Оставили, поехали дальше. Пробежал вперед, другой бросил.

— Ах, барыня, этот другой.

— Ну, сбегай по тот сапог, которой там лежит.

Кучер соскочил с козел, побежал. А Наумка на козлы — и уехал с барыней в чужую деревню. Кучер не нашел сапога и барыни; воротился домой, идет, кнутиком помахивает. Барин глядит в окно:

— Ты что, кучер?

— А что, барин, барыню потерял.

— Ох, он подлец! Это Наумка. Седлать жеребца, ехать за ними.

Поехал кучер. Наумка с барыней катит домой. Приезжает, барин и говорит:

— Ну, молодец, умеешь воровать, на тебе сто рублей. Да вот что, укради же ты из-под нас постелю. Украдешь — еще сто рублей, а не украдешь — деньги назад.

— Украду.

Приходит домой, говорит своей старухе:

— Дай-ка мне в крынку раствору из квашни.

Старуха налила, Наумка взял крынку, отправился, время выждал, залез под кровать и лежит. Барин с барыней лег спать, уснули; Наумка вылезает, гадит в середку между ними, залез под кровать, лежит. Барин проснулся.

— Вставай, язви тебя в дыру, уср...сь ты.

— Что ты, барин, это ты уср...ся.

— Нет, ты.

Соскочили, пошли замываться. Наумко свертывает постелю, в окно вытолкал. Барин с барыней пришли — постели нет.

— Ох, подлец, этот Наумка! Пущай несет постель.

А Наумка идет и постелю несет.

— Ну, молодец, умеешь воровать, вот на тебе еще сто рублей, да больше не воруй!

ВОРОНИЙ ЯЗЫК

Жил на свете помещик. У него была жена да две дочери. И случилось ему раз поехать на охоту. Только он отъехал от дому, да на свою беду забыл плеть, коей оземь хлопают да зайцев пугают.

— Эй, Ванька! — говорит помещик своему слуге верному. — Побеги домой да возьми плеть.

А он прибежал да говорит:

— Сударыня-барыня! Пожалуйте еть.

— Ах ты, сукин сын! Как ты смел эдакое слово вымолвить?

— Мое дело подневольное, меня барин послал!

— Да что он, с ума сошел, что ли?

Выбежала барыня на балкон и кричит мужу:

— Зачем ты Ваньку прислал?

А помещик подумал, что жена не ведает, какую плеть прислать, и говорит:

— Три давай!

Делать нечего, принуждена была барыня дать Ваньке три раза, а за ней и дочери. Отработал их Ванька и прибежал к барину.

— Ах ты, сукин сын! Что так долго копался?

— И то, сударь, копался! Разве у бар скоро найдешь.

Вот воротился барин с охоты, а барыни к нему:

— Ах ты, варвар! Что ты Ваньке наказывал? Мне-то еще с полгоря, а каково Поле с Катею?

— Да я приказывал дать ему плеть.

— А он, подлец, прибежал да говорит: «Пожалуйте, сударыня, еть!»

— Ах, он рассукин сын! погоди ж, я его завтра в солдаты сдам.

Ванька услышал эти речи, заказал кухарке спечь пирог с морковью да купил штоф водки, улизнул ночью из дому и как раз на дороге, что в город ведет, под один куст поставил водку, под другой — пирог положил и вернулся назад. Поутру встал барин ранехонько, приказал связать Ваньку и повез его в город в солдаты сдавать. Подъезжают они к одному кусту, и говорит Ванька:

— Ваше благородие! Не прикажите казнить, прикажите слово вымолвить. Я ведаю, что эта ворона каркает.

— Ну, говори!

— Она каркает, что в этом самом кусту стоит штоф с водкою.

— А ну, — говорит барин лакею, — поди посмотри: не врет ли Ванька?

Лакей побежал и несет штоф с водкою.

— Ах, сукин сын! Он и впрямь вороньему языку знает!

Стали подъезжать к другому кусту, а ворона над пирогом вьется да все: «Кар-кар!»

— Ваше благородие! — говорит Ванька. — Я знаю, что эта ворона рассказывает.

— А что?

— Она рассказывает, что в этом кусту пирог с морковью лежит.

Опять лакей побежал и тащит пирог с морковью.

— Ах, сукин сын! Он и взаправду вороньему языку знает! Ну, Ванька, выучи меня по-вороньему, я тебе вину прощу.

— Извольте, сударь! Только это дело хитрое: надо наперед в ж...пу уеть.

Вот барин думал-думал и согласился; Ванька хватил его своим холопским х..ем и так умучил, что барин и язык высунул. Сделал дело и выпустил барина. Летит ворона да громко каркает.

— Знаете, сударь, что ворона рассказывает?

— Нет, не знаю.

— Она говорит: «Стар, стар! Сразу не выучишь, надо три раза в ж...пу уеть!»

Барин плюнул:

— Пошел прочь, сукин сын! Куда хочешь иди, только на мои глаза никогда не показывайся!

Тут они и расстались.

ГЕНЕРАЛ И ГОРНИСТ

Жил-был генерал, у него была жена молодая, а сам-то он дюже стар; ну жена его и не любила, а свела знакомство с адъютантом. А у той генеральши была горничная, девка важная, и сваялась она с горнистом; как только ни генерала, ни генеральши нет дома, он тотчас к ней и прибежит.

Случилось в одно время зашел к ней горнист с ученья, и труба при нем, пошли в генеральшину спальню, пое...сь разок-другой, а тут вдруг слышат шум: сама генеральша приехала и адъютанта с собой ведет.

— Куда мне теперь спрятаться? — спрашивает горнист.

— Полезай под кровать!

Он подлез под кровать. Потом пришла генеральша со своим любовником; адъютант разделся, снял с себя золотые часы и положил на стол. Стали они промеж себя забавляться.

— Послушай, душенька! — говорит адъютант. — Стань-ка ты раком, а я буду на тебя штурмом идти, точь-в-точь как Варшаву мы брали.

Генеральша стала раком, адъютант спустил штаны, поднял рубаху, закричал «ура!» и пошел на приступ. Горнист выскочил из-под кровати и давай играть в трубу наступление... Генеральша в одни двери бежать, адъютант в другие! А горнист смотрит и думает: «Что б

такое мне взять в завоеванном городе? Возьму-ка я часы — при нужде пригодятся!»

Взял часы и ушел. На другой день было назначено ученье. Вышел на ученье и горнист, молодцом оделся и часы нацепил на себя и цепочку выпустил. Адъютант увидал свою цепочку, подошел к нему и спрашивает:

— Послушай, братец! Откуда ты это взял?

— А это, ваше благородие, помните, как мы с вами Варшаву брали — так я с бою взял.

— Ах, помню, помню, братец! Владей себе на здоровье!

ГРИШКА — БОЛЬШОЙ Х...Й

Был на свете помещик — куда любопытный! Раз ехал он по дороге и повстречался с мужиком — везет на базар воз сена. Барин остановил его и спрашивает:

— Что везешь?

— Солому, ваше благородие!

— Ах ты, сукин сын! Какая солома — это сено.

— А х...й ли же ты, — спрашивает мужик, — коли сам видишь!

— Вот бестия! Разве ты никого не боишься, что так отвечать можешь?

— Нет, барин, крепко боюсь поповой собаки — никогда без палки мимо попова двора не хожу.

— Ах ты, подлец! Да как тебя зовут?

— Меня зовут Гришка — Большой х...й. Приедешь домой, не сказывай жене молодой.

С тем барин и поехал. Приезжает домой, садится обедать; вспомнил, что мужик ему сказал, и рассмеялся. А барыня ему и говорит:

— Чего ты, душенька, эдак рассмеялся?

— Так, про себя!

— Нет, скажи, пожалуйста!

Знай пристаёт к нему. Нечего делать, рассказал барин все, как было. Как услышала барыня, так и покатилась со смеху, инда усс...сь — любо ей стало!

На другой день барин на охоту, а барыня заказала блины поставить и послала за Гришкою — велела к себе позвать. Гришка — Большой х...й тотчас явился.

— Здравствуй, барыня!

— Здравствуй, Гриша! Садись блины кушать, только с тем уговором, чтобы есть блины, в масло макать, а не капаться. Кто окапается — тому под испод ложиться!

Гришка видит, что дело-то подходящее, и говорит:

— Слушаю, сударыня!

Вот он ест бережно, ни разу не капнул, а барыня так и поливает себя маслом — больно захотелось ей под испод попасть. Поели блины, барыня и сказывает:

— Ну-ка, Гриша, дай я погляжу, не окапался ли ты?

— Извольте, сударыня!

Она посмотрела: нет, ничего не видать.

— А теперь давай, барыня, я тебя посмотрю.

Смотрит, она не то что окапалась, почитай, совсем облилась.

— Ну мне — так мне! — говорит барыня. — Пойдем на диван.

Легла барыня на диван, а Гришка взобрался на нее да так ее засупонил, что инда заржала — очень хорошо показалось! Только он от...б разок, а барин и воротился с охоты. Куда Гришке деваться?

— Полезай под диван! — кричит барыня.

Он и подлез под диван. Вот пришел барин и сел за стол обедать; а у них был маленький сынок.

— Смотри, — говорит, — батька! Ешь блины, да не копайся, а не то под испод попадешь. Мама ела да окапалась, так под Гришку попала, от страстей инда заржала!

— А где Гришка?

— Да вон под диваном лежит!

— Ах, сукин сын! Ты зачем сюда забрался?

— Я ведь тебе, барин, сказывал: приедешь домой, не сказывай жене молодой. А ты не послушался — на себя и пеняй!

— Ступай к черту, мошенник ты эдакий!

— Прощай, барин!

ДВУХ ХВАТИЛ, А КОНЕЦ ВСЕ МОТАЕТСЯ

Жил-был поп с попадьею, у них было две дочери-невесты. Понадобился попу работник, и стал он искать такого, чтоб не знал ни одного похабного слова. Едет он дорогою, а встречу ему молодец.

— Куда идешь, молодец?

— В работники наниматься.

— Наймись ко мне. Что возьмешь?

— Сто рублей в год.

— Больше дам, коли угодишь. Садись со мною.

Сел парень, и поехали.

— А много ли, молодец, ты знаешь? — спрашивает поп.

— Все знаю.

Поп заворотил у своей кобылы хвост:

— А это что?

Парень посмотрел:

— Это пи...а, батюшка!

— Ну, брат! Проваливай, мне не нужно такого ругателя!

Парень слез и думает: «Что за диво! Кажись, я сказал правду, а он осерчал. Дай забегу вперед да скажу теперь иначе».

Забегал вперед и опять идет навстречу.

— Куда, молодец, идешь?

— В работники наниматься.

— А что просишь?

— Двести рублей.

— Садись ко мне, я сам ищу батрака.

Парень сел.

— А много ль ты знаешь?

— Да все ведаю!

Поп поднял у кобылы хвост:

— А это что?

— Да вишь, батюшка, ныне зимы лютые, а лета жаркие, должно быть, или от жару треснуло, или от морозу лопнуло.

— Ну, свет, мне такого и надобно!

Приезжает поп домой и рассказывает жене:

— Ну, мать, нашел батрака, и какой важный! Даже не знает, как пи...у назвать. Уж этот не скажет дочерям похабного слова!

— Это хорошо! — говорит попадья.

Выжил батрак у попа целый год, ни единого похабного слова от него не слышали. Пришло к расчету. Получил он с попа деньги, вышел в сени, сел на ступеньке, разделил деньги на три части.

— Одна часть, — говорит, — жене с детьми на хлеб, другая на оброк, ну а третью куда? Пойду да бабам про...у!

Попадья услышала эти речи и говорит потихоньку попу:

— Батюшка! Батрак-то расклат деньги на три кучи: эту, говорит, туда, эту — сюда, а третью пойду да бабам про...у.

— А мне что! — сказал поп. — Его деньги, куда хочет, туда и денет!

— Не к тому речь, батюшка! Я вот что смекаю: ведь меня не убудет, коли я ему разок

дам. Пускай пое...т — по крайней мере, хоть третью часть назад воротим!

— Правда твоя! Пускай пое...т...

Попадья выбежала в сени:

— Работник! Ты что говорил?

— Деньги считал.

— А третью часть куда девать хочешь?

— Хочу бабам проеть.

— Так что же! Пожалуй, я тебе дам.

— Как можно, матушка! Ведь поп увидит, того гляди, еще прибьет!

— Ничего, работник! Он сам позволил.

— Ну коли позволил, так поди же скажи ему, что я, пожалуй, е...ть тебя стану, только, чур, на повете и чтоб поп под тобою лежал.

Попадья сейчас к попу:

— Так и так, батька! Иначе не соглашается, как на повете и чтоб ты под испод лег.

— Ну, — говорит поп, — куда ни шло! Лишь бы деньги получить.

Вот влезли все трое на поветь, поп лег брюхом на солому, попадья на него спиной, а работник на попадью и давай ее обрабатывать. Поп лежал-лежал, у попа х...й встал — пробился сквозь солому и торчит прямо на двор. А поповны как только услышали, что батрак будет попадью пилить, тотчас выбежали посмотреть, как это дело делается? Смотрят, а х...й сквозь поветь мотается.

— Дунька! Глядь-ка, — кричит старшая поповна сестре своей, — вишь, какой у работника х...й большой: сквозь матушку прошел,

сквозь батюшку прошел, сквозь поветь прошел, а конец все еще мотается!

— И то мотается! Вить он матку-то замучает. Давай-ка, Машка, накалим поскорей кочергу да прижмем ему кляп-то!

Сейчас побежали в избу, накалили кочергу, вынесли во двор и приложили горячим концом к батькину х...ю. Поп, словно бес, завертелся и заревел не своим голосом:

— Ай, батюшки! Х...й горит!

Выскочил исподнизу да на все стороны так и мечется.

Попадья говорит:

— Ну, батрак! Подавай деньги.

— За что?

— Как за что? Ведь ты меня на попе у...б?

— Нет, матка! Поп из-под нас выскочил, чуть-чуть меня не ушиб! Не за что вам денег платить.

Так и ушел.

ДЕРЕВЕНСКИЙ ВОР ВАНЬКА

В одном селе было у старика два сына, старший брат крестьянин, а младший просто дурачок: дома хлеб воровал да носил в деревню, разные вещи домашние и разношивал куда попало. Отец да брат прогнали его, на дорогу дали хлеба буханку. Делать было дураку нечего, отправился куда глаза глядят. Шел, шел дорогой и дошел до маленького

городка. В этом городке жил богатый помещик, у которого было много скота, держал прислугу, имел свои сады. Вор Ванька стал около этого городка кормиться: где свистнет хлеба кусок, где перепродаст. И все не попадался. Наконец решил испытать себя: повесил на коя на изгороди шапку и старался украсть ее, чтобы никто не заметил. Это он проделал до трех раз. Когда Ванька воровал шапку в третий раз, мимо проходил помещик и спрашивает:

— Что ты делаешь?

— Ворую свою шапку.

Помещик рассмеялся, дал ему рубль на хлеб и велел завтра украсть с поля плуг.

— Если украдешь — даю денег, не украдешь — ж...пу напорю.

Иван пошел в поле, где пахали помещиковы работники. Работники спустили лошадей и стали обедать, а плуг оставили на краю поля. Иван заметил в кусте двух зайцев и закричал. Один заяц побежал мимо работников.

Иван кричит:

— Лови его, лови!

Работники побежали все и позабыли плуг. Иван схватил плуг и ушел. Работники пришли — плуга нет. Пошли и сказали помещику, что украл плуг, верно, Ванька. На другое утро приходит Ванька, помещик спрашивает:

— Ты украл плуг?

— Украл.

— А как же ты?

Ванька рассказал все, как было.

— А укради с конюшни лошадь мою. Не украдешь — вот мой меч, голова с плеч.

Сошел Иван в пивную и здорово подвыпил. В городе он купил бочку вина, увез себе на квартиру. Вечером подговорил одного мужика с лошадью и вечером поехал с вином мимо помещичьего двора. У двора стояли два работника и караулили лошадь. Ванька опрокинул бочку с вином, а мужику наказал молчать и велел ему уйти, а сам закричал:

— Православные, помогите навалить бочку.

Бочку навалили. Иван дал им по кружке вина. Работникам показалось мало, стали просить по другой. Работники сильно опьянели, ушли ко двору и уснули. Иван зазвал с лядины мужика. Взвалили на плечо мялицу, коей ляда конопель мнут, взяли метлу и пошли ко двору. Увидели, что они спят, отворили двор и увели пару коней, а мялицу поставили у ворот и пьяного работника привязали к мялице, а другого работника — к другому концу мялицы, а метлу поставили между ними. Утром помещик пошел проведать лошадь и увидел, что караульщики спят, привязанные к мялице. Разбудил их и выгнал со службы. Позвали Ивана, который и рассказал, как было дело.

Помещику захотелось во что бы то ни стало Ивана наказать. Он придумал, чтобы Иван украл деньги из его комнаты. Иван ушел в пивную, сел за стол и пьет пиво. Стал

думать: задача трудная. Ночью Ивану не спится. На следующий день везли на кладбище покойника, гроб был покрыт белым коленкором. Покойника похоронили. Иван ночью отрыл покойника и одел его во все белое, взял лестницу и отправился к помещику. В окне бариновой комнаты горел огонь. Иван тихонько поставил к подоконнику лестницу, поднял покойника, сунул его головой в окно. Помещик покойника увидел, выстрелил в лоб покойника. Иван спустил покойника с рук, а сам спрятался за угол. Помещик испугался, что убил Ивана, выбежал на улицу, побежал к покойнику, хотел поднять его, но не мог. Позвал работника и вдвоем утащили покойника в поле. Тем временем Иван снял раму, стащил сундучок с деньгами и потушил огонь. Помещик пришел в комнату, увидел, что свечки погашены, зажег снова и увидел, что сундучка нет. Помещика взяло зло. Утром позвал Ивана. Помещик спросил:

— Взял деньги?

— Украл.

— Дак укради же мою единственную дочь. Иван сразу не согласился, а спросил неделю сроку и у барина денег.

— Если украдешь дочь, дак отдам за тебя замуж и пол-именья, а не украдешь — казню.

Почесал Иван затылок, взял у барина деньги и ушел. Целых два дня Иван глаз не сушил, все пил. В это время помещику послали

письмо из города от короля, чтобы он приехал в город. Король пригласил всех на бал. Помещик выехал, а дома наказал удвоить охрану дочери. В город поехал вдвоем с помещицей. Приехавши в город, помещик является к королю. Король спрашивает:

— Зачем вы оставили дочь дома?

И приказал доставить дочку на бал. Извозчик уехал обратно за дочерью. В это время Иван шел дорогой и увидал двух чертей, которые дрались. Иван спросил:

— Чего вы деретесь?

— Не можем разделить имущества.

— А что у вас делить?

— Гусли-самогуды, ковер-самолет и стрелу. А нас двое.

Иван стал просить, чтобы из этих вещей что-нибудь дали ему. Черти отказали и стали просить совету. Иван и говорит:

— Вот пуцу стрелу: который раньше добежит, того и вещи.

Черти согласились. Иван выстрелил, черти побежали. Иван сел на ковер-самолет, забрал гусли и полетел. Дорогой увидал: стоит повозка, распряжены кони, на траве сидит богатая девушка-красавица. Это была помещичья дочь. Подлетев к ней, Иван заиграл в гусли, дочка пригласила его вместе ехать. Иван согласился, и поехали. Ехали, ехали, кони устали, нужно было кормить. Дочь работника послала в село. Работник ушел. Иван сказал, что у него есть самолет.

— Давай сядем и скорее приедем к королю.

Дочка согласилась и оставила в карете письмо работнику.

Работник пришел, взял письмо, прочитал. Она писала, что «я уезжаю, а ты воротись обратно».

Иван увез дочь помещика в другой город. Помещик ждать-пождать — дочери нету. По всем городам был дан розыск. Ивана поймали. Помещик выдал за Ивана свою дочь и отдал пол-именья.

ДУРАК И ПОПАДЬЯ

В одной деревне жил-был старик со старухой; у них было два сына: умный и дурак. Умный ходил на охоту, стрелял птиц да ловил зверей сетями. Вот и дурак задумал поохотиться; сделал петлю и расставил у входа в погреб. Старуха пошла было в погреб, попала в петлю и удавилась. Дурак увидел и кричит во всю дурацкую глотку:

— Зверя поймал! Зверя поймал!

ЖЕНИНА ВЕРНОСТЬ

А

В одном селе жил-был поп с попадьею. Только поп этот не очень-то на жену смотрел, а снюхался с просвирнею.

Вот раз как-то ввечеру попадья вышла на двор коров доить, а поп стоит с просвирнею за забором, да все ее просит, да добро ей сулит.

— Приходи, — говорит, — завтра в овин. Я тебе и муки, и масла, и круп, и соли — всего-всего нанесу!

— Хорошо, приду.

Попадья все это слышала. На другой день, только стало смеркаться, она поскорей в овин, забралась туда раньше всех и сидит себе: ни гугу! Глядь — лезет поп, словно мерина себя всякой всячиной навьючил, и спрашивает потихоньку:

— Просвирня! Ты здесь?

— Здесь, батюшка, — отвечает попадья шепотом.

— Вот тебе целый узел. Бери: в дому пригодится!

Полежал с ней маленько и давай складчину делать.

Е...т попадью, а сам говорит:

— У тебя, свет, не в пример слаще, чем у попадья.

— И, батюшка! Не все ли равно? Что у ней, что у меня — все дыра!

— Нет — большая разница. У тебя дыра узка!

Покончил поп свою работу, пошел домой, а попадья припрятала узел да за ним же вслед. Вошла в избу, налила щей, нарезала хлеба и зовет попу ужинать. Поп попробовал и говорит:

— Давай, матка, соли!

— А где я возьму! Ступай к своей просвирне в овин — она тебе даст.

Поп смекнул, что дело-то выходит кляп! И замолчал.

С той поры не стало ему ни житья, ни покоя: попадья во всем отказывает да просвирней попрекает!

«Дай, — думает поп, — схожу на базар да найму молодого батрака; авось он поможет отомстить попадье за ее насмешку!»

И попадаетея ему на базаре бравый парень.

— Здорово, свет! Куда идешь?

— Иду наниматься в работники.

— Наймись ко мне! Ста рублей не пожалею, а работа у меня не тяжелая: сделай только, чтоб попадья не попрекала меня просвирнею, — сейчас и деньги в руки!

— Ладно, батька! Это можно живо обработать.

Воротился поп домой и батрака привел. На другой день поутру собираются они в поле ехать. Попадья поставила им вчерашние щи на завтрак, а соли опять не дала: ступай-де к своей просвирне — она даст!

Выехали поп с батраком за околицу, уговорились, как и что, пустили лошадей на траву, а сами назад.

— Ну, батька! — говорит батрак. — Стань здесь под окошком, смотри и, что б я ни делал, до тех пор терпи, пока сил хватит!

Поп стал под окном, а батрак — в избу,

видит — попадья квашню месит. Как заплачет он горько да жалостно!

— Что с тобой подеялось? — спрашивает попадья.

— Ах, матушка, беда моя! Повстречался отец со мной, велит домой ехать, хочет женить меня; а я еще мал, ничего не разумею, никогда не спал с девками, что с женою творить — не ведаю.

— Эх, руки-то у меня в тесте, а то б я тебя, пожалуй, поучила. Ну да и так можно!

Легла посередь пола и говорит батраку:

— Полезай на меня!

Батрак и полез на нее через голову.

— Куда ты? — кричит попадья. — Не туда, не туда! Вот сюда лезь!

А сама подняла сарафан и рукой в м...ду тычет. Батрак сбоку полез.

— Да не так! Экой дурашка! Будто ты и взаправду никогда греха не творил?

— Творил, матушка, да с кобылою, а с бабами не случилось.

— Ну так я стану на карачки.

Стала попадья на карачки, задрала подол и говорит:

— Полезай с заду, да скорее!

Батрак опять не туда лезет.

— Что ты, дурак! Сам сказывал, что у тебя было дело с кобылою; я и стала по-кобыльи, а ты и тут не умеешь!

— Да ведь в те поры, матушка, я боронил; кобыла была в хомуте и в бороне!

— Ну, ступай, принеси борону и хомут и запряги меня.

Батрак сбегал, надел на попадью хомут и запряг в борону, а сам все не лезет.

— Ну, что ж ты мешкаешь? Вишь, я и в хомуте, и с бороною...

— Да у кобылы-то, матушка, хвост был.

— Экой! Возьми поскорей батякину кропильку да воткни мне в ж...пу — вот те и хвост!

Тут поп не выдержал и закричал во все горло:

— Ах ты, курва, еще мою кропильку поганить хочешь!

Батрак взял с попа денег, а попадья с того времени перестала напоминать попу о простирне.

Б

Жили мужик да баба, детей у них не было. Взяли к себе на утеху племянника. Дядя-то был стар, а дядина тетка еще не так-то стара, а середка на половине.

Раз поехал дядя с племянником в лес дрова рубить и дорогой расхвастался:

— Экая у меня славная баба! И какая в законе твердая. Уж ее никто на грех не заманит.

— Пустяки! — говорит ему парень. — Это дело вовсе не трудное.

Поспорили они и порешили на том: коли племянник да сумеет соблазнить тетку, так дядя

должен ему подарить две пары быков и с телегами. Воротились домой. Дядя стал под окном, а племянник вошел в избу и горько плачет.

— Что ты, сынок, плачешь? — спрашивает дядина тетка.

— Как не плакать? Приехали мы с дядею в лес, увидали дупло и поспорили, чей х...й больше? Он говорит: его больше, а я говорю: мой больше. Что делать? Решились попробовать, чей в дупло не войдет. Дядя сунул в дыру, а гадюка его прямо за х...й и укусила. Тут он и помер!

— Черт с ним! — говорит тетка. — А твой х...й вошел в дупло?

— Нет, мой не вошел.

— А ну, ложись со мной на постель да по...би меня.

— Я эдак-то не умею. Намедни я кобылу е..., так с задю ее угодил.

Дядина стала раком и ж...пу подставила.

— Стой! Еще не все. На кобыле-то седло было.

— Ах, подлец! Ступай в сени, там седло висит, возьми да живей поворачивайся!

Парень принес и оседлал тетку.

— Как же теперь еть тебя? Ведь у кобылы-то хвост — есть за что подержаться!

— Ну возьми ложку, воткни в ж...пу и е... и поскорее!

Дядя услышал и кричит в окно:

— Полно, полно! Не бери ложки — не погань, а то хлебать нечем будет!

Прибежал старик в избу, схватил кнут и давай валять жену:

— Эка подлая! Из-за тебя пару волов проиграл...

ЗАГАДКИ

Жил-был мужичок, ходил он в кабачок и посещал бардачок. Женился он на двадцать первом году и заехал жонке в п...ду и сделал сына беду. И назвали его Иван Голой, двор полон, скота не было и закирывать некого. Ехал мимо этой деревни барин, у Ивана Голого выпросился ночевать. Иван Голой:

— Я бы пустил, да у меня жена родила.

— Дак ты возьми меня кумом.

Иван согласился. Барин подержал крестника и уехал. Через несколько лет проезжает мимо этой деревни и спрашивает у ребят:

— Нет ли Ивана Голого сына?

Выходит мальчик:

— А я.

— А где твой отец?

— А уехал сеять хлопот.

— А мать ваша где?

— А делает одного из двух.

Крестной не стал больше ничего спрашивать. Приезжает в гости к ним, а мать сидит пьет.

— Экой крестник, меня обманул, сказал: «Делает одного из двух».

А она и отвечает:

— Да, вот мой кафтанишко да мужний балахонишко, сыну из них сюртук шью.

— А где ваш муж?

— А уехал репу сеять.

— А крестник сказал: уехал сеять хлопот.

— Да, он сказал правду: когда репа вырастет, ребята станут воровать, а он станет хлопотать, как бы не украли.

Крестному крестник понравился, он и стал просить:

— Отдайте мне его, я вам денег дам.

Они отдали. Крестной привез крестника. Когда крестник стал большой, вдруг царь клич кличет:

— Кто загадку загадает, а царская дочь не разгадает, за того царь дочь замуж отдаст.

Вот Ивана Голого сын пошел загадывать загадку: взял с собой два яйца, приворотил на бойню — там корову бьют, а в брюхе у ней теленок. На кухне его яйцо сварил и съел. Приходит к царевне. Царевна спрашивает:

— Зачем пришел?

— Пришел загадку загадывать да вас замуж брать.

— Ну, говори.

— А вот: зародилось, а на свет не появилось, я был смел, изжарил да съел.

Царевна этой загадки не могла разгадать. Она показала ему груди и спрашивает:

— Которая отцова, которая материна?

А он вынул из кармана два яйца и спрашивает:

— Которое яйцо старой курицы, которое молодой?

Она тоже не знает. Она опять спрашивает:

— А что это: я на войне не была, а ранена?

И сорочку приподняла. А он отвечает:

— Да, у меня не велико ружье, да так в цель бьет, что ни разу мимо не пролетит. .

Взял да и выстрелил. Тогда она взяла его за руку и повела к отцу:

— Вот, батюшка, мой суженый.

ЗЯТЬ И ТЕЩА

Жил-был парень с дурцою. Женился, да через неделю и поехал с женой к теще в гости. Жена говорит:

— Посадят тебя за стол у моей матушки, не часто ложкой черпай; часто будешь — толкну.

Посадили их за стол в переднем углу. Как заходила у зятя ложка туда-сюда, жена его под столом толкает — он и ужинать перестал.

Легли спать; зять с женой на лавке. Говорит он ночью жене:

— Я за ужином ничего не ел, так мне есть хочется.

Жена послала его в сени: там-де стоит тесто. Тем временем жена влезла на печь, а теща легла на лавку. Подходит зять к теще:

— На-ка, жена, теста попробуй!

Та как забздит.

— Не дуй, жена! Тесто давно остыло, вчерашнее!

Та как запердит: пррр!..

— Вишь какая! Еще есть просит!

Рассердился, ткнул ей тестом в ж...пу и пошел руки мыть; не догадался нагнуть кувшин; всунул в него руки, вымыл, а назад никак не вынет.

«Пойду, — думает, — на двор, разобью кувшин да освобожу руки».

Тут проснулась теща; хватя за ж...пу — совсем, думает, уср...сь; побежала на двор. А зять не разглядел тещу, думал, что столб, да как хватит кувшином об тещину задницу.

— Батюшка-зятюшка! Не дерись, впервой в жизни случилось!

ИВАН ЛЫКОВ

В некоем царстве, в некоем государстве жил-был человек иностранный, по прозванию Иван Лыков. Соскучился Иван Лыков на одном месте сиднем сидеть, и пустился он в путь-дороженьку по речке Еблюшке. Гребнет еб...т — сто верст уйдет. Подгребают, подье...ет — пять маленьких уезжает. Приезжает Иван Лыков в некое царство, в некое государство, видит: красные девушки белье полощут.

— Бел х...й вам под валец, красные девицы!

— Черна пи...а тебе на х...й, доброй молодец! Кто ты таков?

— Я человек иностранный, зовут меня Иван Лыков, х...й лысый, под муд...ми горностаи, посреди х...я кукушка, на плечи соловей. Мой х...й яровит, в трех местах золотом перевит, на гору идет — не задыхается, под гору идет — не спотыкается, кою раз пое...т, у той три года в пи...е сласть живет!

И молвит ему одна красна девица:

— По...би, — говорит, — меня, Иван Лыков!

— Мой х...й даром не е...т — позолота линяет. Она дает ему скатерть-самобранку.

В другом царстве за то же девица дает самовар, из которого льются всякие вины.

В третьем царстве третья девица дает ему ковер-самолет. Потом приезжает он в женское царство, где царит царь-девица, а мужчины все в остроге сидят. Туда посадили и Ивана Лыкова. Острожные чуть с голоду не умирают. Он стал их угощать с помощью скатерти-самобранки. Узнала царь-девица и просит у него скатерть.

— Не продажная! Дай с тобой часочек полежать и за одну титечку подержать!

За самовар потребовал с нее:

— Дай два часочка с тобой полежать и за обе титечки подержать.

Потом велел он держаться за ковер и ле-

тал с ними. За этот ковер он потребовал, чтоб царь-девица легла, заголясь, на ковре, а его на ремнях над нею держать. Тут скомандовал он коври подняться к себе и употребил царь-девицу.

ИВАН-ДУРАК

Жили братья Василий, Федор и Иван-дурак. Поставили они силки в лесу. Иван пошел, попала в силоч лисица. Иван погладил, из ее искры и посыпались.

— Да ведь это собака попала! Будь она проклята, собачонка!

Ее и выпустил. Приходит домой, братья спрашивают:

— Чего попало?

Иван рассказал.

— Да ведь это лисица! Иди завтра, кто попадет, того и неси.

Иван пошел. Старуха пошла по грибы да головой и попала в силоч, стоит, снимает петлю с шеи. Иван увидел и говорит:

— Вот мерзавка лисица!

Хлоп ее топором, убил. В мешоч положил, принес домой, положил в сени на лавку.

— Седни, братья, лисица так лисица попала, большая.

Братья посмотрели.

— Ванька, да ведь это старуха! Нас ведь засудят.

А в деревне на собрание погнажи, искать старуху, потерялась. Иван говорит:

— Я сам пойду на собрание.

На собрание пришел.

— Старуха-то пропавшая у нас.

— Веди.

С собрания народ идет. Братья испугались. Он привел народ и стал копать в подвале, выкопал козлиную голову.

— У вас старуха-то с рогами? Тут какая-то с рогами! И с бородой!

Вытащил козлиную голову.

— А, с дураком связаться, так сам дурак будешь.

Ушли назад.

Братья говорят:

— Как уснет, увезем в поле, закопаем.

А Иван слышал, в мешок и залез. Братья взяли мешок и повезли. Доехали до болота, поехали по кочкам, он и говорит:

— Полегче, братцы.

— Ох, будь он проклят, он с нами едет.

Приехали к сосне, добыли огня, стали обед варить. Слышат голоса, разговаривают. Они испугались да на сосну и полезли. И Иван полез и старуху за собой тащит. Пришли бродяги.

— Вот Бог добрый: кто-то приготовил и сам ушел. Пожалуй, поужинаем.

Братья сидели, сидели, Иван сс...ть захотел.

— Братья, я сс...ть хочу, держите старуху.

— Подожди маленько, потерпи.

— Усся.

Сс...ть стал, бродяги говорят:

— Вот Бог добр: выпрело, так приуполиват.

Иван сидел, сидел и говорит:

— Братцы, я сс...ть хочу, держите старуху.

— Потерпи, Ваня.

— Нет, братцы, уср...ся... — и стал сс...ть.

Бродяги говорят:

— Насколько Бог добр — прибавляет.

Иван сидел, сидел и говорит:

— Я старуху брошу, руки устали.

— Держи, Иванушка, потерпи.

Иван старуху вытряхнул из мешка, старуха пала, бродяги испугались.

— С неба покойники повалились!

И убежали. Потом одумались, один и говорит:

— Я пойду, посмотрю, если залопочу, то вы бегите прочь, а если зареву — ко мне.

Иван слез с сосны, стоит, на ножике мясо держит. Бродяга идет.

— Что, упрело?

— Упрело, отведай.

Бродяга рот раскрыл, Иван ему язык отрезал. Бродяга побежал прочь, залопотал. Бродяги все и разбежались. Братья поехали домой, старуху с собой захватили. Наутро Иван и говорит:

— Я поеду старуху продавать.

— Что ты, Иван, ведь тебя засудят.

— Не, продам.

Повез старуху в город, зашел в лавку, лавочник отвернулся. Иван старуху поставил к меду, будто старуха горстью мед ест. Лавочник увидал и говорит:

— Будь ты проклята, — хоть бы пальцем, а ты горстью.

Старуху и задел. Старуха упала. Иван выскочил и говорит:

— Зачем ты мою мать убил? Сколько в силах, я бы заплатил.

Лавочник испугался:

— Ради Бога, молчи. На пятьсот рублей, только молчи.

Затащил старуху в лавку, дал Ивану пятьсот рублей. Иван уехал домой.

— Вот, братья, говорили вы, что не продам, а я пятьсот рублей взял.

— Врешь?

— Посмотрите, вот деньги.

Братья поверили, запрягли сани, всех на дороге — кто идет, того обухом. Набили народу полны сани, повезли в город продавать.

— Не надо ли битых людей?

Их арестовали, посадили в тюрьму. Иван остался, стал жить да поживать.

ИВАН-ЦАРЕВИЧ В ПОДЗЕМНОМ ЦАРСТВЕ

Начиналась эта славная сказка в том царстве, в том государстве, где и мы живем. Жил там царь — вольный человек. Этот царь был слепой. У царя было три сына — Федор-царевич, Василий-царевич и Иван-царевич — дурак дураком, все лежит на печке день деньской, в ус не дует. Вот Федор-царевич и стал говорить отцу:

— Ты, отец, слепой, дай мне коня доброго, сто рублей денег и благословенье, я поеду в иностранные земли искать воду целебную.

Царь дал ему сто рублей, коня доброго и благословил, тот и поехал. Ехал, близко ли, далеко, низко ли, высоко, не так скоро дело делается, как сказка сказывается. Доехал Федор-царевич до развилки: одна дорога ехать — конь будет сыт, а сам голоден; другая дорога — сам сыт, конь голоден, а третья дорога — живому не быть. Думал, думал, поехал, где самому голодать. Ехал, ехал, доехал до двора — дом стоит преогромный, теремом не назвать, так велик. Выскочили из того дома три девицы.

— Ай, Федор-царевич, к нам заходи, твой батюшка твой бывал, квасу пивал, хлеба-соли едал.

Коня подхватили, насыпали коню овса, завели царевича в дом, посадили за стол, чаем напоили.

— Ну, — говорит одна, — не угодно ли со мной в теплую постель, позабавиться?

— Можно.

Увела, привела к кровати:

— Ну, давай, Федор-царевич, ложись на кровать.

Федор-царевич на кровать лег — и вниз рухнул, полетел в погреб сорок сажон, — кровать была с подлогом. В погребе уж много молодцов сидит, спрашивают:

— Кто ты такой?

— А я Федор-царевич.

— Вот хорошо.

Так и сидят в погребе. Вся пища: бросят соломки да воды нальют.

Царь с месяц времени дожидался сына, в печаль вдался. Другой брат, Василий-царевич, тоже стал проситься, и ему царь дал сто рублей денег и коня. Опять по той же дороге поехал, и с ним то же случилось...

Тут уже Иван-царевич с печи встал, умылся, стал просить у отца благословения, живую воду и братьев искать. Царь его уговаривал:

— Куда ты, дитя! Те уехали — пропали, а если ты уедешь, у меня государство без наследника останется.

— Любезный батюшка, не дашь благословенье — все одно пойду.

Дал царь благословенье, и сто рублей денег, и хорошего коня. Вот Иван сел на коня и поехал и до той же развилки доехал. Думал, думал и поехал, где живому не быть. Ехал день

либо два и доехал: стоит избушка на курьих ножках, об одном окошке, на сыром говешке, и вертится. Говорит Иван-царевич:

— Повернись, избушка, к лесу глазами, ко мне воротами.

Избушка остановилась. Из избушки выскочила баба-яга костяная нога, ж...па жилена, м...да мылена.

— Ох, — говорит, — здравствуй, Иван-царевич! В нашу сторону ворон и русской кости не занасивал, а Иван-царевич прибыл.

Взяла у Ивана-царевича коня, поставила к овсу и сену, а самого завела в избушку. Пер...ла — стол подпернула, бз...ла — штей плеснула, ж...ой потрясла — блинов нанесла, накормила, напоила и спать повалила и стала вестей спрашивать:

— Иван-царевич, куда же ты едешь, волей али неволей?

— Бабушка-матушка, не сколько волей, сколько неволей. Еду я живую и мертвую воду да братьев искать.

— Братья твои здесь не бывали, а живая, мертвая и глазная вода по этой дороге есть, только она под крепким караулом — стережет ее Царь-девица Золотая грудь. Ну ладно, утро мудренее вечера.

Проспал Иван-царевич до утра. Утром баба-яга печку истопила, кашку наварила и блинков напекла, накормила, напоила и вышла с ним на улицу и вскричала громким голосом:

— Сивка-бурка, доброй конь каурка, явись передо мной, как лист перед травой.

Прибежал сивой конь, баба-яга письмо написала, коню в ушко запихала.

— Садись, Иван-царевич, на моего коня, а твой пускай отдыхает, там дальше живет моя другая сестра, к вечеру доедешь.

Сел на коня и поехал. Ехал весь день до вечера, доехал до избушки. Стоит избушка такая ж, как и прежняя. Вторая баба-яга к конскому уху припала, письмо прочитала. Накормила, спать уложила, а наутро к третьей сестре послала.

Так же точно поехал Иван и к третьей сестре, а от нее до города. Третья баба-яга на коня посадила и наказывает:

— Доедешь ты скоро до места, увидишь колодцы, а вокруг них струны натянуты и к колоколам привязаны. Конь перескочит струны, в одном колодце будет живая вода, в другом — мертвая, а в третьем — глазная.

Вот приехал царевич, прижал коня шпорами, перескочил, струны не задел. А в то время Царь-девица Золотая грудь у колодцев-то и заснула. Она размахалась, разметалась и до грудей оголилась. Царевич вперед прошел, ее не задел, начерпал воды из того колодца, из другого, из третьего, свои сосуды наполнил и положил в кисет, а себе маленькие пузырьки из всех трех колодцев взял, в карман положил и назад оборотился. Царь-девица все так же спит. Вот Ивану-царевичу придумалось с ней любовь

сотворить. Налег на нее и любовь сотворил, и она все спит, не услышала. Вот он отработал ее и пошел к коню, сел и прижал шпорами. Конь вскочил, но копытом струну задел. Сейчас же струны забили и колокола зазвонили.

— Ба! Хватай удалого вора!

Эта Царь-девица спохватилась:

— Ах, невежа, приезжал да в моем колодце своего коня напоил.

Закричала громким голосом, чтобы подтащили ей карету и тройку лошадей. В карету села и в погоню бросилась.

А Иван-царевич прискакал к бабе-яге, но не удалось ему ни попить, ни поесть. Пересел на другого бурого коня и дальше поскакал, а Царь-девица догнала и спрашивает бабу-ягу:

— Не видала ли Ивана-царевича?

— Видала, он проехал, когда я жито жала. А не угодно ли тебе баньку истопить?

— Ну топи, меня растрясло.

Затопила старуха — не бз...ит, не горит, один дым валит. Вот Царь-девица побежала сама смотреть, скоро ли банька поспеет:

— Ох, старая чертовка, ты меня задержать вздумала.

Сейчас же запрягла и снова поехала. Вот догоняет, а Иван-царевич уже ко второй бабе-яге приехал, где другой сивой конь оставлен. Сел на сивого коня, из виду так и скрылся. Царь-девица приезжает ко второй сестре и спрашивает:

— Давно ли Иван-царевич проезжал?

— А тогда проезжал, когда я репу рвала.

— Ох, давно.

— Не угодно ли тебе баньку истопить?

— Ну давай, истопи, у тебя помоюсь.

Вот та побежала, затопила тем же порядком — все время тянет. А Иван-царевич уже до своего коня доехал, пересел — и опять его не видать. Тут опять Царь-девица догоняет.

Эта баба-яга ей тоже баньку предложила, дровец сухих наколола, а сама часто подкидывает, чтобы жару подбавить. Царь-девице понравилось, что скоро истопится. Дождалась баню, пошла и попарилась. Попила, поела и вдогонку бросилась. А Иван-царевич до развилки доехал и свернул на ту дорогу, где голодному быть. А Царь-девица догнала до развилки и не знает, куда сворачивать, — отсюда и назад поехала. А этот Иван-царевич ехал до дому, где братья томятся, и видит: кони братнины стоят. Выскочили и девицы.

— Ах, Иван-царевич, твои братья у нас были, хлеба-соли ели, чай пили, милости просим тебя.

Вот Иван-царевич пошел к ним в дом и видит — шапки братнины на спицах висят. Думает: «А, здесь, однако, неладно».

Вот его за стол посадили, чаем напоили, а он смекать стал.

Говорит одна девица:

— Не угодно ли со мной позабавиться?

— Можно.

Сейчас взяла его за руку, повела в спальню, к той же кровати.

— Давай ложись.

А Иван-царевич:

— Нет, впереди молодой девки не ложатся, должна наперед девка лечь.

Девка упирается, не ложится, он взял ее да на кровать и бросил, — она и упала в погреб.

Народ закричал:

— Кто такой упал?

— Я, здешняя хозяйка, упала. Приехал Иван-царевич да меня спихнул.

Как узнали, кто упал, за руки схватили — руки оторвали, за ноги — ноги оторвали, а потом и голову оторвали.

Иван-царевич выскочил к сестрам, ногой топнул:

— Добываете братьей, а нет, я у вас головы отсеку!

Вот девки пошли на улицу, взяли лопаты, начали подкоп делать. Подкоп выкопали — вышло из погреба сорок молодцов. Этих девок успокоили, подписки с них взяли, чтобы они проезжих кормили-поили, дорогу указывали, а обману не делали. «А если будете, головы отсекем и дом весь разгромим». Девки дали им подписки. Молодцы лошадей взяли и поехали, а Иван-царевич со своими братьями поехал обратно к развилке. Едет и братьям рассказывает:

— Я достал и живую воду, и мертву, и глазную, да застанем ли отца живого...

Приехали к развилке, Ивану-царевичу тяжело стало, захотелось ему отдохнуть, говорит братьям:

— Последите за конем, а я лягу, посплю.

Лег и заснул, а братья позавидовали и начали камень выворачивать. Выворотили камень, а там под землю дыра, пропасть. Взяли Иван-царевича сонного и в пропасть спустили, а камнем назад пропасть не завалили. Коня да кисет взяли и уехали. А отцу сказали:

— Коня нашли, а брата не могли найти.

Иван-царевич летел, летел и попал в подземелье; упал и спохватился, стал смотреть — тьма кругом, свету не видно, только слышит, что вода журчит, ручей бежит. Он припал к ручью, пощупал рукой, куда ручей бежит, по ручью и пошел. Шел, шел, стал свет падать, вышел в подземельное царство — там таков же свет, как и у нас. Вышел к синему морю. У синего моря стоит избушка. А в ту избушку привезена царская дочка на съеденье змею — каждые сутки по человеку змею скармливали. Зашел Иван-царевич в эту избушку, а царская дочь сидит, слезами горячими обливается. Она рассказала ему о своей тяжелой доле и спрашивает:

— А ты кто такой?

— А я с того свету, меня братья в дыру спустили.

Он лег ей на колени:

— Я посплю покамест, а зверь выйдет — буди меня, постараюсь я змея убить.

Вдруг море всколыхнулось, на желтые пески вода плеснулась, и вышел змей трехглавый.

— Ах, нынче двоих прислали, наедимся досыта.

Девка начала будить Ивана, слеза упала на щеку, он пробудился. Иван-царевич схватил топор огромный и стал к дверям. Змей двери отворил, головы свои сунул, Иван-царевич и тюкнул, эти три головы и отсек. Вынул из каждой головы по самоцветному камню, в карман спустил, взял три головы и в угол положил, а туловище в море свалил. Опять лег, голову девке на колена сложил. Прошло время, вышло Идолище шестиглавое. Девка будила, будила, плакала, плакала, слеза упала на лицо, Иван-царевич пробудился. Стал к дверям — и шестиглавого змея убил. Опять сидят с девкой — вышло чудище девятиглавое:

— Ах, Иван-царевич, не думай, ты братьев моих убил, а меня не убьешь, у меня хоть все девять голов!

А Иван-царевич взял топор, стал к дверям, змей пришел, головы сунул, Иван-царевич шесть голов отсек, а три и остались. Схватились бороться; боролись, боролись, Иван-царевич упал, а змей сверху насел. Девка бросилась змея ножом колоть. Испугался змей, свалился с Ивана-царевича, тот вскочил, схватил топор и остальные три головы отсек. Вынул из каждой по самоцветному камню, головы в угол положил, туловище в

море спихнул; зашел в избу и лег, спит крепко. Вдруг явился Лука-водовоз, помолился у избушки, царской дочке «аминь» отдал, заскочил в избушку, видит — царская дочь жива сидит, а рядом мужик спит.

— Это что за человек?

Она говорит:

— Он меня от смерти избавил, всех трех змей убил.

Лука-водовоз и говорит:

— Я у него голову отсеку, а ты скажи, что я тебя от смерти избавил, я убил змеев. А если не скажешь, я у тебя голову отсеку.

Девке жалко своя жизнь, она и согласилась. Лука-водовоз схватил топор, тукнул — у Ивана-царевича голова отлетела. Девку схватил, посадил в бочку, потащил к царю.

— Вот, ваше царское величество, я твою дочь от смерти избавил, убил змеев всех трех.

А у царя было такое завещанье: «Кто дочь от смерти избавит, тому дочь и полцарства, а после смерти — на царство». Царь героя принял с честью, с радостью. У царя и пиво сварено, и вино скурено — веселым пирком, да и за свадебку. Тогда дочь сказала:

— Любезный мой папенька, дай мне со своими служанками к синему морю сходить, погулять.

Задумала она Ивана-царевича похоронить. Вот царь ей и позволил. Взяла она себе в повозочку досок на гроб, взяла одежду на саван, на покрывало. Приехала к избушке, стала тело

мертвое мыть и усмотрела в кармане пузырьки с живой и с мертвой водой. Голову приложила к туловищу, мертвой водой облила — приросли друг к дружке; живой помазала да в рот влила, дунула — он сделался живой. Сел Иван-царевич и сказал:

— Фу, долго же я спал, да скоро встал.

Тогда царевна сказала:

— Ты меня от смерти освободил, и я тебя освободила. Теперича я батюшке объявлю, что это ты меня избавил от смерти, а не Лука-водовоз, что Лука-водовоз у тебя голову отсек, тогда батюшка меня замуж за тебя отдаст.

А Иван-царевич говорит:

— Надо бы попасть мне на Русь, здесь неохота на тебе жениться.

— А если тебе неохота, то у батюшки проси. Есть у него Маговей-птица, она тебя может вынести.

Взяла, в карету посадила и повезла. Привезла и говорит отцу:

— Вот кто меня от смерти избавил, а не Лука-водовоз.

А Лука-водовоз говорит:

— Нет, я.

Иван-царевич говорит:

— А куда ты головы девал?

— А я в море сметал.

— У меня по углам сложены.

Царь дочери поверил, Луку-водовоза на ворота посадили и расстреляли. Стал царь говорить:

— Иван-царевич, хоть ты с того свету, оставайся — после смерти сядешь на царство.

А Иван-царевич говорит:

— Нет ли у тебя Маговей-птицы, мне хочется отца повидать.

Сейчас же царь прикликал Маговей-птицу. Ивана-царевича на Маговей-птицу посадили, наубивали молодых бычков и полетели они. Летели, летели, и проговорила Маговей-птица:

— Иван-царевич, я больше не могу лететь, есть захотела.

Вот он взял бычка, ей сунул в гортань, она и полетела вперед; раза три ее кормил. Маговей-птица его донесла до конца дыры, он руками ухватился да из пропасти выбрался, а Маговей-птица ослабела, из сил выбилась и обратно пала.

Вышел Иван, завалил камнем дыру и пошел домой в свое царство. Пришел, кто по дороге идет — здороваются, рассказывают:

— Привезли братья кисет, а развязать не могут. И ее секут, и режут, а она не поддается.

Вот пришел домой, Богу помолился, подоровался:

— Здравствуйте, родимая матушка и бабушка.

— Иван-царевич, ты, сын, пришел, где же ты побывал?

Он рассказал отцу:

— Был в подземном царстве, Маговей-птица едва меня вынесла. Давайте, братья, несите мой кисет.

Братья принесли кисет, набычились, он им на то говорит:

— Вы меня чуть не погубили, а не я вас.

Взял кисет, узел легко развязал, вынул глазную воду, у отца глаза помазал — отец сделался зрячий.

Живут не тужат. Началась весна, вдруг весной приходит корабль, приехала Царь-девица, привезла двух отроков, стали клик кликать, просить виноватого. Тогда говорит царь:

— Большой сын, Федор-царевич, съезди, не ты ли пока ездил накуролесил?

Федор-царевич сел и поехал. Ребятки увидели Федора-царевича и говорят:

— Маменька, вон наш тятенька идет.

— Это не тятенька, это ваш родимой дядюшка. Когда он на корабль зайдет, штаны с него стяните и нахлещите — пускай он в чужую петлю не суется.

Так ребятки и сделали, и так хорошо ему по ж...пе нахлестали — поехал домой — на брюхе лежит. И со вторым братом так же сделали. Поехал Иван-царевич, он смолой обмазался, в перьях вывалялся и сделался, как черт мохнатый. К тому же взял худую клячу водовозную, сел лицом к хвосту, заворотил хвост да рукой по дыре хлещет, едет к кораблю. Ребятки это увидели, бегут и говорят:

— О, мамушка, черт едет, черт.

Она взглянула и говорит:

— Нет, детушки, то тятенька едет, стащите его с лошадки, омойте да и сюда заведите.

Ребятки побежали, всего омыли, очистили, занесли на корабль.

— Здравствуй, Иван-царевич, я прибыла к тебе, должен ты со мной вступить в законный брак.

У царя не пиво варить, не вино курить, а свадьбу творить. Стали жить, добра наживать, лихо избывать, да и теперь живут.

ИСПЫТАЛ ЖЕНУ

Две деревни по сторонам — Ухта и Тавда, по обе стороны реки в Каргопольском уезде. В деревне Тавде крестьянин был исправный. Семья у него была — старуха да сын. Сын молодой, мальчик. Он стал учить в училище этого сына, семь годов уже кряду. Парень выучился хорошо, летом вступил в венчальные годы — семнадцать лет. Ну вот, говорит:

— Я пойду хозяина искать, деньги добывать.

Старик говорит:

— Поезжай, ищи.

Парень поехал. Нашел богатого хозяина, контору богатую. Его Ваней звали, сына-то. В конторе конторщик и говорит:

— Мне подмога нужна, пусть ко мне идет помощником конторщика.

Хозяин говорит:

— Годится. Ну вот, теперь поезжай домой, я пришлю письмо немедленно.

Домой приехал:

— Папа, я место нашел, письма буду ждать. Скоро тебе напишут.

Недельки две письма нет. Вот отец да мать говорят:

— Ваня, надо женить тебя. Нас двое — что мы без тебя будем делать? Оставишь вместо кухарки хозяйку.

— На ком я, папа, женюсь?

— Да за тебя каждая пойдет! Ну вот что, Ваня, есть девушка в Шилдах — Наташа.

— Бедное место, бедная она.

Старик говорит:

— У нас хватит добра своего. Бедна она, да красива.

Парень согласился жениться, Наташу взять.

Ну вот, свадьбу сделали. Только три ночи с женой прожил, — письмо пришло: «Немедленно явиться».

— Вот, Наташа, я поеду, а как остановлюсь, тебя позову, мало жили.

Она говорит:

— Я приеду, только прикажи.

Он приехал, поступил в контору. Месяц прожил, конторщик захворал. Ваня поступил настоящим конторщиком, дело править мог. В конторе прожил месяц, говорит:

— Позвать бы хозяйку.

А слух прошел, что с этого места через месяц погонят долой.

— А долой, так я уеду домой!

Хозяин говорит:

— Ваня, я тебя хочу повесить, старшим назначить приказчиком.

Ваня:

— Ну дай Бог. Я пойду.

Вот он прослужил там приказчиком годиков пять не на одном месте, не в одной конторе. Не пишет домой: «Куда я жену молодую возьму?» Приказчиком старшим прослужил пять годов. А хозяин был богатый. Потом хозяин говорит:

— Ваня, я тебя кладу объездным, по конторам деньги развозить.

Вот уж годов пятнадцать проходит. Был молодой, усов не было, через пятнадцать лет он забородател: стали усы, борода, все. Жалованье ему огромное пошло. Домой никакого письма не пишет. Дома почитают — покойный. Ну и он не знает, где они, своих никого нету. Вот по конторам. В первую контору приехал, денег привез тыщу и полторы. Приехал в конторы, конторщиков и приказчиков много, говорят:

— Вот получил письмо — баба загулявши.

Вот в другую контору приехал, говорят:

— Получил письмо — баба с любовником уехала.

В третью контору приехал — тоже про это говорят.

Он все молчит. Вот он тут и задумался своей головой: «Что же я? Три дня жил со

своей молодой, баба красавица, одежда хороша, справил. Что же у меня? Что-нибудь да есть? У меня что-нибудь есть: если не ушла совсем, да любовника держит». Затосковал по дому. Мысль запала уехать. Последние конторы выдал, письмо написал, что «уезжаю домой, у меня несчастье», чтобы хозяин не заругал. Далеко, на переменных конях и ехал.

Приехал в свой дом вечером. Ворота открыты были. Здоровается.

— Нельзя ли, хозяйева, переночевать?

Не узнали его близкие: обородател, одежда не такая, чужой человек. Жена приделась в хорошее платье.

— Нельзя ли, дедушко, самоварчиком попользоваться?

— Сейчас, сейчас, у нас приезжающие постоянно ездят.

Самовар согрели, чаем поподчевали. Потом и поужинали.

— Постельку мне на кухне.

— Да что ты, в другую половину иди!

— Нет, я здесь, постелите мне на кухне.

Охота ему свою бабу узнать. «Как бы узнать?» Баба красивая.

— А вы, — говорит, — где спите?

— А я там, в спальне.

— Ложитесь, я вас не беспокою.

Ну вот, старик да старуха — те внизу сидят. Он все не спит. Ну погасили огонь, он не спит. Там внизу призаснули спустя часик или

поболе. Ну вот, встал, свечку зажег и к жене в спальню пришел. Она на кровати спит. Она одеваться. Он:

— Ничего, ничего, не одевайся, я ничего, только поговорю с тобой.

Ну стал спрашивать:

— Когда муж у тебя уехал?

— Только трое суток жила с мужем, не видала больше, ни письма, ничего нет.

— Приезжающие часто проезжают?

— Часто.

— Ночуют?

— Ночуют хорошие люди.

— Никогда не случилось такого человека у себя в спальне принять?

— Нет, этого не допускаю.

— А что, я ведь влюбился в тебя, — со мной не проспешь ночку?

— Нет, ни Боже мой.

— Вот я тебе сто рублей дам.

Бумажник вынул на стол, сто рублей выкинул:

— Бери.

— Нет, — говорит, — не соглашусь.

— Возьми триста рублей.

— Нет, не возьму, приедет муж, узнает, знаешь что будет!

Ваня подумал: «Денег хозяйских много».

— На пятьсот рублей.

Жена замолчала, подумала. Он говорит:

— Убери в сундук, заложи, утром не попрошу.

Она подумала и стала деньги убирать, только руки задрожали.

— Клади, клади в сундук.

Она в сундук положила. Ну вот, ночь и переспали они. Спрашивает:

— Такие случаи бывали ли?

— Ни Боже мой.

У него сердце на месте: «Все хорошо вышло, все-таки правильно жила». А все не признается. «С утра, — думает, — признаюсь». Утро подходит, со спальни долой, перешел на свою постельку на кухню. Скоро ее старики побудили, пристукнули против ее комнаты:

— Вставай, надо самовар греть.

Она немного и спала. Он просит:

— Приготовьте чаю, ехать надо с утра.

Согрели самовар. Старик говорит Наташе:

— Поднеси на кухню, пусть пьет.

Она поднесла и пошла скотину кормить. Старик приходит на кухню.

— Садись, батюшко, чай пить.

Чемоданчик раскрыл, всяких закусок достал.

— Какой я вам батюшко?

— Я сын ваш.

— Что ты?!!

— Я Ваня ваш.

Старик зовет жену:

— Старуха, ведь прохожий — наш сын, Ваня.

— Да что ты?!

— Ступай сюда чай пить.

Мать прибежала:

— Неужели ты Ваня, сын наш?!

— Я Ваня, да вы садитесь чай пить.

Старуха кричит невестку:

— Наташа, ступай, Ваня зовет чай пить!

Помрачнела Наташа, думает: «Ну что я сделала, согласилась с ним! Решит, что я так со всеми». Ей худо стало. Она ответила:

— Я приду потом чай пить.

Сели за стол, чаю налили. Он заграничной водки. Он выпил, старуха выпила, разговаривают. Ну вот он и говорит:

— Что же жены нет?

— А она хотела корму скоту дать, говорит — «приду».

Прибежала вниз, зовет:

— Наташа!

Ее в избе нету. Старуха на двор и побежала.

— Наташа!

Не слышать во дворе. Крикнула:

— Наташа!

Не слышать. Прибежала на конюшню, а она — в виселице. Вот старуха оттуда вверх:

— Ванюша! Старик! У нас несчастье.

— Какое?

— Наташа в петле.

Они перестали вино пить, бросились, сняли с петли:

— Покойная! Не дышит.

Принесли в избу, за батькой съездили. Батюшка приехал, она покойная.

— Как я буду самоубийцу причащать?

— На, батько, двести рублей денег, подпиши, что причастил.

Ну вот, что делать, надо хоронить. Гроб сделали, на третьи сутки хоронить поехали. Похороны сделали богатые, всего было. Похоронили, закопали. Поп зовет Ваню:

— По стакану кофию.

— Можно.

Попу и рассказал, как дело было. Поп:

— Грехи все твои, а она чиста.

ИСПЫТАЛ СТАРУХУ

В одной деревне старик да старуха сговорились: если который умрет раньше, обрядить его в самое лучшее платье, остальное имущество отдать нищим. Через несколько время старуха вздумала испытать старика: притворилась, что захворала, а через день и умерла. Вот старик нарядил ее в самое лучшее платье, да не в одно, а в два-три. Старуха ожила и благодарит старика, что не пожалел ничего для нее.

Задумал испытать старуху и старик. Через полгода и он будто захворал и умер. Вот старуха одела его в самую драную рубаху и штаны, пожалела и гроб заказать и положила его на нос старой лодки, а вместо савана накрыла

драным куском брошенного невода и стала причитать:

— На кого ты меня покинул!.. Да куда ты, золотце, отправляешься!

Старик не выдержал лицемерия, вскочил и говорит:

— Рыбу ловить, еб...на мать!

КАК БАБА ЛЮБИЛА

Два мужика кумовья были, на какую работу ни пойдут — все вместе. Идут однажды с работы, один и говорит:

— У меня моя баба уж больно любит меня зря.

Другой и говорит:

— О, кум, брось говорить напрасно: все они одинаково любят. На баб надеяться не надо, это ты и в разум не бери.

— Нет, моя больно меня зря любит.

— А ты приди домой да попробуй — возьми да помри. Нипочем она тебя не станет держать трое суток, сразу схоронит.

— Нет, будет, — не верит мужик.

— А вот посмотри.

Тот мужик, уверенный, что баба его любит, приходит домой:

— Мне, баба, что-то мочи нет, я захворал.

Баба ему:

— Так ты хоть закуси.

— Не хочу, не до этого мне, я, пожалуй, сейчас помру.

Взял лег под образа и вытаращил глаза. И сделал вид, что помер.

Баба была уж очень рада, что помер, бежит к товарищу.

— Кум, ведь у меня мужик помер, схоронить бы надо.

— А ты погоди хоть три дня.

— Ох, нет, кум, хоронить надо!

— Да погоди, ведь еще не пахнет.

Баба прибежала домой, заворотила рубашку на грудь и нас...ла.

И опять к куму:

— Кум, ведь пахнет.

— Ну пахнет — хорони.

Пришли домой, баба сидит и плачет:

— Милок, хороший, какой ты был дорогой работник.

Так и дальше. Мужiku терпенья нет: пахнет. «Надо, — думает, — встать».

И встал. Она бросилась ему на грудь:

— Ах, милоч, хороший, как мне без тебя скучно было.

— Да, скучно! А на грудь-то нас...ла? Зачем ты мне на грудь нас...ла?

— Я затем нас...ла, что на том свете ср...ных не принимают.

КАК БАБА ЧЕРТА ОБМАНУЛА

Надумал мужик поохотиться, пошел в лесную избушку, на неделю пошел, взял хлеб с собой и колбасу. Вот он день ходил, пришел к ночи в избушку и решил колбасу сварить. Он ее варит — черт врывается в избушку.

— Ну что, мужик, варишь?

— Свой хер. Отрезал и варю.

— А дай-ка мне ложку попробовать похлебки.

Ну, он и попробовал.

— Ах, как хороша! Твой хер?

Мужик сказал, что его.

— Ну, а какая похлебка хорошая, дай-ка мне нож, я себе тоже хер отрежу и сварю...

Он и отрезал. Стало черту тошно, выскочил он из избы, закричал во все горло. Ну мужик видит, что беда, взял собрался и побежал домой среди ночи.

Домой пришел, баба блины печет.

— Что ты, мужик, шел на неделю полесовать, а сам сейчас воротился?

Ну мужик рассказывает:

— Ну, баба, беда случилась, так и так.

Ну потом баба говорит:

— Ну, мужик, надень мои платья, а я твою надену. Ты пеки блины, а я свалюсь в постель.

Ну приходит старый черт — мужик блины печет.

— Что, тетка, — говорит, — дома ли твой муж?

— Дома.

— Как же он заставил моего сына себе хер отрубить?

— О, у моего мужика у самого хер отрезан! Поди-ка, — говорит, — зажги огня, поглядим у него.

Баба лежит себе.

Ну и пришли, посмотрели.

— О, — говорит, — у моего сына по корешку вырублено, а у твоего мужа логотом взято.

Черт плюнул и пошел, оставил мужика в покое.

КУМ И КУМА

Кум стал приставать к куме. Вечером рассказывает кума:

— Приходи, кум, в овечью хлевашку.

Как пришел кум туда, она посылает своего мужа к овцам дать сена. Приходит муж, а там кум.

— А ты, кум, зачем здесь?

— Вот люди говорят, кумушко, что надо увести тайком барана, чтобы скорее овца взялась.

Днем увидал куму.

— А, кума, — кум говорит, — и как ты меня провела и в хлев завлекла.

— Ну, кумушко, извини, — говорит, — на другой день приходи в коровий хлев.

На другой день приходит в коровий хлев. Посылает кума своего мужа в хлев. А в хлеву кум.

— Ты, кум, зачем здесь?

— А, кумушко, извини, тайком увести быка, чтобы скорее корова обошлась.

— На возьми!

Днем увидал куму.

— Как, кума, ты меня провела!

— Ну, кумушко, извини, вечером приходи в избу и вались прямо на перинную постелью.

Вечером ложатся на честной покой, и кума говорит своему мужу:

— Возлюбленный мой хозяин, скинь подштанники и штаны, ложись на мягкую перину, я буду печку мазать.

Погасила огонь в избе. Является кум. Ложится на мягкую перинную постель. А там без подштанников хозяин. спрашивает хозяин гостя:

— Ты зачем?

Гость перепугался, хозяин его схватил, крикнул громко:

— Неси, хозяйка, огня.

Хозяйка приносит огня; лежат на перине хозяин да кум. Гость и говорит:

— А, кума, третий раз меня провела!

Отвечала кума:

— Не являйся никогда.

Вернулся кум домой и не пришел никогда.

КУМОВА КРОВАТЬ

Женщина осталась без мужа молода, в ней плоть играет. Она ночью спать ложится и говорит:

— Хоть бы ко мне дьявол пришел, я бы и с ним согласна.

А он тут и был.

— Я согласен с тобой, но с тем условием: до двадцати лет — твой, а после двадцати лет — мой.

Женщина согласилась.

Переночевали, она и забеременела. Родила мальчика. Растет, до семи лет дожил, стал грамоте учиться, все стал ходить по церквам, Богу молиться. Дожил до семнадцати лет и оборот уж хороший повел. А мать стала плакать, скучать об нем — годы доходят. Он и спрашивает:

— Что ты, мамонька, — когда я мал был, ты весела была, а теперь я все дело веду — ты воешь?

Она ему рассказала:

— Ты нажит с бесом, у нас условие было: до двадцати годов ты мой, а с двадцати — бесов. Я о том и скучаю.

— Ты бы давно мне сказала, я пойду его искать.

Пошел в церковь, отслужил молебен, налил в пузырек воды. Пошел во вторую и третью и там отслужил молебен и в пузырек воды святой налил. Пришел к матери, простился и отправился искать отца.

Пошел в лес, шел, шел, дошел до какого-то дома. У дома брякнул в колокольчик, старик вышел, пропустил. Зашли в дом, старик спрашивает:

— Чего тебе надо здесь?

— Иду отца своего искать...

Рассказал все. Старик указал:

— Иди по этой тропинке да о моих грехах спроси. Я разбойник, убил тридцать восемь человек, спроси, чего я достоин?

Парень пошел, дошел до хижины, на хижине надпись: «Сатана». Парень вошел, у сатаны спрашивает:

— Ищи моего отца.

— Я ничего не знаю.

— А, не знаешь... — и плеснул в него из пузырька.

Сатана и закричал:

— Обжег, обжег.

Стал трубить в трубу, чертей набежали несколько тысяч, видимо и невидимо.

— Чей это сын? Пришел, меня обжег.

Все отказались. Парень опять плеснул. Сатана закорчился и опять стал трубить. Налетело чертей видимо и невидимо. Опять отец не нашелся, нигде нет. Парень и в третий раз плеснул. Сатана снова заиграл в третью сторону.

Пришел один бес и говорит:

— Мой сын.

Сатана:

— Дай ему отказную.

— А я как дам отказную? Как я без сына буду жить?

Сатана велел его розгами стегать. Беса стегали, стегали, он все не отказывается. Тогда сатана сказал:

— Когда не дает подписку, я сам отказную дам, а его положу на кумову кровать.

Он и говорит:

— Дам подписку, не буду вмешиваться никогда, на кровать не пойду.

Дал подписку хромой черт.

Парень подписку взял, пошел обратно. Дошел до старика, старик спрашивает:

— Что, спросил о моих грехах?

— Мне время не было, о твоих грехах не спросил.

Переночевали, старик сказал:

— Ты пойдешь в город, я с тобой, каяться в своих грехах.

Вместе и пришли. Старик пошел к попу.

— Покай меня, я разбойник, тридцать восемь душ погубил.

Поп говорит:

— Мне по твоим грехам и книг не найти.

Разбойник его и заколол. Приходит к другому попу. И этот сказал, что по его грехам книг нету. Он и того заколол. Исполнил сорок душ. Приходит к третьему попу. Тот выслушал и говорит:

— Ты ступай в старый погреб, у меня там старые книги, принеси их — епитимью наложу.

Разбойник бросился туда, поп его камнем в погреб и завалил, лесом закатал. Прошел год и два. На третий год поп разгуливает в саду — откуда-то запах хороший.

— Что это запах хороший?

Велел раскатать погреб, а разбойник в гробу лежит и кругом свечи горят. Видно, что Бог простил. А попу его грехи перешли.

МАТЬ-УБИЙЦА

Служил солдат в Питере пять лет, выпало счастье ему — заработал много денег. Отпросился в отпуск родных повидать. Собрался, помолился Богу и отправился в поход. Долго ли, коротко ли шел — приходит в деревню, куда отдана была замуж его родная сестра. Остановился у нее в доме, а про себя не скаживает, кто он таков.

— Пусти, молодница, на постой!

— Милости просим; мы таким людям рады. Откуда тебя Господь несет?

— Иду из Питера.

— Ах, батюшка! Не ведаешь ли: там служит в солдатах мой родной братец?

— В каком полку?

Она ему рассказывает, а сама пристально в него всматривается. «Никак, — думает, — это и есть мой братец», да вклепаться боится. Смотрит, а у него на левой щеке шрам: еще с детства остался — лошадь его

копытом зашибла. Бросилась к солдату на шею:

— Братец, родимый мой! Зачем ты меня обманываешь?

А из глаз слезы так и льются. Солдат признался — и пошло гулянье. Погостил он у сестры целых три дня и отправился на родину. А до той деревни, где жили его родители, оставалось верст сто. Приходит в свою деревню и спрашивает старосту; ему указали.

— Отведи, — говорит, — мне квартиру.

И просится в свою отцовскую избу. Староста отвел его прямо туда, постучал под окошечком и говорит:

— Эй, хозяйка! Вот вам постоялец, накормите его и покой дайте.

А дома была одна мать, отца-то не было, уехал куда-то.

— Вот черт их носит! — отзывается старуха.

Солдат вошел в избу, помолился образам и говорит:

— Здорово, хозяйка!

Баба молчит.

— Дай, родимая, поужинать!

— Жри, что царь даст. Вишь, на вас сборы большие, сухари не покупные.

Нечего делать, закусил солдат своими сухариками.

— Где же мне спать лечь, что под голову положить? — спрашивает у матери.

— Ложись на шинели, ранец под голову

клады. Вишь, государь-то какие для вас угоды пожаловал — лучше и желать нельзя!

А сама, шельма, прядет, а под ж...пу подушку подложила. Солдат не вытерпел, разгорелось его сердце, вскочил со своего места, выхватил у ней из-под ж...пы подушку и говорит:

— Чем тебе на подушке ж...ой сидеть, лучше я на ней головой лягу!

Баба взбесилась, начала его срамить всячески:

— Ах ты, сукин сын; у тебя, знать, матери-то не было, родила тебя кобыла али сука поганая!

Проклинает сама себя, не ведая, что он ей — родной сын.

— Ладно, — кричит, — пусть муж приедет, я с тобой, окаянным, по-своему разделаюсь!

А солдат снял свою амуницию, вытащил деньги, пересчитал и спать лег. Только заснул, баба тотчас схватила острый нож да прямо ему в сердце. Убила сына и отобрала деньги. После запрягла лошадь, свезла убитого на чужую землю и там покинула. Через неделю приезжает к ней дочь, поздоровалась и спрашивает:

— А где же братец?

— Какой братец?

— Как какой? Что из полку на побывку пришел!

— Что ты, дочка, в уме ли? Перекрестись!

— Да он у меня три дня гостил, да потом к вам пошел.

Как услышала это баба, сидит сама не своя. А тут скоро нашли мертвое тело, стали разыскивать, и оказалось, что это она своего родного сына со свету спровадила.

Ну после того известно что было: суд, да кнут, да каторга.

МУДРАЯ СТАРУХА

Жил-был царь с женою; только жена у него была эдакая нена...ба, е...и ее беспрерывно разов по пятнадцати за ночь, а то с бела света сгонит! Невмочь, не в силу пришло мужу. Идет он по улице и с печали голову повесил.

— Что так печален, батюшка? — спрашивает его встречная старуха-нищая.

— Ах, отвяжись, старая! Ты моему горю не пособишь.

— Скажи твое горе, может, и пособию.

Муж рассказал, а она говорит:

— Дай мне сто рублей — помогу.

— Изволь!

— Ну сегодня вечером буду я идти мимо твоего двора, зазови меня.

Вот вечером сидят муж с женой у окна, а старуха идет по улице.

— Ах, Боже мой! — говорит муж. — Ведь то наша старая премудрая бабушка идет, позвать ее да чаем поподчевать.

Жена побежала ее звать:

— Поди, бабушка!

Старуха стала всходить по лестнице, да что ни ступит на ступеньку, то и пер...т, что ни ступит — то и пер...т!

— Что ты, бабушка, все пер...шь?

— Ах, мать моя! Вишь, у меня муж такой был: каждую ночь разов по десяти да по пятнадцати на меня лазил и истер мне всю подье...ую косточку, оттого теперь еле на свете живу — все на пер...ж позывает.

Жена как услышала это, так и ахнула. Стой поры больше единого разу не заставляла мужа е...ть себя за ночь.

МУЖИК И ЧЕРТ

Жил-был мужик с женою в большой бедности. Однажды случилось мужику рожь молотить на своем гумне: как ударит цепом об сноп, так сноп от земли кверху аж на аршин подскакивает! Вдруг, откуда ни возьмись — прибежал черт.

— Ах, мужичок! Мне тебя жаль. Ты один целой день молотишь, и пособить-то некому! Дайка я немножко тебе пособию.

— Пособи, коли не лень!

Черт схватил два толстых бревна, связал их как надо быть цепу и стал молотить. Как ударит, так сноп к земле и пристанет, вверх не подскакивает! Смотрит черт, удивляется:

«Что за штука! У мужика сноп кверху подскакивает, у меня к земле пристает!»

И начал мужика спрашивать:

— Послушай, мужичок! Неужели ты сильнее меня?

— Еще бы! — говорит мужик. — Само собой разумеется, у меня силы поболее.

— Отчего же так, мужичок?

— Оттого, что я кладеный: у меня, брат, мудей нету — давно вырезаны!

— Пожалуйста, мужичок, выложи и меня, отрежь мои муди!

Захотелось, значит, черту сильным быть.

— Пожалуй, я отрежу! — говорит мужик.

Наточил нож, схватил черта за муди и отрезал. Черт и сам не рад своей выдумке; на все село закричал от боли, крепко осердился на мужика, вырвался и убежал к своим товарищам — таким же чертям. Стал показывать им свою рану да жалобу приносить.

А мужик уже знает, что от чертей беда ему будет; бросил молотить, пришел к жене и говорит:

— Ну, жена, выручай! Вот тебе моя одежда и шапка, надень поскорее и ступай на гумно хлеб молотить. Набегут к тебе черти, станут у тебя спрашивать: взаправду ль у тебя муди отрезаны? Ну ты подыми подол и покажи им свою щель-то!

Баба тотчас оделась в мужнее платье, взяла цеп и пошла молотить. Немного погода

набежало к ней многое множество всяких чертей.

— Зачем, — говорят, — ты нашему брату яйца отрезал?

— А затем, что он сам просил. Вишь, у него силы мало, так боле захотел! Как заживет у него эта рана, так и будет силен по-моему.

— Неужели ж у тебя, мужичок, муди вырезаны?

— Да, таки вырезаны!

— А ну покажи!

Баба подняла подол, черти устались рылами промеж ног ей, смотрят — в самом деле дыра, да еще больше, чем у черта, прорезана!

— Ну, братцы! — говорят меж собой. — У этого мужика дыра еще больше, чем у нашего товарища.

И разбежались по своим местам кто куда — одни в болото, а другие в лесную трущобу. Тем все и кончилось.

НАБИТЫЙ ДУРАК

Идет дурак по деревне, а мужик свинью палит. Он схватил ушат с водой и давай огонь заливать. Мужик осерчал да в шею его, да в шею. Пришел дурак и плачет.

— Что ты плачешь, дитятко? — спрашивает мать.

— Так и так, мама, мужик прибил.

— Ах ты, глупый! Ты бы сказал ему: дай Бог тебе этим кусочком на светлый день разговеться! Он бы и тебе дал свининки.

— Хорошо, вперед так и скажу.

Идет дурак по деревне и видит: поп сидит под забором да с...ет. Подошел к нему и говорит:

— Дай Бог тебе, батюшка, этим кусочком на светлой день разговеться.

Поп встал, подвязал портки и наплевал дураку в глаза.

НАСМЕШКИ

Играл, играл парень с девкой, играл и вошел с ней, и ушли они в лес. Она стала ягоды брать, он пошел в другую сторону. Увидел он там хорошую кобылу и придумался скочить на кобылу, уговорил:

— Тпру, вороная, узду куплю с красными наглазниками.

Девка все это слышала, так и недалеко и было, выслушала все, что он говорил.

На второй же день они пошли опять в круг играть. Она круг его и смеется:

— Как вчера, — говорит, — уговаривал: «Тпру, вороная, узду куплю».

Он и думает себе, что как-нибудь надо над ней посмеяться, а сам все-таки вперед зовет ее замуж. А она ему отвечает:

— Нет, нельзя мне идти за тебя замуж.

А он приходит к старушке бабушке на совет и говорит:

— Бабушка, у меня невеста говорит: «Не пойду за тебя замуж».

А старушка говорит ему:

— Оттого она замуж не идет, что у ней хохла нет. Отсмеемся ей в насмешку завтра же. Принеси бутылку дегтю да и заберись завтра в мое подполье и тут все увидишь.*

Старушка на другой день зовет ее на беседу. Она приходит на беседу, а старуха ее уговаривает:

— Нужно тебе хохол сделать, чтобы замуж выйти.

Сама и отворила подполье.

— Стань, Марья, против подпольницы, ноги распирь, я тебе наколдую.

Марья ноги расширила, старуха и стала дегтем мазать и приговаривает:

— Расти, хохолок, черный, кудреватый.

А парень заговорил:

— Бабушка, мажь, деготек наш, а мало будет, еще принесу.

Девка испугалась, вскочила.

— Бабушка, это кто у тебя там?

— Поди с Богом, Марья, ложись под закутку, а это у меня хозяин в подполье, вишь.

Девку под закутку закрыла, а его потихоньку и выпустила.

Она утром встала, выходит с ночлега, старуху поблагодарила. Старуха и говорит:

— Поди, Маша, с Богом, играйте свадьбу.

На другую неделю они опять пошли в круг. Ей нужно подразнить его опять и говорит:

— Тпру, ворона, узду куплю с красными наглазничками.

А он ей отвечает:

— Расти, хохолок, черный и кудрявый, и дегтем наведен.

Она ему и говорит:

— Полно, полно шутить и пора за свадьбу.

Ну тут они вместе и сошлись, свадьбу сыграли и старуху поблагодарили, что вместе свела.

НЕ ГОВОРИ ПОХАБНОГО!

В некотором государстве жил-был мужик да баба, у них было три сына, четвертая дочь. Дожил мужик до старых лет, заболел и ожидает себе скорую смерть.

— Послушай, старик! — говорит старуха. — Ты бы призвал деток, дал бы им родительское благословение да наставил бы их на ум-разум, как им после тебя на свете жить.

Старик послушался, призывает своих детей, взял в руки образ и говорит старшему сыну:

— Чем тебя благословить, сынок?

— Благослови меня, батюшка, плотничьею работою.

— Бог тебя благословит! Будь прилежен работе, корми мать и сестру.

Потом спрашивает среднего:

— А тебя чем, сынок?

— А меня, батюшка, благослови на портяжное мастерство.

— Бог тебя благослови на портняжное мастерство, смотри не ленись, корми мать сестру.

Спрашивает меньшего сына:

— А тебя, сынок, чем благословить?

А меньшей-то сын был дурак, думал-дума и брякнул сдуру:

— А меня, батюшка, благослови х..ем!

— Ну, — говорит отец, — дуракам закон не писан! Проживешь ты и без моего благословения.

Мать стоит да слезами обливается:

— Видно, от этого сына мне не ждать добра!

В тот же день старик помер. На третий день его похоронили, а через полгода братья выдали сестру замуж и стали проживать отцовское имение. Мало-помалу, дошло до того дело, что скоро нечем кормиться будет. Говорит старуха старшему сыну:

— Сынок! Тебя отец благословил плотничьим мастерством. Ты бы пошел да хоть малую толику деньжонок заработал, а то ведь скоро есть будет нечего!

Старший сын начал собираться в дорогу. Мать напекла ему лепешек и отпустила с Богом. Вот он целое лето ходил, выработал сто рублей и думает: «Слава Богу! На первый раз хватит, можно теперь и ко двору идти». Пошел домой. Случилось ему проходить через одно село, а время-то было позднее, да и устал он крепко. «Остановлюсь-ка здесь да переночую, а утром опять в путь тронусь с новыми силами».

Огляделся кругом — во всех избах темно, только в одной поповской и светится огонек. Постучался в окно и говорит:

— Батюшка! Пустите от темной ночи укрыться.

— Пожалуй! — говорит поп. — Иди переночуй, только с тем уговором, свет: коли ты скажешь какое срамное слово, то с тебя сто рублей штрафа.

— Хорошо, батюшка!

— А коли хорошо, так дай наперед расписку.

Парень дал ему расписку. Вот сели они ужинать и ведут промеж себя разговоры, все хорошие. А у этого попа была жена да дочь.

— Послушай, свет, — говорит поп, — я вижу, ты много по чужим сторонам хаживал, всего насмотрелся, всего наслушался. Не знаешь ли ты, как бы вылечить смертельную рану?

— Какую, батюшка?

Русские эротические сказки

— А вот видишь — у меня дочка, недавно семнадцатой годок пошел, и от самого рождения открылась у ней рана неизлечимая — из той раны вода сочится! Уж что мы ни делали, каких докторов ни призывали — никто не мог пособить.

— А позвольте мне, батюшка, посмотреть на эту рану.

Поп тотчас поставил свою дочку раком, заворотил ей подол и говорит мужику:

— Смотри, свет, сюда!

Мужик пригнулся, посмотрел и говорит:

— Послушай, батюшка! Вить это пи...а!

— Как же это, свет, ты этакие слова говоришь? Ведь у нас с тобой уговор был: кто скажет срамное слово, с того сто рублей штрафа. Подавай-ка денежки!

Мужик туда-сюда, только как от попа отвязаться, ведь расписка у него в руках — принужден был отдать ему последние свои деньги и воротился домой с пустыми руками.

— Здравствуй, сынок! Много ли домой принес?

— Эх, матушка! Целое лето трудился, сто рублей заработал, да дорогой разбойники напали — все деньги отобрали.

На другой день говорит старуха среднему сыну:

— Попробуй-ка, сынок, счастья, сходи на заработки, а то совсем есть нечего.

Целую осень ходил средний брат по чужим людям да шил им одежду, заработал сто

Русские эротические сказки

рублей. Стал ворочаться домой, забрел к тому же попу и заплатил за свою простоту всем заработком. Вернулся к матери и говорит со слезами:

— И были деньги, да нету! На дороге хорошие люди ограбили!

А дурак лежит на печи и отзывается:

— Экие вы разини! По сто рублей заработали, а домой ни кляпа не принесли! Небось дорогою все хвастали: «У нас-де казна!» А вы б, коли заработали не токма сто, а хоть три рубля, тотчас бы завязали их в три узла да и спрятали за три гузна: целехонько б домой донесли! Ну, мамка, напеки мне лепешек! Теперь мой черед деньги зарабатывать.

— Куда тебе с гов...ым рылом в калашный ряд соваться!

Наутро приехала к старухе замужняя дочь, сидят и толкуют. Дурак слез с печи и спрашивает:

— Что же, матушка, напекла мне лепешек? Мне в дорогу пора.

— Какие, дурак, лепешки! Отстань, и без тебя тошно!

— Какого ж ты х...я делала, коли ничего не приготовила?

— Ах, братец! — говорит сестра. — Неужели ты не мог получше слова сказать матушке?

А дурак в ответ:

— Сиди, пи...у поджавши! Я ведь матушку не у...б словом-та!

Схватил дурак ломоть хлеба и ушел из дому, ни с кем не простившись. Шел-шел, уж ночь на дворе, а он только до села дошел, смотрит — во всех избах темно, только у попа огонек светится. Постучался в окно:

— Хозяин! Пусти от темной ночи укрыться.

— Да ты кто?

— Я — колесный мастер!

— Ну, свет, ночуй у меня, только с таким уговором: кто из нас скажет срамное слово, с того сто рублей штрафу.

— Мало кладешь, батюшка! Клади триста!

— Изволь, свет, я на это согласен.

Написали в том расписку и сели ужинать. Поп и говорит дураку:

— Послушай, свет! Ты ходил по чужим сторонам, много видал — много слышал. Не можешь ли ты у моей дочки рану вылечить? Уж сколько мы докторов ни призывали — ни один не помог!

— Какая рана, батюшка?

— Да вот, свет, какая: уж семнадцатый год, а все не затягивает, все из нее моча идет, а кругом шерсть растет!

— Надо посмотреть!

Поп поставил свою дочь раком, заворотил подол и говорит:

— Смотри!

Дурак зашел с заду, нагнулся и рассказывает:

— Ах, батька! Ведь это дело можно поправить. Дайка кусочек мелу.

Поп дал ему кусок мелу. Дурак взял, очертил кругом пи...у и ж...пу и говорит:

— Вот это будет колесо!

Стал чертить наискось:

— А это будут спицы в колесе!

Ткнул в пи...у перстом:

— А это, батюшка, ступица, только мала — надо большим буравом провертеть. Да я человек мастеровой, у меня струмент наготове! Сейчас проверчу!

Вытащил из порток свой х...й и давай поповну буравить.

— Что ты, мошенник, делаешь? — кричит на него поп.

— Чай, сам видишь: дыру верчу.

— Ах ты, сукин сын, подлец! Ведь ты мою дочь е...шь!

— Что ты, батька, говоришь? Ведь у нас уговор был: срамных слов не сказывать. По-давай-ка триста рублей!

Поп туда-сюда, нечего делать, заплатил дураку триста рублей. Дурак взял денежки, воротился домой и отдал старухе свой заработок.

— Экий умный сынок! В одни сутки да триста рублей заработал, не то что старшие!

НЕВЕСТИНЫ ЗАГАДКИ

Послали парня сватать:

— Пойди туда, в которой избе раньше дым пойдет.

Встал парень до света и караулит. В одной избе огонек засветился и дым повалил из трубы, парень туда и отправился. Вошел в избу, девица в одной рубахе печь топит.

— Бог помощи!

— Добро пожаловать, добрый человек. Кабы были во дворе уши, а в избе глаза, не застал бы меня неприбранной. Ну, чем тебя подчевать? Что сварить тебе: рыбки поплеванной или рыбки облизанной?

«Дура девка», — подумал парень и сказал:

— Свари хоть поплеванной.

Сварила она уху из ершей. Съел парень, поплевался, девица и говорит:

— Угостила бы еще тебя, да честь в гузне, а х...й промеж ног болтается.

Стал спрашивать парень:

— Где у тебя отец?

— В поле, взад-вперед ходит.

— А мать?

— Взаимы плакать ушла.

— А братья?

— Промеж ног смотрят.

Ушел парень домой, дома ему и объяснили: на дворе уши, в избе глаза — на дворе собака, в избе на окне ребенок. Честь в гузне, а х...й

промеж ног болтается: яйцо еще в курице, не снесено, корова еще не подоена. Отец пашет, братья промеж ног глядят — дрова рубят. Мать взаимы плакать ушла — ушла плакать по родителям: когда она умрет, по ней дети плакать будут. В ту избу велели идти, в которой дым раньше пойдет: там, значит, раньше всех встают, живут работающие люди.

НЕСМЕЯНА-ЦАРЕВНА

А

За тридевять земель, в тридесятом царстве, не в нашем государстве служил Богу и государю солдат. Прослужил двадцать пять лет и только и добра выслужил, что три сухаря. Отпустили его в чистую отставку; взял он три сухаря, собрался в дорогу и стал прощаться с товарищами.

— Ступай с Богом, — говорят они, — тебе легко идти, нет никакой ноши!

Вот солдат шел-шел, захотелось ему кусить:

— Остановлюсь-ка да съем один сухарик.

Только уселся на дороге да развязал узелок — вдруг прилетел жук и говорит человеческим голосом:

— Слушай, солдат. Ты служил двадцать пять лет да выслужил три сухаря. Дай мне один, я тебе пригожусь!

Солдат подумал и отдал ему сухарь. Осталось у него только два.

— Ну, видно, теперь попоститься придется. Оставлю эти сухари на завтра, а то с голоду пропадешь!

Завязал узелок и пошел в путь-дорогу. Шел-шел, да от голоду не уйдешь, все что-то на брюхе пусто.

«Э, куды ни шло — закушу!» — думает солдат.

Сел на землю, достал сухарь и только хотел было начинать свой обед — вдруг подбежала мышь и говорит человеческим голосом:

— Слушай, солдат! Ты служил двадцать пять лет да выслужил три сухаря. Дай мне один, я тебе пригожусь!

Подумал-подумал солдат и отдал ей сухарь, а сам потащился с пустым брюхом дальше. Шел-шел, а есть еще пуще хочется. Увидал в стороне озеро.

«Дай, — думает, — размочу последний сухарь в воде да скушаю».

Подошел к озеру и начал размачивать свой последний сухарь, вдруг ползет к нему рак и говорит человеческим голосом:

— Слушай, солдат! Ты служил двадцать пять лет да выслужил три сухаря. Дай мне один, я тебе пригожусь!

Подумал-подумал солдат и отдал; остался сам ни с чем. Пошел дальше; крепко отощал не евши, бока ему подвело; еле добрался до столичного города. В том городе жил царь, у царя была дочь Несмеяна-царевна, сроду

никогда не улыбалась и не смеялась. Царь велел клич кликать:

— Кто рассмешит царевну, за того ее замуж царь отдаст и половиной царства пожалуется.

Много находилось охотников ее сватать, да никто рассмешить не сумел. Вот наш солдат идет по большой улице около самого дворца, а навстречу ему старый товарищ — тоже солдат, с которым он прежде в одном полку служил.

— Здравствуй, брат!

— Здорово!

— Откуда? Я думал, что тебя давно в живых нет. Три булки собакам скормил, чтоб тебя поминали!

— Нет, брат! Живехонек, вчистую вышел.

— Ой ли! Ну, пойдем же по старой памяти в кабак да выпьем на радостях!

Повел его в кабак, спросил целой штоф водки, выпили-закусили и так нарезались, что любо-дорого! Товарищ-то домой побрел, а нашего-то солдата так разлимонило, что, как вышел на улицу — и на ногах стоять не может, так и повалился в грязь, прямехонько супротив царского дворца, и заснул словно мертвый. А царевна сидит у окна да смотрит. Вдруг откуда ни возьмись: жук, мышь да рак ползают, суетятся около солдата: надо, говорят, горю пособить, хоть шинель ему просушить. Стащили с солдата шинель и заставили рака на клешнях ее распялить да на солнышке просушивать. Мышь стала воду в раковине

таскать да солдату голову обмывать, а жук принялся сапоги ему чистить.

Царевна смотрит да так и заливается со смеху. Велела слугам забрать солдата с улицы да к себе представить. Слуги принесли его и положили во дворце на кровать.

Вот как солдат проспался, глядит — кругом его такое богатство, какое только в сказках бывает.

«Ну, — думает, — беда моя! Как я сюда попал?»

А царевна говорит:

— Не бойся, служивый! Здесь тебя такое счастье ждет, какого и не придумаешь!

— Эх, как бы кто да поднес мне теперь стакан водки, вот бы счастье было!

Царевна тотчас дала ему опохмелиться, а после призвала царя и говорит:

— Государь-батюшка! Вот кто меня рассмешил!

Царю больно не понравилось, что рассмешил ее простой солдат, а ему хотелось выдать ее за королевича. И стал придумывать, как бы не сдержать своего слова царского. Призвал королевича и солдата, накормил их ужином и говорит:

— Нынешнюю ночь ложитесь оба спать с царевною на одной постели. Кого из вас обнимет она во сне, за того и замуж отдам!

А ужин у царя был на диво: всего вдоволь. Солдат с голодухи так наелся, что чуть брюхо не трещит! Наелся-напился да еще полные

карманы набил разными заедками да конфетами.

Вот пошли королевич с солдатом в спальню к Несмеяне-царевне и улеглись все трое на одной постели. Пришло время — царевна уснула крепким сном, а солдат и королевич с боку на бок ворочаются. Приспичило солдату выср...ся. Хоть пальцем затыкай, да то беда: два в ж...пу не лезут, а один запихнуть — слабо. Говорит он королевичу:

— Не знаю, как тебе, королевич, а мне до ветру хочется!

— И я, брат, крепко хочу, только не знаю, куда выйти. Везде заперто.

— Да пусть себе заперто! Я пойду, сяду на окошко да и выс...сь.

— И я то же сделаю!

Встали оба с постели и пошли с...ть. Солдат влез на одно окно, королевич на другое. Солдат спустил портки, подставил свою фуражку и наворотил ее полную, еще с верхом будет. Потом потихоньку отворил форточку и выбросил фуражку на двор. После того повинымавал из карманов конфеты да заедки и положил на окне в кучку. А королевич так-таки и нас...л на подоконник и навалил чертову гибель! Воротились и легли на постель к царевне. Немного погодя говорит солдат:

— Эх, королевич! Ведь мы худо сделали!

— Чем худо?

— Да вот чем: завтра увидят на окнах

г...но, прямо на нас и подумают; царь нас за это дело засудит!

— Что же нам делать?

— Ты как знаешь, так и поступай со своим г...ом, а я свое пойду съем.

— Съешь, пожалуйста, и мое! Я тебе за это заплачу, сколько сам захочешь!

— Ну нет! Будет с меня и своего г...на!..

Вскочил солдат, подбежал к окну и давай уплетать конфеты с разными заедками. Королевич лежал-лежал, видит — дело неладно: солдат свое г...но поест, мое останется, завтра, пожалуй, под суд угодишь! Встал с постели, подошел к окну и начал свое г...но уплетать: морщится, да кушает!

— Что, вкусно? — спрашивает солдат.

— Эх, брат, какой уж в г...не вкус! И не рад, да ешь.

Поел королевич свое г...но, весь перепачкался и усы замарал.

— Ну, — говорит, — слава Богу! Хоть через силу, да управился!

Лег королевич, лег и солдат. Вот ночью проснулась царевна, поворотилась было к королевичу — а от него такой вонюю несет, что в нужнике лучше. Повернулась от него на другой бок, обняла солдата и проспала с ним до света. Ранехонько поутру входит к ним царь, видит, что дочь обнимает солдата, и отложил решение свое до другой ночи.

Прошел день, стало на дворе темнеть.

«Ну, ладно, сукин сын солдат! — думает

королевич. — Уж эту ночь ты меня не обманешь».

Призвал своего камердинера, велел купить десятикопеечную редьку и подать кожаные штаны; редьку заколотил себе в ж...пу, потом натянул штаны и говорит сам себе: «Теперь не обс...сь! Хоть редька и выскочит, так штаны не пропустят».

Сели за ужин. Королевич ничего не ест, а солдат-то уплетает. Поел, сбегал перед сном в нужное место, облегчился и пришел в царевнину спальню. Завалились все трое на постель; ни много, ни мало прошло времени, королевич и царевна уснули, а солдат лежит и думает: «Эх, мать твою так! Нынешнюю ночь, верно, его не надуешь!» Вдруг, откуда ни возьмись, жук, мышь и рак; начали около королевича суетиться. Мышь жуку говорит:

— Ты, парень, привычен в г...не сидеть, полезай к королевичу в ж...пу, доставай оттуда г...но, а мы с раком будем размазывать. Надо нам выручать солдата!

Жук сунулся было в ж...пу — да на королевиче кожаные штаны, никак не пролезешь! Тут принялась за работу мышь, подобралась и прогрызла в штанах дыру:

— Ну, теперь полезай смело!

Жук сунулся в другой раз, не тут-то было — в ж...пе редька заколочена!

— Нет, мышка! Никак не могу попасть, вишь, в ж...пе-то дверь заперта!

Мышь подбежала к голове королевича и запустила ему в нос свой хвостик: давай щекотать кончиком. Королевич как чхнет да пер...т — редька из ж...пы и вылетела! Жук не стал долго думать, залез в ж...пу и ну вытаскивать оттуда г...но, а рак с мышью берут да размазывают: разрисовали всего королевича, всю рожу ему испачкали. Пошла вонь непомерная!

— Ах ты, мерзавец эдакий! Насмѣхаешься надо мной, что ли? — говорит, рассердившись, царевна.

Повернулась к солдату, обняла его и проспала так до свету.

Царь приходит поутру, видит — царевна спит, обнявшись с солдатом, и отложил свое решение до третьей ночи. Королевич напустился на своего камердинера:

— Что ты наделал, мошенник! Я тебе велел купить хорошую редьку, а ты черт знает какую принес! Да и штаны дал худые.

Побранил его и велел купить двадцатипенечную редьку, а кожаные штаны подать новые. Камердинер исполнил приказ. Королевич стал совать редьку в ж...пу — не лезет! Вот он стал раком и приказал камердинеру заколачивать как можно крепче. Тот взял колотушку и забил ее почитай всю. Надел королевич новые штаны и думает: «Врешь же, сукин сын солдат! Теперь меня обнимет царевна, небось не обс...сь — я на себя надеюсь!»

Ночью, как только уснул королевич, мышь тем же манером прогрызла у него штаны и

пошла щекотать хвостиком в носу, а жук стоит у ж...пы — ждет своей очереди за работу приниматься. Королевич как чхнет да пер...т — редька выскочила да прямо жуку в лоб: жук опрокинулся вверх ногами, лежит — чуть дышит! Подскочили рак да мышь:

— Что делать, как быть? Как г...на добыть! Давай-ка вытащим жука на двор, пусть его ветром освежит.

Вытащили его на двор и воротились назад. Рак запустил королевичу в ж...пу свою клешню и пошел г...но выковыривать, а мышь размазывать: разукрасили королевича не хуже прежнего. Пошла вонь на всю комнату!

— Ах ты, мерзавец! — закричала царевна. — Ступай вон, подлец, с постели! Ложись под кровать!

Нечего делать, вынужден был королевич слезть с постели; забился под кровать, лежит да думает: «Только бы убраться из этого царства подобра-поздорову, черт с ней, с женьтибой!»

А Несмеяна-царевна обняла солдата и переспала с ним ночьку.

Поутру вошел царь, узнал, что королевич все три ночи обс...ся, и велел проводить его из своей земли с худым аттестатом, а солдату дал генеральский чин, обвенчал на своей дочери и позволил жить во дворце.

Б

В некотором царстве-государстве был отставной солдат. Шел он как-то мимо гостиных рядов, увидел, что в лавках всякого добра навалено, и начал говорить сам с собой:

— Эхма! Голова-то у меня умна, да денег нету! Если б мне денег побольше, уж я б выкинул штуку! Не стал бы так торговать, как эти купцы торгуют.

Услыхали его похвальбу богатые купцы и говорят меж собой:

— А что, братцы! Попробуем — дадим ему тысячу рублей да посмотрим, что он делает?

— Ну что ж! Сделаем складчину и дадим.

Сейчас же позвали солдата и спрашивают:

— Слушай, солдат! Что ты сделаешь с деньгами, коли мы подарим тебе тысячу?

— Наперед подарите, так опосля и увидите.

Сделали купцы складчину: кто пять, кто десять рублей; собрали как раз тысячу и отдали солдату.

«Куда девать деньги? — думает солдат. — Пройдусь-ка я по рынку посмотрю — не попадется ли что повыгоднее купить».

Ходит по рынку и не знает, что бы такое купить; как в кармане-то было пусто, был в голове разум, а теперь словно сам не свой, просто глаза разбегаются! Несет ему навстре-

чу мужик клетку, а в клетке сидят мышь да жук.

— Что, мужичок, продаешь? — спрашивает солдат.

— Разве не видишь: жука да мышь продаю.

— А сколько просишь?

— Коли хочешь купить, давай тысячу рублей, дешевле не отдам.

— Что так дорого?

— А дорого потому, что в придачу к ним даю дудочку: будешь в дудочку играть, станут мышь да жук плясать.

Заплатил солдат тысячу, взял клетку и дудочку и пошел в гостиный ряд.

— Эй, служивый! — кричат купцы. — Покажи, что купил?

— Вот смотрите: бабьи забавы купил, целую тысячу заплатил.

Выпустил из клетки жука с мышью и начал в дудочку играть. Он играет, а жук с мышью пляшут да такие хитрые коленца выкидывают, что всякий, кто ни увидит, так и заливается смехом — умора, да и только!

— Молодец, служба! — говорят купцы. — Будешь теперь с хлебом! Ступай наших жен повесели!

Пошел солдат по купеческим женам и собрал с них много денег. С той поры, с того времени начал он по городам ходить да людей веселить. Случилось ему зайти в один столичный город. А в том городе жил-был

царь с царицей, у них была дочь-красавица, и жила эта царевна в великой любви с одним генералом. Сколько ни сваталось за нее разных чужестранных королей и королевичей, царей и царевичей — ни за одного не хочет выйти.

— Пускай, — говорит отцу, — тот будет моим женихом, кто рассмешит меня.

Короли, королевичи, цари и царевичи и разные принцы пробовали смешить царевну — не тут-то было. Никак не могут рассмешить ее: такая всегда она печальная, даже не улыбнется никогда!

Прошла об этом молва по всему царству. Царь велел клич кликать: не возьмется ли кто вылечить царевну? Кто вылечит, за того отдаст ее замуж.

Солдат услышал тот клич и пошел во дворец. Тотчас доложили царю, что пришел де отставной солдат, бабьи забавы показывает, от тоски вылечивает.

— Можешь ли вылечить царевну? — спрашивает царь.

— Могу, ваше величество.

— Смотри же: коли вылечишь — отдам ее за тебя, хоть ты и простой солдат; а коли ты врешь — сквозь строй прогоню да в каторжную работу сошлю!

Привели солдата в комнату к царевне. Он выпустил жука с мышью из клетки, начал в дудочку играть, стали жук да мышь плясать, хитрые коленца выделывать, вприсядку откалывать! Как ни крепилась царевна, как

ни перемогалась, не могла выдержать — так и покатилась со смеху. Царь не стал долго думать, повенчал ее с солдатом. Сделал пир на весь мир. После призывает своего зятя и говорит:

— Ну, зять мой любезный! Как ляжешь спать с моей дочерью, в нынешнюю же ночь слазь на нее беспрременно и наутро доложи мне: целка она или давно продырявлена? Ведь недаром же она замуж идти не хотела!

— Слушаю, ваше царское величество! Все будет исполнено.

Дождались ночи и пошли спать. Солдат разделся, надр...ил свой солдатский елдак и собирается на царевну лезть, а та и слышать не хочет:

— Нет, голубчик мой милый! Как хочешь, а в первую ночь я не согласна грех делать. Потерпи до другой ночи.

Сколько солдат ни возился, сколько около ней ни старался — не мог ничего сделать. Поутру король требует к себе зятя:

— Ну что, слазил на жену, узнал глубину?

— Виноват, ваше величество! Никак нет.

— Так и быть, на первой раз прощаю, — говорит царь, — только смотри не зевай, держи ухо востро!

На другую ночь собирается солдат жену пое...ть, а она ему:

— Не трогай меня, миленькой! Хоть одну ночку пообожди.

Умаслила его, упросила-умолила. Наутро призывает его царь:

— Что, зять мой любезный! Брал ли нынешнюю ночь крепость? Какова была — цела аль разбита?

— Виноват, ваше величество, всю ночь проспал.

— Так и быть, прощаю еще раз! Только смотри, это тебе последняя ночь: не давай маху! Послехватишься, да поздно будет!

Наступила и третья ночь. Лег солдат с царевною и думает: «Ну, теперь, голубушка, как ни проси — не смилуюсь, а проберу тебя попросту, по-солдатски».

Надр...ил свой елдак и стал у царевны титьки пощупывать да подол заворачивать.

— Ах, миленькой! — говорит царевна. — Не трогай меня еще единую ночку; у меня такой завет положен, чтоб первые три ночи не иметь со своим мужем греха; пред святою иконою в том побожилась, право слово — не лгу!

«Пусть будет по-твоему!» — подумал солдат и не стал ее трогать.

Наутро призывает его царь:

— Ну, любезной мой зять! Какой скус в моей дочери? Попробовал целку?

— Виноват, ваше величество, опять проспал!

Царь крепко рассердился на своего зятя. Призвал стражу и велел взять его да посадить в каземат: пускай-де сгниет в крепости, коли не сумел с девкой справиться!

Стража тотчас схватила солдата, и посадила его, горемычного, в каземат под строгий караул.

Сидит он там месяц, и другой, и третий. Вот говорит царевна отцу:

— Любезный батюшка! Осталась я ни вдова, ни мужняя жена. Позвольте мне в другой раз замуж идти.

— А кто возьмет тебя после солдата? Помоему: кто первый тебя посватает, тот тебе и муж!

Царевна обрадовалась и сказала своему любовнику генералу, чтобы смело шел ее сватать — отказу не будет!

Генерал посватался, и в тот же день обвенчали его на царевне.

Дошла эта весть до солдата. Горько ему стало, и вспомнил он:

— Эх, где-то мои бабьи забавы теперь?

Только вымолвил, жук с мышью сейчас к нему явились и спрашивают:

— Что тебе надобно?

Солдат рассказал им свое горе и стал просить:

— Нельзя ли как досадить тому генералу? Коли мне не досталась царевна, пускай никто не владеет ею!

— Не тужи, хозяин! Все будет сделано, — отвечал жук.

Вот как стемнело, пошел генерал с царевною спать. За свадебным столом он так наелся-напился, что как лег — так и захрапел во

всю мочь. Жук с мышью забрались в спальню, вползли на кровать. Жук тотчас пристроился, залез к генералу в ж...пу и давай оттуда г...но таскать да мыши подавать, а мышь принялась размазывать генеральскую рожу.

Обработали дело и ушли по своим местам. Ночью проснулась царевна, хватъ генерала, хотела его поцеловать да так-таки на г...но и наткнулась. Слышит: вонь великая! И вскричала:

— Няньки и мамки! Несите скорее огня!

Няньки и мамки подали огонь; глянула царевна — генерал весь в г...не.

— Что это с тобой сделалось?

— И сам, — говорит, — не знаю: прежде того никогда не бывало!

Пока генерал обмывался да переодевался, совсем рассвело — не удалось ему и позудить царевны.

На другую ночь случилось то же самое. Разгневалась царевна на генерала, говорит ему:

— С тобой, мерзавец, спать совсем нельзя! Коли еще усер...ся — пойду да отцу расскажу!

Что делать генералу? Стал совет держать со своим камердинером. Тот ему и присоветовал: ты-де на ночь ничего не ешь да напяль на себя двое штанов суконных да одни кожаные, а ж...пу заткни луковицей. Генерал так и сделал.

Легли спать. Ночью мышь прогрызла ему штаны; жук туда-сюда — не найдет дыры;

на ту пору генерал как пер...т — луковица вылетела да в жука. Жук лежал-лежал, ногами дрыгал-дрыгал, насилиу выправился и натаскал г...на столько, что ну!

— А ты, мышь, штукатуры!

Мышь и генерала, и кровать, и всю комнату умазала. Пошли духи по всему дворцу. Царь проснулся:

— Какой запах!

Пошел посмотреть, откуда несет, и прямо пришел к царевне в спальню.

— Эй, няньки, мамки! Подайте огню!

Няньки-мамки прибежали с огнем.

— Что это у вас за вонь такая? — закричал на них царь.

— Помилуйте, ваше величество! — отвечают мамки с няньками. — Уж это не первая ночь. С того самого времени, как женился генерал на царевне, просто покою не знаем — всякую ночь он обсир...ся! От солдата, бывало, ничего худого не слышно, а от этого так и разит!

На этот шум пробудилась царевна и принесла отцу жалобу.

— Что это, — говорит, — за муж! Это — засеря!

Царь в ту ж минуту приказал выпустить из темницы солдата, а на его место посадить генерала.

Положили солдата с царевною ночь досыпать. Тут уж солдат не стал разговаривать, запустил царевне свой солдатский х...й,

пробрал ее как следует и узнал, что царевна давным-давно прое...на!

В

В некотором царстве, в некотором государстве жил король с королевой. Была у них дочь — прекрасная королевна, тихая да смиренная, но никто не видал, чтоб она когда рассмеелась. Стало время приближаться — пора царевну замуж выдавать. Говорит она отцу с матерью:

— Ни за кого не пойду замуж, окромя за того, кто рассмешит меня!

Вот хорошо. Король объявил по всему своему государству, чтобы съезжались к нему князья да бояре, купцы и посадские и всякие простые люди — лишь бы крещенные были — смешить его дочь. Кто рассмешит, за того выдаст замуж королевну, а за нею разделит половину королевства. Со всех сторон стали съезжаться во дворец князья и бояре, купцы и посадские и всякие простые люди. Только ни один не мог рассмешить ее своими шутками и разговорами; так все со стыдом по домам и разъехались.

В том самом королевстве жил-был в одной деревне мужик; у него было три сына: два умных, а третий дурак. Умные ходили на охоту да занимались хозяйством, а дурак завсегда лежал на печи да перетирал золою муди.

— Что ты все на печи лежишь? — стали говорить ему братья. — Хоть бы в лес пошел да грибов набрал!

— Пожалуй! — отвечает дурак.

— Да знаешь ли ты, какие грибы бывают?

— Покажите, так буду знать!

— Есть нам когда с тобой, дураком, возить-ся! Ты смотри: который гриб белый, а корешок толстой — тот и бери.

— А сколь толст? Будет с мой х...й али нет?

Умные братья засмеялись и ушли на охоту, а дурак слез с печки и побрел в лес. Ходит по лесу да х...й в руках держит. Как увидит где гриб, сейчас сравнит с х...ем: толст ли корешок? И набрал полную котомку мухоморов. Воротился домой.

— На, — говорит, — матушка! В лесу столько х...в растет, что и за год не перетаскаешь!

Взобрался опять на печь и ну перетирать муди золою.

Вот король объявил в другой раз, чтобы шли всякие люди смешить королевну. Умные братья собрались ехать в королевский город, а дурак туда ж просится:

— Возьмите и меня с собой, братцы!

— Куда тебе, дураку! Через тебя и нас повесят!

Только как ни отговаривались, не могли от него отговориться. Пошел дурак вслед за братьями. Шли они, шли, валяется на дороге деревянный гвоздь от бочки.

— Вот находка так находка! — говорит дурак.

Поднял и взял с собою.

— Экой дурины! Всякую дрянь берет, что только на глаза попадетя, — говорят братья.

Опять пошли: шли-шли, идет навстречу баба, несет голубя.

— Продай, бабушка! — сказал дурак.

— Купи!

— На что тебе? — спрашивают у дурака братья.

— Авось пригодится! — отвечает дурак.

Купил голубя и запрятал в карман. Вот пришли наконец во дворец и стали ожидать, когда выйдет королевна. Долго ждали. Захотелось дураку с...ть, а куда до ветру сходить — не знает; он снял с себя шапку, наворотил ее полную; стоит и держит под мышкой. Тут выступила королевна, и принялись все шутить: уж каких смехов, каких штук не было! — все не берет: хоть бы нарочно улыбнулась королевна!

Дошел черед до дурака. Он глянул на нее и говорит:

— Здравствуй, холодная пи...а!

— А почему ты знаешь? Может, у меня пи...а-то горячая!

— А коли горячая, вот тебе голубь, ошпарь его как надо!

— Боюсь, улетит! У меня ведь две дыры: одна спереди, а другая сзади.

— Это не беда! Вот тебе гвоздь, заткни дыру в ж...пе.

— Экой невежа! К твоей шутке только г...на недостает!

— Неправда, вот и г...но! — сказал дурак и раскрыл свою шапку.

Все кругом засмеялись, засмеялась и прекрасная королевна. Тут взяли дурака, обмыли, обрили, причесали и на королевне обвенчали.

Г

В одном городе был жил дворянин по прозвищу Голой. Не было у него ни кола, ни двора; только и был один слуга Ванька — и за лакея, и за кучера, и за повара — за все отвечал — да одна старая кобыла. Раз Голой барин был в трактире и вычитал в газетах, что в некоем королевстве есть у короля дочь такая красавица, какой нигде не найти, и что король отдаст ее за того замуж, кто ее сумеет рассмешить. Многие иностранные королевичи и принцы пробовали смешить королевну, только все понапрасну.

Рассказал про то барин Ваньке, а Ванька побежал сейчас в лавку, стянул новую рогожу, сшил из нее сюртук да брюки и говорит:

— Одевайся поскорей, барин, в новую одежду, поедем добывать королевну. Добудем — и станем жить припеваючи, а не в эдакой нищете да бедности.

— Что это тебе вздумалось? — отвечает барин. — Лучше, брат, нам дома сидеть, чем по чужим сторонам ездить да людей смешить.

Ванька так пристал, что никак не отговориться. Вот запрягли кобылу и поехали. Едут они путем-дорогою, увидали, огонь горит — в огне змея лежит. Ванька ухватил барскую шпагу и выкинул змею из пламени вон.

Едут дальше. Увидали, поле пшеницей засеяно, а в той пшенице ходит корова. Ванька ухватил кнут и выгнал оттуда корову.

Приехали во дворец. Доложились королю, что приехали смешить его дочь — прекрасную королевну. Король спрашивает Голого барина:

— И взаправду можешь ты рассмешить мою дочь?

— Могу, ваше королевское величество.

— Смотри же. Если рассмешишь — отдам ее за тебя замуж, а если не рассмешишь — с плеч голова долой!

Тут призвал король своих верных слуг и приказал отвести гостям комнату возле той самой спальни, в которой спит-почивает Несмеяна-королевна.

Вот вечером пришла королевна в спальню и закричала:

— Няньки и мамки!

Тотчас явились и няньки и мамки:

— Что угодно вашему высочеству?

— Стелите мне постель.

Мамки и няньки принесли перины пуховые. А барин Голой услышал то и сам закричал:

— Эй, Ванька!

— Чего извольте, сударь?

— Постели-ка, брат, постель.

Ванька побежал на кухню, набрал около печки целую вязанку дров, приволок — разложил по полу:

— Готово, сударь! Извольте ложиться.

Королевна разделась и легла на пуховых перинах, а Голой барин лег на дровах. Прошло немного времени, королевна повернулась на другую сторону и закричала:

— Няньки и мамки! Посмотрите, что-то жмет меня под бок!

Няньки и мамки посмотрели и говорят:

— Это, ваше высочество, лебединое перо через гусиное перелегло.

Голой барин услышал и себе тоже:

— Эй, Ванька! Посмотри поскорей, что-то в ж...пу меня колет.

Ванька посмотрел и говорит:

— Это, сударь, березовое полено перевалило через осинное, оттого и колет!

Немного погодя королевна опять повернулась и уронила с руки кольцо.

— Эй, няньки и мамки!

— Что угодно вашему высочеству?

— Гляньте-ка, что я на пол уронила?

— Золотое колечко с руки.

— Ну возьмите его себе!

Голой барин все слушает да придумывает: тут он понадулся да как пер...т на всю комнату:

— Эй, Ванька!

— Чего извольте, сударь!

— Поищи, братец! Я обронил что-то.

Ванька начал ползать да искать по полу.

— Что, нашел?

— Никак нет, сударь: около носа вьется, а в руки не дается.

— Поищи хорошенько! А найдешь, возьми себе на орехи.

Королевна услышала эти речи, не могла утерпеть и рассмеялась.

— Ну, королевна! — говорит барин. — Ты теперь рассмеялась, не отопрись завтра!

— Не бойся, — отвечает она, — я своему слову госпожа.

Наутро собрались все к королю. Стал он спрашивать свою дочь:

— Правду ли говорит Голой дворянин, что ты, любезная дочь, рассмеялась ночью?

— Правда, государь-батюшка! Только идти за него замуж я не согласна.

— Отчего так?

— Оттого, что он невежа, не умеет держать себя по-учтивому. Прощлую ночь пер...л на всю горницу.

Тогда бояре и сенаторы стали говорить ей:

— Это, ваше королевское высочество, ничего не значит! Ведь он для вас же старался: коли и пер...л — так все для того, чтоб вас рассмешить.

— Ну если он такой хитрой, — сказала королевна, — пусть загадает мне такую загадку, которой бы не сумела я разгадать. Тогда и пойду за него замуж.

Весь совет согласился. Голой барин стал загадывать:

— Ехал я путем-дорогою, смотрю, на дороге зло, а в том зле опять-таки зло. Ванька мой соскочил с повозки да зло из зла злом и выкинул. Потом поехал я дальше. Смотрю: не так далеко от дороги стоит добро, а в том добре опять-таки добро. Ванька мой соскочил с повозки и добро из добра добром и выгнал! Вот тебе, королевна, загадка. Разгадай-ка!

Королевна стала просить, чтоб обождали до утра. В то время она подумает, как и что отвечать. Вот воротилась она в свою комнату, думала-гадала — ничего не разгадала: «Как быть, чтоб себя не осрамить?»

Позвала фрейлину и говорит ей:

— Ступай поскорей к Ваньке и разузнай от него, как разгадать ту мудреную загадку. Всячески добивайся, ни за что не постой — только бы сказал, а уж после я тебя награжу большим имением.

Фрейлина побежала к Ваньке, пристала к нему, как лист банной к ж...пе: скажи да скажи, что значит эта загадка?

— Пожалуй, — говорит Ванька, — я скажу, сударыня, только согласитесь ли вы сами на то, о чем попрошу?

— Соглашусь, проси смело.

— Ну так разденьтесь донага, я на вашу красу посмотрю да разок-другой вас махну — тогда и дело сладится!

Фрейлина сначала было и слушать не захотела, да потом думает себе: куда ни шло! Королевна обещалась наградить имением, а пи...а-то у меня не купленная! Разделась догола. Ванька полюбовался на ее белое тело да положил на кровать. Отзудил и стал кричать:

— Ай, сударь, сударь! Ко мне ведьма пришла!

Барин ухватил плетку, выскочил из своей горницы и давай пороть ее по спине. Фрейлина видит, что беда пришла, — подавай Бог ноги, и убежала голая. Так Несмеяна-королевна и не разгадала загадок, а не разгадавши, принуждена была выйти замуж за того барина.

Вот таким-то случаем сделался бедный дворянин королевичем. Ваньку произвел он в чины и сделал первым при себе человеком.

ОДНОГЛАЗКА, ДВУГЛАЗКА И ТРЕХГЛАЗКА

В одной деревне жил-был мужик да баба, у них была дочка. Ну баба и умерла. Мужик женился, а новая жена дочку принесла сперва одноглазую, потом другую — двуглазку, а потом третью — трехглазку. Живут-поживают. Пре-

жней-то жены мачеха не любила, невзлюбила и падчерицу. А ее дочки ходили с падчерицей коров пасти. Мать отправит их пасти коров, родной-то дочке напечет пшеничных колобков, а падчерице-то неродной напечет глиняных, которых и есть нельзя. Но у падчерицы была коровушка — матери приданое — и она кормилась у коровушки: в ухо зайдет, в другое выйдет и сыта и пьяна делается.

Стали сестрицы ее подозревать, что она не ест, не пьет, а сыта. Как-то раз пошла она коровушек доить с одноглазой сестрицей. Та только уснула, — а падчерица корове в ухо. Пошли с двуглазкой, падчерица сестре говорит:

— Сестрица, дай я на головушке поищу.

Начала искать и вторую убаюкала; в ухо зашла, в другое вышла, сделалась сыта и пьяна. Так же на третий день отправляется коров пасти с трехглазой сестрой.

— Сестрица, дай я в головушке поищу.

И искала на головушке; искала, искала — у той один глаз закройся, другой закройся, а третий открыт. Падчерица в коровье ухо зашла, а трехглазка увидела и зарычала:

— Ах ты, ведьма, курва, скажу матери!

Пришла домой, отцу-матери наказала, мать раскричалась:

— Надо, старик, ту корову убить. Она, ведьма, сушит корову, сушит.

Отец точит ножик и точит, а она, эта дочка, вышла к коровушке своей, плачет, и коровушка ей отвечает — ишь, уж заговорила:

— Станут убивать меня, так приходи посмотреть. А как придешь — так на правой рукав брызнет крови маленько. Ты его отруби и посади под окошко, в землю закопай.

Отец пошел убивать коровушку, а девушка просится:

— Пустите, пожалуйста, посмотреть.

Пришла посмотреть, ей брызнуло на правой рукав. И посадила, закопала тот рукав в землю под окно, и стал расти сад. Растет сад, там уж, что ей нужно, — все есть в том саду.

А тут какой-то член невесту выбирает, на пир зовет. Старуха-то и говорит:

— Старик, старик, бери конишку, запрягай в дровнишки, сорока щекочет, нас на пир хочет.

Старик конишку хватает, дровнишку запрягает да поезжает.

— А ты вот, — дочери наказывает неродной-то, — ты вот возьми, чтобы была печь в другом углу перенесена.

Они все уехали. Девка сейчас же в сад прискочила, пруток отломала, пришла, похлестала, похлестала, печь в другой угол перешла. Опять в сад скочила, платье сменила и такая сделалась красива, что просто... Вышла в чисто поле, крикнула по-звериному, свистнула по-змеиному — конь бежит, земля дрожит, из ноздрей искры летят, из ушей чад клубится, изо рта пламя вырывается, а из ж...пы головешки сыплются.

— Сивка-Бурка, вещий Каурка, стань передо мной, как лист перед травой.

Конь стоит как вкопанный. Села на коня и поехала. Приезжает, с коня соскочила, коня привязала к точеному столбу, золоченому кольцу. Пришла в избу. Богу помолилась, на все стороны поклонилась, выше всех и села. Пир тут уж, собрание, людей много. А у этой у мачехи-то дочки посажены как собаки: по подлавицьям кости подбирают. Девка метила, метила, косточкой и шибнула прямо в глаз этой девке-одноглазке. Закричала старуха:

— Старик, старик, веди конишку, запрягай дровнишку, нас обесчестили, у девки глаз выбили.

Старик ведет конишку, запрягает дровнишку, уехали. Сейчас пир расходится. Наша красавица выходит, Богу помолилась, на все стороны поклонилась, вышла, на коня села и поехала. Приехала домой, опередила мать да отца с дочерьми, объехала кругом. Приехала, коня спустила, в сад сходила, оделась в старую одежду. Пришла на печку и села. Приехали отец, мать с дочерьми, расхвастались:

— Какая сегодня-то девица была, просто такая, что...

Она и отвечает с печки:

— Не я ль это была?

— Где тебе, худому черту, быть этакой!

На другой день опять:

— Старик, старик, веди конишку, запрягай дровнишку, сорока щекочет, нас на пир хочет.

Старик конишку хватает, дровнишку запрягает да поезжают, а этой дочке наказывают:

— Смотри, сегодня пол чтобы такой белый был, как кость сахарная.

Ну и съехали. Она осталась тут. Сейчас же в сад побежала, выломала пруток, пришла в избу, похлестала, похлестала; пол такой белый стал, что просто... Она опять в сад сходила, со всем управилась и лучше того, что вчера была, красавица. Вышла в чисто поле, крикнула по-звериному, свистнула по-змеиному — конь бежит, земля дрожит, из ноздрей искры летят, из ушей чад клубится, изо рта пламя вырывается, а из ж...пы головешки сыплются.

— Сивка-Бурка, вещий Каурка, стань передо мной, как лист перед травой.

Конь стоит как вкопанный. Села на коня и поехала. Приехала, привязала коня к точеному столбу, золоченому кольцу. Пришла в избу, Богу помолилась, на все стороны поклонилась, выше всех и села. Попировали, а эти дочери-то опять усажены кости подбирать по подлавичьям. Она метила, метила — косточкой шибунула, у девки глаз выбила. Завопила старуха:

— Старик, старик, веди конишку, запрягай дровнишку, нас обесчестили, у девки глаз выбили.

Старик ведет конишку, запрягает дровнишку, уехали. Сейчас пир расходится. Наша

красавица выходит, Богу помолилась, на все стороны поклонилась, вышла, на коня села и поехала. Приехала домой, опередила мать да отца с дочерьми, объехала кругом. Приехала, коня спустила, в сад сходила, оделась в старую одежду. Пришла на печку и села. Потом приехал отец и мать с дочерьми и говорят:

— Сегодня одна девица была, так лучше того, что вчера, еще лучше.

— Не я ль это была?

— Где тебе, худому черту, быть.

— Ну ладно.

На третий день поезжают опять.

— Старик, старик, веди конишку, запрягай дровнишку, сорока щекочет, нас на пир хочет.

Старик конишку хватает, дровнишку запрягает да поезжают, а этой дочке взяли жито, рожь и овес смешали.

— Разбери, — говорят, — чтобы все было разобрано.

Она снова сходила в садок, выломала пруток. Пришла, похлестала, похлестала, все разошлось по разным местам: рожь, и овес, и жито — все разошлось. Сходила в садок, переделась по-хорошему, еще лучше. Вышла в чисто поле, крикнула по-звериному, свистнула по-змеиному — конь бежит, земля дрожит, из ноздрей искры летят, из ушей чад клубится, изо рта пламя вырывается, а из ж...пы головешки сыплются.

— Сивка-Бурка, вещий Каурка, стань передо мной, как лист перед травой.

Конь стоит как вкопанный. Села на коня и поехала. Приехала, привязала коня к точеному столбу, золоченому кольцу. Пришла в избу, Богу помолилась, на все стороны поклонилась, села выше всех за стол. Сидят, пируют. Та метила, метила, косточкой шибнула, у девки глаз выбила.

Старуха опять там заходила: выше всех и села. Попировали, а эти дочери-то опять усажены кости подбирать по подлавичьям. Она метила, метила — косточкой шибнула, у девки глаз выбила. Завопила старуха:

— Старик, старик, веди конишку, запрягай дровнишку, нас обесчестили, у девки глаз выбили.

Старик поежжает, запрягает — уехали. А эта невеста-красавица жениху понравилась. Вот села она на коня и уехала, а башмак тут и остался у столби. Как приехала, коня спустила, в сад сходила, разнарядилась по-старому, пришла и села на печку.

Отец да мать с дочерьми и говорят:

— Сегодня-то девица была, так еще лучше.

Она и говорит:

— Не я ли то была?

— Где тебе, худому черту, быть?

Через какое-то время разыскивают невест по башмаку, этот башмак меря. Никому не ладится башмак, потом стали спрашивать:

— Нет ли у кого самой нехорошей девицы — на печи сидит или где-нибудь, сюда доставьте, отыщите.

Все отвечают:

— Нету.

Потом проговорились, что «у нас есть такая-то». Ну и за падчерицу принялись, приехали за ней даже; взяли, повезли. И сад следом пошел. Дорогой мачеха невест переменяла, посадила свою дочку, а эту вынула вон из саней, а свою дочку посадила в сани. Поехали, а сад не пошел. Посмотрели, что сад не пошел, значит и невеста не та. Потом ту, которую следует, взяли, а другую под мост спустили. И уехали, увезли. Стали жить да быть. Беременная сделалась, сына принесла. Мачеха эта на родину пришла, посмотреть внучка. Она полагает, была б своя родная дочка, так пришла бы посмотреть.

ОРКИЙ ОРКОВИЧ И ИВАН-ЦАРЬВИЧ

Жил-был царь Иван, и детей у него — один сын совершеннолетнего возраста. Отец и говорит:

— Тебя бы нужно женить.

— Мне бы нужно, тятенька, жениться.

Царь собирает пир на весь мир для офицерских и генеральских дочерей.

— Сын, ходи и выбирай.

А тот не смог себе приглядеть невесту. Второй раз собирает царь пир для генеральских и полковницких дочерей:

— Ходи и выбирай невесту.

Сын снова не мог выбрать. Утром встает и говорит:

— Тятенька и маменька, испеките мне хлеба в дорогу, я пойду искать себе суженую.

И отправился. Отходит от дому, попадает к старичку.

— Далеко ли?

— Да вот так-то, — рассказывает.

— Пойдем вместе.

И пошли с этим старичком. Дошли до сада, старичок говорит:

— Ляжем отдохнуть.

Легли отдохнуть, девица идет прекрасная.

Царевич говорит:

— Дедушка, это не невеста ли?

— Нет, это не тебе, другому.

Пошли дальше, до второго дошли сада, опять легли отдохнуть, идет опять красавица.

Иван-царевич говорит:

— Дедушка, не это ли невеста?

— Нет, ты подожди.

Пошли дальше, отдохнуть повалились, красавица идет опять.

— Дедушка, это моя невеста?

— Да, это твоя.

— Дедушка, иди сватом, свата здесь искать негде.

Дедушка и пошел. И девица согласна за муж идти.

— А где венчаться?

— А венчаться в своем царстве.

Вперед дали знать ее родителям. Вот по-

венчались и спать легли, она в первую ночь его с кровати и сбросила:

— Могу ли я с таким мертвяком спать? Оркий Оркович по три года ко мне летал, дорогие подарки приносил.

Царевич утром встает:

— Тятенька и маменька, благословите меня, я пойду Оркия Орковича искать.

Жена остается одна с первой ночи. Родители поплакали, пожалели и дали благословения; отправился царевич. Вот он идет несколько времени. Приходит в одно королевство простым мужиком. Мимо идет — дворец, на балконе стоит королева. Иван-царевич шапку снял, низко поклонился, а она в ответ:

— Милости просим, Иван-царевич, на пере-
путье хлеба-соли откушать. Что идешь кручинен-печален или о том сомневаешься, что жена с первой ночи с кровати спихнула?

Он головой качнул, кудрями тряхнул.

— Да, везде молодца знают, почитают, женой упрекают.

Заходит к ней; она приняла, накормила, напоила и спать положила. Сама спрашивает:

— Далече ли идешь?

— Хочу Оркия Орковича видеть, каков он есть.

Пошел дальше. На второй день то же самое случилось: вторая на балконе стоит, с этой он так же обошелся. И в третье королевство пришел, ему королева и говорит:

— Я бы тебе дала меча острого, коня крылатого, да Оркова мать за двадцать пять верст их из-под тебя украдет.

— А как украдет, я ведь не усну?

— А что можешь дать ручательство, что пригонишь коня обратно?

— А голову дам.

Она ему и дала коня и меч.

— Иван-царевич, когда поедешь, не забудь меня.

— Не забуду, приворочу.

И отправился. Вдруг едет наш царевич и чуёт вдруг — ни коня, ни меча с ним нету. Идет дальше пешком, а ехал не спавши. Вот он и доходит до дому Оркия Орковича, а у дома сторожей много, не впускают в дом. Потом впустили. В дом заходит, несколько комнат проходит, — в одной мать:

— А, думала я, где бы Ивана-царевича повидать, а он сам явился! Все жилы теперь из тебя вытянем. Запереть его в те комнаты, в которых мы никогда не бываем, пока Оркий Оркович не явится.

Вот и заперли Ивана-царевича. Сидит и думает: «Зачем я пошел?»

Приходит вечер, прилетает Оркий Оркович домой, мать и говорит:

— Иван-царевич сам пришел!

— Где же Иван-царевич?

— Известно, — в тех комнатах, где мы никогда не бываем.

— Вывести его сюда.

Вывели.

— Здравствуй, Иван-царевич.

Принял его Оркий Оркович по-дружески, посадил за свой стол.

— Не опасайтесь, Иван-царевич, не можете ли вы мне чего помочь? Я себе невесту добываю, Елену Прекрасную, четыре года, и сколько ни бьюсь, а войска не убывает.

Иван-царевич говорит:

— Я бы мог тебе помочь, да у меня нет коня крылатого и меча острого. Вы бы могли биться, я бы мог по воздуху облететь и узнать, откуда сила берется и все.

Оркий Оркович говорит:

— Это у нас все есть.

На другой же день поутру отправляются, позавтракавши, в бой, а Ивану-царевичу коня крылатого и меч острой отдали в руки. Когда Оркий Оркович и Иван-царевич доехали, где биться, Оркий Оркович говорит:

— Иван-царевич, нам здесь биться.

Иван-царевич говорит:

— Вы бейтесь, а я полечу.

— Нет, Иван-царевич, мы не так с тобой расстанемся: назовемся названными братьями и на этом месте друг друга будем ожидать. Вот камень, под него положим по серебряному блюду: если блюдо побурело, должен один другого выручать, а если нальется кровью, тогда нам негде друг друга и искать.

Назвались братьями, положили блюда под камень и разъехались. Оркий Оркович

вступил в битву, а Иван-царевич поднялся на крылатом коне в воздух. Иван-царевич долетел до кузницы — несколько кузнецов молотом ударяют: что ударят, то выйдет солдат и воин. Иван-царевич и говорит:

— Бог помощь кузнецам ковать железо, а не солдат.

Кузнецы начали ковать, а солдаты и не пошли. Иван-царевич вперед. Доехал до других кузнецов. Те куют: как ударят — офицер. Иван-царевич и говорит:

— Бог помощь кузнецам, добрым молодцам, железо ковать, а не офицеров.

Те начали ковать — искры летят, а офицеров нету. Он вперед. Доехал — трети кузнецы генералов куют.

— Бог помощь кузнецам железо ковать, а не генералов.

Те начали ковать — искры летят, а генералов нету. И он облетел еще несколько верст. Войско сбывает, прибыли нету. Прилетает к Оркию Орковичу, тот невесту Елену забрал, только еще взять ее не может. Застигла их ночь. Раскинули шатер. Оркий Оркович с Еленой-царевной остался в шатре, а Иван-царевич отошел, ночевать под дуб лег. Налетело два голубя, один и уркает:

— Гулю, гулю, голубок.

— А что, голубушка?

— Взял Оркий Оркович Елену Прекрасную, а только не совладать ему с ней.

— А почему же?

— А потому, что они едут к венцу, у них будет два платья: одно хорошее, а другое победнее. Они платье хорошее оденут, сразу и помрут. А кто эти вести Оркию Орковичу перенесет, тот по колена окаменеет.

Ночь прошла, встали, поехали. Опять раскинули шатер, Оркий Оркович с женой в шатре, а Иван-царевич под дубом. Прилетают два голубя, разговаривают:

— Гулю, гулю, голубок.

— А что?

— Взял Оркий Оркович Елену Прекрасную, да не совладать с ней. Когда поедут к венцу, будут две кареты: одна хороша, друга победнее. Они сядут в хорошую — их раздавит. А кто вести эти Оркию Орковичу перенесет, тот по груди окаменеет.

Ночь прошла, снялись и поехали. Еще ночь пришла... Обночевались... Голубок говорит:

— От венца приедут, будет два ложа: одно хорошее, другое похуже, они лягут в хорошее — их раздавит. Кто эти вести Оркию Орковичу перенесет, тот весь окаменеет.

Опять снялись с места, поехали. Приехали в дом, торжество было великолепное, за ним и венчанье. Приготовили две пары подвенечного платья, две пары карет. Иван-царевич был посаженным отцом.

— Я схожу, посмотрю, — сказал Иван-царевич и крест-накрест хорошее подвенечное платье ударил и рассек. Доложили Оркию Орковичу. Оркий Оркович говорит:

— В первой вине Бог простит.

И одели похуже платье. Посмотрел Иван-царевич кареты и по хорошей карете ударил крест-накрест — карету рассек. Доносят Оркию Орковичу:

— Ну и вторую вину Бог простит.

Сели и поехали, повенчались. Весь церемониал кончился, нужно спать, Иван-царевич пошел смотреть кровати и по хорошему ложу — саблей и ложе рассек. Доносят Оркию Орковичу.

— Посадить посаженного отца в камеру.

И повалился на кровать похуже. На другое утро Ивану-царевичу казнь — виселица. Вот ведут на виселицу Ивана-царевича. Было устроено три ступени. Иван-царевич говорит:

— Братец, перед смертью позвольте слово сказать.

— Говори.

— Вот, — говорит, — и рассказал все, что было. На третьей ступени и окаменел весь. Оркий Оркович взял камень и унес в свою спальню. Прожил год Оркий Оркович с молодой женой, и у них родился сын. Оркию Орковичу приснился сон: если бы он не пожалел своего сына, заколол бы его и накапал бы на камень горячей крови, камень бы ожил. И запечалился. Жонка и спрашивает:

— Что печален?

Оркий Оркович рассказывает. Елена-царевна говорит:

— Муж, да мы еще молоды: еще наживем.

Принесла младенца и кинжалом в бок. Иван-царевич и встал.

— Ах, как долго я спал.

На это место положили сына. И снится Оркию Орковичу: «Если бы у себя отрезал палец и из пальца капнул бы на своего младенца кровь, он бы ожил».

Оркий Оркович стал утром чинить перо и отрезал палец и на младенца накапал крови — и тот ожил. После этого был у них пир на весь мир. Оркий Оркович говорит:

— Названной братец, Иван-царевич, проспи с моей женой Еленой Прекрасной три ночи.

Тот отказывался.

— Нет, ты проспи, — говорит Оркий Оркович, — и спи в моей спальне, на моей кровати, сам узнаешь.

Он согласился. Только лег Иван-царевич с его женой, Елена-царевна, жена, заснула, налетает сорока и клюет Ивана-царевича — так всю ночь мучился, не заснул. Так три ночи спал, на третью ночь схватил сороку, переломил ей ногу и бросил. Утром Оркий Оркович после третьей ночи спрашивает его:

— Каково с моей женой спалось?

— Да спать бы хорошо, да навязалась сорока.

Оркий Оркович усмехнулся и говорит:

— А это ведь твоя жена. Она узнала, что ты спишь с чужой женой.

Иван-царевич отправился домой. Распростились с ним, наградили и отправили. Дома

жена встречает на костыле. Иван-царевич обнажил саблю да и зарубил, а поехал да на той королевне, которая крылатого коня дала, женился.

ПЕТУХ И ЖЕРНОВКИ

Раз помещик ехал деревнею, увидел у мужика на крыльце жерновки и увез. У мужика был петух, попросился он лететь до барина и выручить жерновки. Мужик согласился, и петух полетел. Дорогою попадаетея ему навстречу медведь и спрашивает:

- Петушок, петушок! Куда ты летишь?
- К барину за жерновками.
- Возьми и меня с собой!
- Полезай ко мне в ж...пу.

Летит далее. Попадает навстречу волк.

- Петушок, петушок! Куда ты летишь?
- К барину за жерновками.
- Возьми и меня.
- Полезай ко мне в ж...пу.

Полетел опять. Попадает навстречу лисица.

- Петушок, петушок! Куда ты летишь?
- К барину за жерновками.
- Возьми и меня.
- Полезай ко мне в ж...пу.

Вот прилетел петух к барину, сел на балкон и кричит:

- Барин, барин! Поддай мне жерновки.

Барин рассердился, приказал его поймать, на скотный двор его кинуть: пусть коровы его рогами забодают. Посадили его на скотный двор. Петух говорит:

- Медведь, выходи из ж...пы!

Медведь вышел и весь скот приломал. А петух полетел на балкон и еще громче кричит:

- Барин, барин! Поддай мои жерновки.

— Ах, проклятой! — говорит помещик. — Посадить его к овцам, пусть его ногами замнут.

Посадили к овцам. Петух говорит:

- Волк, выходи из ж...пы.

Волк вышел и всех овец перерезал. Утром петух вылетел из хлева, сел на балкон и еще громче закричал:

- Барин, барин! Отдай мои жерновки.

— Ну, окаянный! И тут ему смерти нет, — сказал барин. — Посадить его к гусям, пусть склюют его.

Только посадили, а петух говорит:

- Лисица, выходи из ж...пы.

Лисица вышла и всех гусей переела. Петух опять полетел, сел на балкон и кричит свое:

- Барин, барин! Отдай мои жерновки.

— Тьфу, окаянный! — закричал барин. — Посадить его в колодезь, пусть утонет.

Бросили петуха в колодезь, он говорит:

- Пей, ж...па, воду! Пей, ж...па, воду!

Колодезь высох, а петух улетел, уселся на балкон и опять за свое.

— Ну, проклятой петух! Нигде тебе смерти нет. Посадить его на каленую в бане каменку.

Вот и посадили, а петух закричал:

— Лей, ж...па, воду! Лей, ж...па, воду!

Вылил воду и затушил каменку, сам остался невредим.

Вылетел, сел на балкон и что силы есть кричит:

— Барин, барин! Отдай мои жерновки.

Барин — нечего делать — отдал ему жерновки; петух взял и отнес их к своему хозяину.

РОГА

Было у старичка три сына. Младший Иван в солдаты готовился и потому работой не занимался, а по кабакам ходил да с девками играл. Выдали его в солдаты. Послужил год, другой, третий, и показалась та служба тяжела.

— Чем мне служить, пойду-ка я, — говорит, — лучше бродяжничать.

Уговорил с собой пятеро таких же товарищей-солдат, и убежали из полка.

Много прошли они сел и городов, дошли до того, что им есть нечего. Говорят они меж собой:

— В полку был над нами унтер-офицер старший, пусть теперь Иван будет над нами старшим!

Сделали его своим унтер-офицером. Говорит унтер-офицер одному солдату:

— Лезь на это дерево и смотри: нет ли поблизости села или пригородка.

Тот взлез на дерево и увидел: стоит келья. Пошли туда, там живут шесть монашек.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте!

И заставили их монашки ночевать с собой три ночи, а греха не творить. Ночь солдаты терпели и другую терпели, а на третью не выдержали: взлезли на монашек и сотворили грех. Наутро говорят им монашки:

— Коли вы не могли потерпеть третьей ночи, то не жить вам с нами; ступайте своей дорогой.

Нечего делать, собрались солдаты в путь; стали прощаться; та монашка, с которой унтер-офицер ночь переспал, подарила ему плащ-невидимку, кисет с золотом да тросточку.

Пошли куда глаза глядят. Пришли в тридесятое царство, забрели в трактир и давай пировать. Унтер-офицер так горстями и бросает золото: в кошельке все не убывает. Увидал сие царь, спрашивает:

— Что за человек?

— Иностраннный принц! — говорит беглый солдат.

Царь его просит к себе в гости, а у того царя была дочь Марфа-царевна. Всяких царевичей и королевичей в карты обыгрывала.

— Не угодно ли тебе, иноземной принц, в карточки поиграть?

— Изволь, царевна!

Сколько она ни выигрывала у него денег, у того солдата все не убывает золота! Она ему говорит:

— Верно, ты сам деньги делаешь?

— Нет, у меня такой кисет есть!

— Дай-ка мне свой кисет, я попробую: не вытряхну ль из него все деньги?

Он сдуру дает ей кисет, а она взяла и закричала своим слугам:

— Возьмите этого подлеца, выкиньте из окошка; он насилком на меня лезет!

Выбросили в окно. Унтер-офицер сходил на квартиру, взял свой невидимый плащ, накинул на себя и пошел опять к Марфе-царевне прямо в спальню.

Она спит, разметалась, совсем голая! Он на нее взобрался и давай катать. Та слышит, что кто-то е...т ее, а кто, не видит, и спрашивает:

— Это ты, иноземный принц?

— Я!

Когда покончил он свое дело, она вскричала слугам:

— Несите сюда всяких напитков!

Когда принесли, царевна давай его поить разными винами, напоила пьяным и говорит:

— Дай мне свой плащ, я его надену: увидишь ли ты меня?

Он отдал ей плащ, она надела и спрашивает:

— Видишь меня?

— Нет, не вижу!

Тут царевна опять вскричала:

— Возьмите этого подлеца и выкиньте из окна; он насилком на меня лезет!

Его, добра молодца, схватили и фуркнули из окна.

Солдат пошел в трактир и взял тросточку, подбросил ее кверху — тотчас выскочили три арапа и спрашивают:

— Что прикажете делать?

— А вот что: пустите кругом этого города воду, по воде чтоб корабли плавали, на кораблях бы солдаты расхаживали, из ружей стреляли, из пушек палили. А мне сделайте лодку, на той лодке чтоб было двенадцать песенников и двенадцать музыкантов.

Сказано — сделано. Лежит наш иностранный принц в лодке и прокатывается мимо царского дворца. Марфа-царевна испугалась.

— Что это, — говорит, — сделалось? Никогда не бывало, чтоб вокруг города да вода была, на воде б корабли плавали, из пушек палили, из ружей стреляли! Верно, скоро светопреставление!

Выбежала на балкон:

— Не ты ли, иноземный принц, действуюешь?

А он в лодке хохочет.

— Я! — говорит.

Царевна просит его к себе на двор; он к ней и заехал.

— Как ты такую хитрость сделал?

— А у меня есть такая тросточка, подброшу ее да прикажу — ничего не будет.

— Дай-ка мне, сумею ли я этак сделать?

Отдал ей; царевна подбросила тросточку — опять выскочили три арапа:

— Что, Марфа-царевна, прикажете?

— Возьмите этого подлеца, фуркните в окно. Тотчас выкинули его в окно; упал бедный солдат и говорит сам себе:

— Ну теперь все свое имение уходил! Пойду в лес и задавлюсь!

Пришел в лес, долго ходил, проголодался. Увидел яблоню, съел одно яблочко — хватъ, а на лбу у него рог вырос. Походил-походил, сорвал с другого дерева яблоко, съел — и рог спал. Вот солдат нарвал этих яблок и пошел во дворец.

Марфа-царевна послала купить яблок. Скушала парочку — и выросли у ней на лбу рога! Солдат ее другими яблоками вылечил и на ней женился.

ПОВАР И ГРАФИНЯ

В некотором царстве, в некотором государстве стоял дворец, в этом дворце жила принцесса. Была у ней кухарка да повар. Повару кухарка понравилась, он к ней подскакивал, она его не приглашала. Раз она пожаловалась своей барыне:

— Меня Иван хочет обнасилъничать.

А барыня и говорит:

— Ты раздразни его, скажи, чтобы купил свинины, со свинины у меня заиграет плоть, тогда тебе могу дать.

Он свинины купил, нажарил, наелись. Надо было ложиться спать, а кухарка ушла с барыней мыться в баню. Повар подождал, повалился спать и ночевал ночь один. Утром встал, хозяйка его и задразнила:

— Фу, как у вас на кухне свиной пахнет.

Повар хозяйке ничего не сказал, а на другой день смекнул, что они в баню ходят не одни, с ними есть провожатый. Он и напросился в следующую субботу банщиком быть, а хозяйка бани и согласилась за сто рублей. Повар в субботу пришел, вымарался в саже и поступил в баню. Пришла графиня и кухарка, хозяйка и говорит:

— У меня другой банщик, черный арап.

Когда они разделись, он их обоих вые...л: они для того в баню и ходили, чтобы с банщиком сношение иметь. Вымылись в бане, пришли домой, и повар пришел домой. Поутру графиня встала, пришла в кухню и опять смеется:

— Фу, как здесь свиной пахнет.

Он ей отвечает:

— Да, у нас здесь свиной пахнет, да ведь и в бане-то хорошо моют.

Графиня убежала, и переговариваются с кухаркой:

— Его надо уволить, чтобы он не знал, куда мы ходим.

А в том городе таких прав не было, чтобы без вины человека уволить, нужно было вину найти. Вот графиня убила своего попугая, бросила в помойную яму, пришла на кухню и говорит:

— Вот что, повар, у меня потерялся попугай, найди его, а не найдешь — я тебя рассчитаю.

Хорошо, повар пошел искать. Вышел в сад и видит, что графиня гуляет по саду с офицером. Повар стал их преследовать. Графиня ходила, ходила с офицером и села на лавочку; стали разговаривать, а повар подкрался незаметно и заполз под лавку и слушает разговоры. Потом графиня одну ногу поставила на траву, другую — на лавку. Офицер наклонился ей меж ног смотреть. Смотрел, смотрел и говорит:

— Фу, барыня, у вас сколько там народу, городов, деревень, сел и проселков.

А повар и говорит:

— Барин, а барин, посмотри, нет ли там моего попугая.

Барыня испугалась и убежала домой. Повар пришел домой, они его рассчитали.

ПОП С ПОПАДЬЕЙ В БАНЕ

Вздумали поп с попадьею попариться, истопили баню (а дело было зимою) и пошли мыться,

а чтоб вор в избу не забрался, попросили присмотреть за своим добром церковного сторожа. Пришли поп и попадья в баню, разделись и вымылись. Попадья полезла на полок париться, выпарилась, сошла наземь и пошла в предбанник прохладиться немного, а поп тем временем на полок взобрался. В предбаннике лежал большой камень, села на него попадья, только камень-то был холодной, а у ней ж...па-то сыра и мокротна — то матушка-попадья вскоре обледенела, волоса на пи...е примерзли к камню, сидит и не двинется. Поп выпарился и кричит:

— Матка! Где же ты?

А она в ответ:

— Да вот здесь сижу!

— Полно, иди скорей!

— Да что, батька, стыдно сказать, а грех не утаить: ведь я на камнях-то совсем примерзла.

Поп осердился:

— Эх, куда тебя леший угораздил сесть!

Вышел в предбанник, стал перед попадьею на колени, нагнул к ней голову промеж коленок и начал отдувать примерзлые волосы. Отдувал-отдувал, да куда — ее-то не отдул, а сам в беду попал.

Борода у попа была большущая да сырая и тоже примерзла к холодному камню; начал было тянуться — куда, так больно, что и сказать нельзя; да, пожалуй, и всю бороду на камне оставишь. Жаль попу бороды, закричал во все горло:

— Эй, сторож! Беги скорей в баню! Помоги! Помоги!

Сторож услыхал, подумал, что баня горит, бросился на колокольню и давай в набат бить. Со всей деревни набежали мужики.

— Где пожар? — спрашивают у сторожа.

— Попова баня горит!

Прибежали в баню и видят — стоит голый поп на коленях и прямо в пи...у попадаю целует. Принялись мужики их растаскивать и таки растащили. Только поп без бороды остался, а матушка без матерних волос.

ПРЕВРАЩЕНИЕ

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были три брата — все женатые. Раз пошли они на охоту. Долго ходили, только убить ничего не убили, и зашли они в темный лес. Бродили-бродили, застигла их ночь. Попасть на дорогу никак не могут, решили переночевать в лесу. Захотелось развести огонь, а как? Трут отсырел, сколько ни вырубали — не берет!

— Давайте-ка, — говорят, — посмотрим во все стороны. Не увидим ли где огня?

Стали по сторонам глядеть и приметили: в одном месте горит огонек.

— Ну, братцы, кому за огнем идти?

— Давайте жребий бросим!

Бросили жребий, и досталось идти старшему брату. Он не стал спорить, пошел на огонь,

начал подходить и видит: сидит у огня старик и греется.

— Здравствуй, дедушка!

— Здорово, добрый человек! Что хорошего скажешь?

— Дай огоньку!

— Хорошо, только скажи наперед, ты женат или холост?

— Женат, дедушка!

— А веришь своей жене?

Мужик подумал-подумал и говорит:

— Нет, не верю!

— Ну получи огонь да ступай себе.

Взял он огонь и пошел назад. Стал подходить к братьям — чуть-чуть не дошел, у него огонь в руках и погас. Что тут делать?

— Ну, братцы! Я больше не пойду. Пусть кто-нибудь из вас двоих идет!

Пошел средний брат. И с ним то же случилось, что со старшим братом.

Пришлось идти за огнем самому меньшому. Пошел он к старику. Приходит и говорит:

— Здравствуй, дедушка! Дай, пожалуйста, огоньку. Старик спрашивает:

— А что, ты женат?

— Женат.

— А веришь своей жене?

— Верю, дедушка!

Старик встал с места и сказал:

— Ну хорошо, коли веришь!

Подошел поближе и дал ему щелчок в лоб. Мужик в ту же минуту оборотился козлом!

Выросли у него рога и борода. Старик привязал козла к дереву и уселся по-прежнему.

Стоит козел и думает: «Что такое сделал со мною старик! Теперь я совсем пропал и молодую жену без мужа оставил!»

Братья ждали-ждали и думают:

— Верно, с ним что-нибудь худое случилось! Пойдем, поищем!

Пришли к старику:

— Что, дедушка, не приходил к тебе за огнем наш брат?

— Приходил. Он взял у меня огня, да попался ему знакомой человек, Никитой зовут, они вместе и ушли.

А козел смотрит на братьев умильно, а проговорить ничего не может. Братья хотели было уж назад повернуть, но старик говорит:

— Послушайте, молодцы, вот вам сто рублей, только заберите у меня этого козла. Приведите его домой и привяжите у кровати меньшого вашего брата: пусть три дня постоит там. А после опять приведите его назад на это самое место, и я заплачу вам за это еще сто рублей!

Братья с радостью взяли сотню рублей и повели с собой козла на веревочке. Пришли домой на деревню и спрашивают у невестки, воротился ли меньшой брат? А жена брата отвечает:

— Нет, с тех пор не возвращался, как с вами ушел.

— Ну, видно, повстречал кого-то да с ним и загулял!.. Вот что, невестушка, — говорят

братья, — пусть этот козелок постоит у твоей койки три дня.

— Ступайте с ним к черту! Как бы не так, пуцу я этакую вонючую гадину стоять у моей койки!

Братья пристали к бабе, посулили ей десять рублей. Она подумала-подумала да и согласилась — деньги не помешают. Вот они и привязали козла у койки.

Стоит козел день, не евши, не пивши, на свою жену посматривает. А баба то и дело подходит к нему и ворчит:

— Экий черт проклятый! Как от тебя смердит-то! — и пинает его ногой под бок.

Попал бедный козел на поругание, но надо терпеть. Пришла ночь, пора и спать ложиться. Прибегает к бабе полюбовник, сели они за стол, стали угощаться да целоваться, наугощались и легли на койке спать. Ну полюбовник-то свое дело знает, заворотил ей подол, не стал долго думать, а начал ее скоблить. Как увидел это дело козел, не вытерпел, вскочил на кровать и давай полюбовника в ж...пу рогами долбить. Тут и мужик и баба вскочили с койки, схватили с печки по ухвату и ну козла бить — все бока бедному отколотили. Потом привязали его покрепче к койке, а сами опять легли и опять принялись за свое дело блудное. Козел видит, что творится, а подступить не смеет: пожалуй, до смерти прибьют!

Переночевал козел так-то одну ночь, и другую, и третью. Вот пришли братья.

— Мы, — говорят, — теперь возьмем от тебя козла-то!

— Возьмите его, дьявола, всю избу загадил!

Они отвязали его от койки и повели на старое место, в лес. Привели к старику. Тот вынул кошель и дал им сто рублей по уговору, подошел к козлу и только дал ему щелчок в лоб — козел сейчас сделался по-прежнему парнем. Старик его и спрашивает:

— Ну что, любезный, будешь теперича верить своей жене?

— Нет, дедушка! Не только сам верить не стану и товарищам своим скажу, чтоб никогда женам не верили!

— А что, — спросил старик, — хотелось бы тебе насмеяться над женою?

— Очень желательно, дедушка!

Старик дал ему тонкий ремешок и говорит:

— Вот тебе ремешок; коли увидишь, что жена твоя станет что худое творить, то ты, ничего не говоря, возьми да и завяжи на этом ремешке один узелок. Теперича ступай домой, у твоей тещи свадьбу гуляют. Как придут тебя звать на свадьбу, ты отпусти наперед жену, а сам иди следом за нею по другой дороге да норови на свадьбу-то прежде прийти. Как придешь, в избу-то не заходи, а ступай прямо в сарай и закопайся в сено. Тут сам увидишь, что с твоей женой поделется!

Пошел мужик домой, приходит, а жена:

— Ах ты, миленький! Где по сию пору был? Уж как я рада, что ты воротился-то; у нас ведь веселье, брат мой женится. Собирайся-ка да пойдем на свадьбу.

— Ступай ты впереди, может, что-нибудь там пособишь, а я опосля приду, надо отдохнуть маленько.

Баба оделась почище и пошла на свадьбу, а мужик вслед за нею по задам да бегом. Прибежал, залез в сарай, запрятался в сено и сидит. Вот баба пришла на свадьбу, поздоровалась с родней, немножко помешкала да отыскала своего полюбовника, переглянулась с ним — и марш в сарай. Легла на сено, а полюбовник заворотил ей подол, залез на нее и начал качать. Муж видит, что они делают-то, да, не говоря ни слова, взял ремешок и завязал узелок. Баба с полюбовником своим вдруг и склепились, как собаки, не могут никак разойтись. Уж любовник и так, и сак — нет, не может освободиться. Худо обоим. А мужик выскочил из сена и говорит:

— Что, шельма, попалась!

Жена просит прощенья, полюбовник тоже:

— Батюшка, прости!

— Нет, подлец! Не прощу. Ты меня не прощал в ту пору, как стоял я козлом у койки.

Тут мужик отпустил полюбовнику горячих с полсотни, бросил их в сарае склепанных, а сам в избу. Теща встречает его и подносит вина. Он выпил и спрашивает:

— Где ж, матушка, моя жена?

— Сейчас, — говорит, — здесь была, верно, на двор вышла.

Зять подождал маленько да опять к теще:

— Куда ж моя жена-то девалась?

— Подожди, сынок! Верно, сейчас воротится.

— Нет, матушка, не хочу я дожидаться. Пойдем вместе ее искать, кажись, я видел, она в сарай пошла...

Пошли они в сарай. Приходят, а баба-то с любовником по сараю трудятся, таскают друг дружку. Теща видит, что дело неладно; люди узнают — вот стыда-то будет! Делать нечего, надо посылать за Никитой-колдуном. Заложили пару лошадей и поехали за Никитой-колдуном. Он расспросил, что такое и как случилось, узнал про эдакую беду и начал куражиться: не хочет ехать — и все тут!

Стали его просить:

— Батюшка Никитушка! Сделай милость, помоги нашему горю.

Дали ему пятнадцать рублей; вот он собрался и поехал. Вошел он в сарай, поглядел и говорит:

— Эхма! Дело неладно, намутил кто-то! Ну да нам это нипочем, все сделаю!

Взял Никита воду, стал ворожить, да потом надо было ему дунуть на самое то место, где баба с парнем склепились-то. Вот Никита-колдун нагнулся к ним и только дунул, а мужик взял сейчас же на ремешке другой узел завязал — и в ту же минуту Никитина борода

прикипела к пи...е и х...ю. Никита-колдун туда-сюда, нет, не может бороды оторвать; станет тащить — борода больно трещит. Откуда ни возьмись — набежало в сарай народу видимо-невидимо и говорят:

— Теперича делать нечего, нужно послать на село за Гришкой-колдуном, он больше Никитки знает!

Поехали за Гришкой-колдуном, стали его просить. Тот тоже ломается, не едет, хочет больше получить. Дали ему двадцать пять рублей, поехал и Гришка. Приезжает, видит, что дело нехорошо, и говорит:

— Эх ты, Никитка, и этого не смог сделать! Бросаешься в волки, а хвост собачий!

Начал ворожить, пригнулся таким же манером и только дунул, а мужик опять узелок на ремешке завязал — и Гришкина борода приросла к пи...е с другого боку. Припали колдуны Никитка с Гришкой с обеих сторон, целуют пи...у поневоле, не могут никак разделаться. Пуще того набежало в сарай народу и говорят:

— Нечего делать, как разве всем миром просить Андрюшку-колдуна: тот всем колдунам колдун! Коли он не пособит, так никто не поможет.

Сложились всем миром, собрали рублей пятьдесят и послали за Андрюшкой-колдуном. Андрюшка взял деньги, не стал куражиться и поехал прямо к тому месту. Вошел в сарай, как увидал, что случилось-то — и говорит:

— Ловко сделано! А, и вы тут, Никитка с Гришкой! Эх вы, колдунишки! Еще мелко плаваете, коли такого г...на не смогли исправить: другого дела, знать, нечего с вас и спрашивать.

Начал Андрюшка ворожить да рукою пощупывать, только сунул он к пи...е руку и стал пощупывать, а мужик взял ремешок да завязал узелок — и Андрюшкина рука к пи...е прилипла. Он и так, и сак — нет, не сможет руки выручить.

— Вот беда! — говорит Андрюшка. — Что такая за чертовская напасть? Кто это хитрит? Я хитер, а есть и хитрее меня!

Столпился весь мир, думал-думал и присудил: накрыть всех их рогожами, пускай под ними сохраняются. Тут мужик сказал своей теще:

— Эх, матушка, кроме меня, этого дела никто не разделяет, а я коли захочу — всех сейчас распушу.

Теща ему говорит:

— Коли можешь, так делай! Довольно людей-то смешить!

Вот зять взял в руки хороший кнут и давай колдунов всех троих драть изо всей силы да приговаривать:

— Что, станете теперь колдовать?

Спустил им шкуры-то с шеи до самых пят и потом развязал на ремешке три узелка. Колдуны друг за дружкой поскорее бежать. Андрюшка бежал-бежал впереди, да оглянулся

назад и видит, что за ним бегут еще Гришка с Никиткой.

— Эй, братцы! — закричалим. — Пожалуй-ста, не бегите друг за дружкой, а то, пожалуй, опять склещимся!

Тут они все трое и разбежались в разные стороны. И говорит мужик честному миру:

— Люди добрые! Как вы рассудите, что мне с женой и ее любовником делать?

— Твоя воля! Делай что знаешь.

— Поведу их к помещику, пусть посмотрит и рассудит.

И велел им подниматься и идти к барину.

Встали они кое-как на ноги, обхватили друг дружку руками и потащились боком, ногу к ноге переставляя. И тащились они эдак склещенные с утра вплоть до самого вечера. Идут мимо гумна, а там крестьянин на лопате рожь веял; увидал он такую оказию, удивляется:

— Что за дьявол! Отроду не видал такого дива, чтоб какой человек с бабою склещился!

Подбежал к ним с лопатой, хотел разбить и только махнул лопатой промежду их, а мужик взял да и завязал на ремешке узелок. И тотчас приросла к ним лопата.

— Ах, батюшки! — кричит крестьянин. — Вот беда приключилась: осталась на гумне рожь не убрана, набегут свиньи, налетит птица — все зерно переведет!

Так с лопатой и привел их мужик к барину; барин только дивуется! Мужик развязал узелки на ремешке, лопата наземь упала, и расклеился полюбовник с бабою. Тут им задали такую баню, что до новых веников не забудут. Тем и сказка кончилась.

ПЯТЬСОТ РУБЛЕЙ ЗА ОДИН РАЗ

В некоем городе жил богатой барин; охотник был в карты играть. Раз как-то и проиграл он много денег, стал рассчитываться — и не хватило пятьсот рублей.

— Ну, — говорит, — я с человеком пришла.

— Хорошо.

Воротился домой, вынул пятьсот рублей и посылает своим слугою. Вот лакей и понес деньги. Идет он широкою улицею, подходит к большому славному дому, а из окна смотрит барыня-красавица. Глянул на нее и думает: «Вот барыня так барыня! Если б разок дала — все пятьсот рублей так бы и отдал!»

И давай он ходить мимо того дома взад и вперед да на барыню поглядывать. Увидала его барыня и посылает свою девку:

— Поди, узнай, чего этот человек мимо нашего дома все ходит?

Девка побежала и спрашивает, а лакей говорит:

— Есть у меня пятьсот рублей, если б бары-

ня согласилась да дала шмурыгнуть себя хоть один раз — все бы деньги ей отдал!

Девка плюнула и воротилась к барыне.

— Ну что — узнала?

— Ах, сударыня! Это такой подлец, что и сказать нельзя — нехорошо!

— Ничего, говори!

Нечего делать, надо сказывать:

— Ах, сударыня! У этого лакея есть пятьсот рублей, и, если б вы согласились с ним пошмурыгаться — так за один раз все бы деньги вам отдал: так вы ему больно понравились!

— Ну что ж! Раз дать — от меня не убудет, а пятьсот рублей на земле не подымеешь!

— Как знаете, сударыня!

— Зови его поскорее, пока барин домой не вернулся.

Вот приходит лакей.

— Здравствуй, друг! Зачем пришел? — спрашивает барыня.

— Сама ведаешь! Не десять раз сказывать; чай, девка все рассказала!

— Ну, давай деньги поскорее, а то, не ровен час, барин придет!

— погоди, барыня, ноги заирать, дай наперед х...ю встать!

Снял лакей свои шаровары и отсчитал барыне пятьсот рублей. Она взяла, положила их в комод, легла на постель и говорит девке:

— Коли придет барин да захочет в спальню идти, скажи, что я нездорова, припадок приключился, никого пускать не велела.

— Слушаю, сударыня!

Вот лакей взлез на барыню и только запустил, а на тот грех барин и приехал. Девка ему навстречу:

— Не беспокойте, сударь, барыню; она нездорова — припадок сделался.

Ну барин и пошел себе прочь, взял с горя скрипку и заиграл песню, да такую заунывную. Он на скрипке играет, а лакей зная пихает. Поиграл барин, поиграл и пошел по городу разгуляться; и лакей справил свое дело — и марш из дому. Идет да думает: «Как теперь к своему господину явиться? Надо ответ давать, а деньги прогуляны! Дай зайду в церковь да Богу помолюсь». Вошел в церковь, стал перед образом, молится не молится — все назад поглядывает; а позади стоит какой-то господин; что ни оглянется, то и вспомнит про музыку, как он с барыней на постели лежал, а барин на скрипке играл. Вспомнит да и усмехнется. Стали выходить они из церкви, господин тот его и спрашивает:

— Скажи, любезный! Чего ты смеялся?

— Нельзя, барин! Эта штука самому дорого стоит!

— А как дорого?

— Пятьсот рублей!

— Ничего, рассказывай! Я тебе с барышом заплачу.

Тот и рассказал все, как было.

Барин услышал — так и ахнул:

— Ах! Ведь это моя барыня пошаливает!

Заплатил лакею пятьсот рублей да десять на водку дал. После вернулся домой и давай лечить жену плеткою... Важно — вылечил!

РАБОТА Х...ЕМ

А

Жил мужик, у него было три сына: два умных, третий — дурак. Когда отец состарился, то призвал своих сыновей и стал говорить:

— Дети мои милые! Было время, когда я был молод и силен, а вы были малы и неразумны, я вас воспитал и выкормил. Нынче же, чай, сами видите, я уже стар, не могу больше работать, а надеюсь на вас, что теперича вы меня прокормите.

Отвечал старший сын:

— Я, батюшка, могу тебя кормить лопатой: что лопатой выработаю, то и домой принесу!

Второй говорит:

— А я что ножом добуду, то и домой предоставлю.

— А у меня, батюшка, — говорит дурак, — х...й очень велик: что я х...ем достану, то и домой приволоку.

Отец выпучил на него глаза:

— Ну, сынок! Видно, мне твоего хлеба не есть!

— Отчего не есть? — отвечает дурак. — Разве сам не захочешь, а то небось лучше братьев заработаю.

Дождались они весны, и собрался старший сын на заработки; взял лопату и пошел в дорогу. Шел-шел и забрел в такую сторону, где люди не ведали, как им хлеб веять: лопат у них не было, а бросали зерно горстью...

Вот приходит наш парень к одному мужику на гумно; большущий ворох лежит перед ним намолоченного хлеба, а он стоит около вороха, берет горстью да на ветер бросает, а сам, сердечный, так устал — даже вспотел.

— Здравствуй, земляк! — говорит парень. — Дай-ка я тебе в полчаса весь этот ворох перевею.

— В полчаса?! А ну, брат, попробуй. Я посмотрю на тебя, как ты это сделаешь?

Парень начал лопатой подкидывать и в полчаса весь намолоченный хлеб перевеял. Мужик только смотрит да любит. Тотчас собрал всех своих соседей, глядят они на лопату да промеж себя толкуют:

— Экая важная штука! Коли б он продал нам ее, тогда бы нам житье с нею — не стали бы горстями хлеб веять!

Стали они спрашивать:

— Послушай, паренек, продай нам эту штуку.

— Пожалуй, купите.

— А что возьмешь?

— Да соберите со всего общества столько денег, чтобы можно было эту лопату кругом всю засыпать — больше мне и не надобно!

Мужики на то согласились, собрали деньги и осыпали кругом лопату, да так осыпали, что совсем ее не видно стало. Парень взял денежки и отправился домой. «Теперь, — думает, — есть с чем к отцу показаться».

Целый день шел, приустал к вечеру — надо ночевать где-нибудь. Видит — на дороге постоялой двор, стал на ночлег проситься. Выходит к нему молодая хозяйка и рассказывает:

— Пожалуй, доброй человек, ночуй, только с таким уговором, чтобы спать вместе со мной на одной кровати и чтобы так меня вые...ть, как мне понравится. А коли меня не удовлетворишь — все деньги от тебя отберу.

Гость подумал-подумал: «Неужели я с нею не соображусь? Кажись, моим инструментом можно удовлетворить, а к тому ж теперь с голодухи всласть ее дойму!»

Парень согласился. Хозяйка-молодуха дала ему поужинать и положила с собою спать. Начал он ее накачивать, всю ночь бедный провозился, промучился, а ей все мало — все недовольна; поутру отобрала у него деньги и выпроводила ни с чем. Воротился старший сын домой, отец и спрашивает:

— Ну что, сынок, много ль дал тебе Господь с твоею лопатою?

— Эх, молчи, батюшка, с чем пошел, с тем и назад пришел: ничего не добыл.

Говорит тогда другой сын:

— Дай-ка, батюшка, теперь я пойду, не добуду ли чего своим ножом.

Собрался, взял нож — и в дорогу. Долго ли, коротко ли — пришел он в такую сторону, где люди ножей не знали, х...ем говядину рубили. Вот он приходит в мясные ряды, увидел, что мясники рубят говядину своими х...ми, и говорит им:

— Что вы, купцы-торговцы! Али не ведаете, чем хорошие люди говядину режут?

— Нет, землячок, не ведаем!

— А вот, коли вам угодно, у меня есть именно такая штука.

Вынул нож, взял большой кус говядины и давай резать.

— Ну, видите?

— Видим, добрый человек! Хороша твоя штука! Продай нам ее.

— Пожалуй, купите.

Мясники стали с ним торговаться и купили нож за великие деньги. Как было упустить такую славную вещь?

— Она, — говорят, — завсегда пригодна. Будем ее друг у друга брать да мясо крошить.

Средний сын заграбастал денежки и пошел домой: «Есть-де с чем домой воротиться да отца обрадовать!»

И случилось ему проходить мимо того же самого постоялого двора. Попросился ночевать, а сам смотрит на хозяйку да облизывается.

— Что, — говорит, — умница! Нельзя ли с тобой картошки покопать?

— Отчего нельзя, только с уговором: коли меня не удовлетворишь за ночь — все деньги у тебя отберу.

Ну и этот парень весь свой заработок просадил. Воротился домой, отец спрашивает:

— Что, сынок, много ли заработал?

— Как есть ничего. С чем из дому пошел, с тем и назад пришел.

А дурак с печи отзывается:

— Экие вы каналы! Сколько времени оба таскались, а денег не заработали. Коли на вас надеяться, так можно с голоду помереть. Дай-ка я пойду, х...ем заработаю!

Отец его не пускает:

— Куда ты пойдешь? Разве людей смешить? Сиди-ка лучше на печи да три ж...ой кирпичи.

— Небось, не приду домой с пустыми руками! Авось что-нибудь и принесу.

Встал с печки, оделся и ушел из дому. Шел и добрался к вечеру до постоялого двора. Стал проситься ночевать. Хозяйка выходит и говорит:

— Пожалуй, ночуй, только с таким уговором, чтобы спать вместе со мною на одной постели и всю ночь продолжать е...лю и чтобы я тобой довольна была. А не удовлетворишь — все деньги у тебя отберу.

— Хорошо! — отвечает дурак, а у него нет ни гроша. «Видно, — думает, — здесь мои братья положили свои заработки».

Хозяйка дала ему поужинать и легла с

ним спать на печи. Дурак взлез на хозяйку, как засандалил ей свое правило — так она и рот разинула и глаза вылупила. Дурак раз сунул, а хозяйка с печи на шесток сползла, сунул в другой — она на пол поехала, сунул в третий — у дверей очутилась, сунул еще — в сени выпихнул, стал дальше посовывать — она до ворот на спине доехала. Тут, сколько хозяйка ни крепилась, не могла стерпеть, стала проситься:

— Пусти, батюшка! Пусти, голубчик! Не зае...и мою душу грешную!

А дурак знай посовывает, на ее мольбы не соглашается. Вытолкнул ее на улицу, видит — едут с возами извозчики, и закричал во все горло:

— Послушайте, братцы! Накажите моему батьке, чтоб тулуп прислал. Я на этой бабе совсем зазимую, так без тулупа будет холодно!

Хозяйка услышала, что дурак хочет на ней зимовать, и давай опять просить:

— Сделай милость, отпусти живую! Что хочешь, то и бери с меня.

Дурак говорит:

— Отдай мне все свои деньги и все, что ты у братьев забрала, — тогда отпущу, а не то и сохнешь подо мною!

Хозяйка на все согласна. Дурак слез с нее, забрал денежки и пошел домой. Приходит к отцу и отдает деньги:

— Вот видишь, сколько я х...ем заработал!

С той поры стал дурак кормить всю семью своим кляпом: где что зае...т — то и есть.

Б

Жили мужик да баба, у них было три сына: один — плотник, другой — печник, а третий — дурак. Отец сказал:

— Нечего отдавать его в науку, только даром деньги пропадут! Пущай дома остается.

Так он без науки и остался; а старшие два брата хорошо обучились. Приходят они к отцу и говорят:

— Ну, батюшка, теперь мы всю науку прошли!

— Слава Богу, родимые! Теперь, любезные сыны, надо вам меня кормить.

И спрашивает отец старшего сына:

— Ты чем меня надеешься прокормить?

— Плотницкой работою.

— Ладно, сынок!

Спрашивает другого:

— А ты, сынок, чем?

— А я стану печи складывать — тем тебя кормить буду.

— Хорошо и это! А ты, дурак, на что надеешься? Чем меня кормить будешь?

— Х...ем, батюшка!

Отец обругал его и прогнал с глаз своих долой.

Вот старшие братья, печник да плотник, пошли в дальние города деньги зарабаты-

вать. А дурак взял поднял на плеча точило и побрел вслед за братьями. Пришли они в город. Старшие заработали в лето по триста рублей. Вот в один праздничный день пошли они гулять по городу. Идет старший брат мимо одного господского дома, увидала его барыня и посылает горничную девушку:

— Ступай, позови ко мне этого мужика!

Девка выбежала и позвала:

— Мужичок! Поди сюда, тебя барыня требует.

Мужик пришел, барыня его и спрашивает:

— Послушай, молодец, ты какой мастер?

— Плотник, сударыня!

— Говорят, плотники — народ дюжий. Не можешь ли ты меня хорошенько утешить?

— Отчего не утешить? Ложитесь, сударыня, на кровать.

— Ну, молодец! Если ты меня досыта утетишь, то я тебе даю триста рублей, а если не утетишь, тогда ты мне заплати триста рублей.

Уговорились на том и ударили по рукам. Барыня легла на кровать и хвост задрала. Плотник ее жарил-жарил, сам сопреп и устал как собака, а ее не мог досыта удовлетворить и от денег отказался — так и ушел вон без единой копейки. На другой день идет мимо этого самого двора средний брат, барыня посылает горничную девушку:

— Поди, призови его ко мне.

Девка выбежала и кричит:

— Эй, мужичок! Поди, тебя барыня требует!

Вот он пришел.

— Ты какой мастер? — спрашивает барыня.

— Печник, сударыня!

— Печники, говорят, народ сильный! Не сможешь ли ты, голубчик, меня досыта утешить?

— Отчего не утешить? Ложитесь, сударыня, на кровать.

— Нет, молодец! Давай наперед с тобой заложимся: если ты меня удовлетворишь — я тебе даю триста рублей, а если не удовлетворишь — тогда ты мне давай триста рублей.

Вот они ударились об заклад, отдали деньги за руки. Барыня легла на кровать, а печник стал ее зудить. Зудил-зудил, только, сколь долго с нею ни возился, не мог удовлетворить, отказался от своих денег и ушел без единой копейки.

На третий день приходит к барыне на двор дурак, поставил посередь двора точило, вынул свой х...й из порток и давай его точить. Барыня увидала в окно и посылает горничную:

— Пойди, спроси, что этот мужик делает?

Горничная девушка выбежала и спрашивает дурака, что он делает.

— А разве сама не видишь? — говорит дурак. — Х...й точу — е...ть хочу!

Девка пришла к барыне и молчит.

— Ну, что мужик делает? — спрашивает барыня.

— Стыдно, сударыня, рассказывать!

— Отчего стыдно? Рассказывай, мерзавка!

— Этот мужик, сударыня, х...й точит — е...ть хочет.

— Ну, зови его сюда поскорее!

Девушка позвала, дурак пришел в горницу:

— Что вам угодно, сударыня?

— А вот что, голубчик! Я вижу, ты мастер хороший. Не можешь ли ты меня досыта утешить?

— Отчего, сударыня, не утешить? Чего другого, а это могу!

— Ну, молодец! Давай наперед с тобой заложимся об триста рублей.

— Нет, сударыня! Это маловато. Коли биться об заклад, так о целой тысяче.

— Пожалуй! Я согласна, вынимай деньги и отдадим их горничной девушке за руки.

А у дурака какие деньги? Нет ни полушки!

— Зачем, — говорит, — отдавать за руки? Разве мы опосля не разделаемся по чистой совести?

— Ну, пойдем на кровать!

— Зачем, сударыня, на кровать? Мое дело мужицкое, пожалуй, лаптями всю постель замараю. Давай лучше на полу.

Барыня легла на полу, дурак как запустил

ей свой аршинный, как стал закорючивать, что барыня даже устр...сь.

— Пусти, — просит его, — пусти, батюшка, живую. Бери себе не то тысячу рублей, бери целых три!

Дурак взял с нее три тысячи и воротился к отцу к матери с деньгами, а братья его ничего домой не принесли.

— Чем заработал? — спрашивает его старик.

— Х...ем, батюшка!

РУССКИЙ, ТАТАРИН, АРАП И ШВЕД

Из одного полка выпустили из службы в отпуск русского и татарина. Татарин был побогаче, купил лошадь и поехал, а русский тащился пешком. Их застигла ночь, они вздумали ночевать у стога. Русский и говорит татарину:

— Татарин, не привязывай коня.

А сам думает, что конь уйдет и обоим пешком идти не завидно. Татарин не послушал русского, лошадь привязал. Повалились спать, татарин уснул, а русский лошадь задавил.

Потру татарин будит русского:

— Русский, у меня конь задавился.

— Ну, говорил я тебе, татарская образина, чтобы не привязывал, вот теперь и тащи шкуру, не кидать же ее.

Шкуру содрали, татарин взял, и пошли дальше. Прошли к селенью, а в селенье ночевать никто не пускает. Они увидали теплую баню, и не заложена. Зашли в баню и на полке завалились спать, а кожу татарин бросил под полук. Татарин сразу заснул, а русский не спит. И слышит: кто-то подходит к бане, отворяет дверь и в баню заходит поп, заносит коробок и начал по бане ходить и говорит:

— Ах, как сегодня долго нету.

Солдат слушает и молчит. Вдруг заходит в баню женщина. Поп спрашивает:

— Что же ты, Марфа, сегодня долго?

— Да так, запоздала.

— Давай, Марфа, угостимся.

Угостились, поп и говорит:

— Вот что, Марфа, у нас с тобой всяко бывало, а по-собачьи ни разу не бывало.

— А как, батенько, по-собачьи?

— А стань к лавке раком да и лай.

Она стала и залаяла по-собачьи тонким голосом:

— Ау, ау, ау.

И поп толсто лает:

— Оу, оу, оу.

Русский толкает татарина и кричит:

— Татарин! Шкуру-то собаки съели.

Татарин просыпается и кричит:

— Вы тут, я вас, е... вашу мать!

Поп с Марфой испугались и давай бог ноги убегать, все оставили им. Русский с татариним сошли и давай угощаться, забрали все

с собой и отправились в дорогу. По дороге к ним пристали солдаты: швед и арап. Пришли в одно селенье, никто не пускает их ночевать. Один старичок сказал, что у них вдова на краю села пускает. Вдова им сени отворила и говорит:

— Рада бы вас пустить, доброхоты, да у меня сегодня поп будет.

Русский и говорит:

— Давай, какой потоп! Потоп будет, дак тонуть всем вместе.

Зашли и давай располагаться спать. Русский и говорит:

— Я повалюсь к окошечку, на лавку.

Татарин говорит:

— Да я от русского не прочь под лавку.

Арап говорит:

— А у черная этого не буду, повалюсь на шесток.

Швед был похитрее, нашел корыто и подвесил к потолку.

— Будет потоп, я корыто обрежу, да и поеду.

Ночью все спят, а русскому что-то не спится. Слышит, кто-то подходит к окну и приставляет лестницу. Он выглянул в окно, видит — поп. И колотится:

— Марфа, а Марфа.

Марфа и говорит:

— Нельзя, батюшка, каких-то четыре солдата пришло.

— Эка какое несчастье, вчерась разогнали

да и сегодня нельзя. На, прими хоть гостинцы-то.

Русский берет.

— Смотри-ка, Марфа, сегодня у меня какая большая кутька-то стала, пощупай хоть.

Русский в одну руку взял кутьку, а в другую ножик — и отрезал. Поп соскочил с лестницы и побежал прочь. А русский давай угощаться поповским угощением. Выпил да и песенку замурлыкал. Татарин проснулся и говорит:

— Русский, ты что ешь-то?

— Да что ем, да вчерашняя колбаса осталась, доедаю, грызу.

— Дайка мне-то поесть.

Тот ему подает поповский х...й. Татарин начал есть и говорит:

— Да, русский, колбаса-то сырая.

Взглянул к печке, а арап там спит, только зубы белеют да губы краснеют, а лица не видно.

— Русский, да вон угли, я пойду, колбасу дожарю.

Тот пришел и давай у арапа на губах поповский х...й поворачивать. Опять стал есть.

— Русский, все не изжарился!

— Не изжарил, а в чужом месте уголья-то разворочал, смотри, как светит.

— А я и залью.

И начал арапу сс...ть в рот. Тот проснулся и закричал:

— Потоп!

А швед проснулся, веревку перерезал и упал с корытом на пол. Голову разбил. Достали огня, осветили, кто с чем?

Татарин видит — в руках кутька, арап плюется — во рту солоно, а у шведа голова разбита. Русский давай над ними смеяться.

— Нет, пойдем всяк своей дорогой, мы с тобою больше, русский, не пойдем.

САПОЖНИК И КУПЧИХА

Жил-был купец с купчихою богато, знатно; а к тому купцу ходил сапожник, завсегда на него работал. Раз как-то случилось им вместе до ветру пойти; стали сс...ть. Купец смотрит, а у сапожника-то х...й большущий да толстый! И говорит ему:

— Эх, Тимофей! Какой у тебя кляп-то важной! Окромя сапожного мастерства, ты сможешь х...ем кормиться.

— Что ты, господин купец! Как х...ем кормиться?

— А вот как: купи-ка ты фунт мыла, ступай на плот, мой там муди да расправляй х...й. Увидит какая-нибудь барыня али купчиха — тотчас разъярится — без денег не будешь!

— Будто и взаправду!

— Уж я те говорю, поверь моему честному слову!

Сапожник, не будь глуп, выслушал эти речи, побежал на базар, купил фунт мыла и

пошел на плот. Приходит на плот, спустил портки, вынул свой х...й и давай мылить: важно набодрил — с пол-аршина будет!

А тем временем сидела у окна купчиха, все по сторонам глядела. Увидала большой х...й — так и затряслась от радости, все глаза просмотрела! Только что надел сапожник портки да собрался домой идти, а купчиха и кричит ему:

— Послушай, молодец! Зайди-ка к нам, у меня работа есть — надо башмаки заказать.

Сапожник пришел к купчихе. Она принимает его ласково:

— Садись, любезной! Не хочешь ли чайку испить? Не подать ли водочки?

— Хорошо, — говорит, — и чай хорошо и водочка!

Она сейчас поставила самовар, налила целый стакан настойки:

— Пей, голубчик!

Выпил стакан, она другой наливает; выпил другой — она третий подносит. А потом и говорит:

— Пойдем со мной на постелю!

Сапожник-то был десятка не робкого. Влез на купчиху и давай туда-сюда поталкивать; вы...б ее, как выписал!

— Спасибо тебе, друг! — благодарит купчиха, дает ему пригоршню денег и наказывает: — Приходи ко мне и завтра в гости в этот самый час. Я тебя ждать буду. Ах, да на тебе одежда-то нехорошая! На, возьми-ка себе мужнину...

И дала ему важную поддевку, новый суконный армяк, сапоги и шапку — всего как следует с ног до головы одела.

Вот идет сапожник гордый — молодец молодцом. И попадаетея ему навстречу тот самой купец, что научил его, как кляпом деньги зарабатывать.

— А, здравствуй!

— Здорово!

— Ну, как твои дела?

— Да поправляются! Как научил ты, так я и сделал. Зазвала меня купчиха — и чаем напоила, и водкою угостила, и денег дала, и на нее разок-другой слазил. А после всего и говорит мне: твоя-де одежда худа, надевай мужнину, так-таки заново и одела.

Купец взгляделся — а на сапожнике-то одежда его собственная.

— Что ж, — спрашивает, — ты еще к ней пойдешь?

— Как же! Завтра наказала непременно приходить.

На другой день приходит сапожник к купчихе. Она его встретила с радостью, посадила и подносит ему настойки. Сапожник только что взял стакан в руки, а купец на двор идет. Увидала его жена: куда полюбовника девать?

— Полезай, — говорит, — под перину.

Муж пришел, поглядел-поглядел, поискал-поискал, так и не нашел и отправился опять в лавку. Тут сапожник вылез из-под перины, угостился и чайком и водочкой, слазил разок

на купчиху и пошел домой. Идет мимо лавок, увидал его купец и спрашивает:

— Что, был у купчихи?

— Был, да чуть-чуть было в капкан не попал!

— Как так?

— Да вишь, на мое несчастье, муж было пожаловал — насилу успел под перину убраться. Ну да зато после я свое навестал. Только он из дому, я вылез из-под перины и чайку испил, и водочки хлебнул, и купчиху отработал.

— А завтра пойдешь?

— Как же! Опять велела приходить.

Назавтра приходит сапожник к купчихе, только было расположился с ней на кровати — глядь, а муж опять идет. Что делать? Взяла его купчиха да в шкаф и убрала. Купец пришел, искал-искал, не мог найти и с тем и в лавку отправился. Сапожник вылез из шкафа, погулял с купчихою, сделал с нею, что надобно, и опять идет мимо лавок. Купец увидал и спрашивает:

— Что, был сегодня?

— Был, братец! Да чуть-чуть не попался.

— А что?

— Опять муж приходил!

— Где ж ты спрятался?

— Да в шкафу просидел.

— А завтра пойдешь?

— Еще бы! Сама велела приходить.

На другой день пришел сапожник к купчихе. Она посадила его на лавку и давай уго-

щать, давай его потчевать. Глянула в окно, а муж на двор катит. Куда сапожника деть? Взяла его посадила в узел с исподним бельем и положила в углу. Муж искал-искал, ни в шкафу, ни под периною нет никого! Крепко осердился и зажег свой дом.

«Хоть все добро пожгу, а уж его, мошенника, достану!» — думает про себя.

— Ах, милой дру! Что ты делаешь? — говорит купчиха. — Давай хоть белье-то вытащим, а то все погорит — нечего и надеть будет!

Вот положили они узел в корыто. Жена взялась под один конец, а муж под другой — и вытащили вон на улицу.

Дом сгорел, купец в лавку ушел, а купчиха развязала узел и выпустила сапожника. Пошли вместе в сарай и сделали свое дело.

Идет сапожник мимо лавок. Купец увидал его и глазам не верит: «Кажись, должен был сгореть, а он живехонек, как ни в чем не бывало».

— Али ты сегодня у купчихи не бывал?

— Нет, был и свое дело справил, да чуть-чуть было не попался в лапы мужу.

— Где ж ты спрятался?

— Да в исподнем белье просидел. Сам купец меня и на улицу вынес...

— Ну, брат! Ведь ты к моей жене ходишь. Вот тебе триста рублей, только сделай дружбу — не ходи к ней больше.

— Что ж ты прежде не сказал! Я бы давно с тобой поладил!

С той поры зажил сапожник без нужды, без горя; не работает, не трудится, а все у него есть, чего душа просит — точь-в-точь, как на море-океане, на острове Буяне: стоит столб точеный, на столбу бык печеный, в том быку торчит вилка да нож, а в ж...пе банка с горчицею. Приходи да режь, макай в ж...пу да ешь!

СИВКО-БУРКО

Жил-был старик, у него было три сына, а третий — Иван-дурак. Вот отец стал помирать и наказывает сыновьям:

— Придите ко мне поочередно на могилу.

Похоронили старика, старший брат говорит Ивану:

— Иди, Ваня, за меня, я тебе красный колпак куплю.

Ваня и пошел. Взял вяз, ударил по могиле — могила и открылась. Отец встал и спрашивает:

— Которой сын?

— Это я, Иван.

Отец побеседовал с ним, приходит время отцу в могилу уходить, он крикнул по-богатырски, свистнул по-молодецки: конь бежит, земля дрожит.

— Конь Бурушко, служи ему, как мне служил.

Вот он коня спустил, уздечку под кустик — и пошел домой. Приходит домой, раз-

делся — и на печку. Приходит второй вечер, средний брат и говорит:

— Иди за меня на могилу, я тебе красный кафтан куплю.

Иван и отправился к отцу на могилу. Приходит на могилу, ударил дубиной — могила открылась. Отец выходит и спрашивает:

— Которой сын?

Побеседовал с ним. Крикнул отец по-молодецки, свистнул по-богатырски: конь бежит, земля дрожит. Отец и говорит:

— Конюшко Бурушко, сослужи службу, как мне служил.

Ваял уздечку — под куст, коня — в поле, сам домой пошел. Приходит домой — и на печку. Вот когда на третью ночь время приходит, отправляется опять на могилу. Дубиной по могиле ударил — вышел отец, побеседовал с сыном, крикнул по-богатырски, свистнул по-молодецки: конь бежит, земля дрожит.

— Вот, конь Бурушко, служи моему сыну, как мне служил.

Снял уздечку и домой пошел. Пришел домой, на печку — и полеживает.

Вот через некоторое время от царя идет клич:

— На третьем этаже, на балконе стоит царевна, кто на коне доскочит, царевну поцелует и перстень с руки снимет, за того царь замуж отдаст.

Вот стали справляться Ивановы братья, не себе скакать, а хоть людей посмотреть. Иван и говорит братьям:

— Возьмите-ка меня.

— Куды те, дураку, людей смешить.

Братья ушли, а Иван говорит невесткам:

— Дайте-ка мне корзину, я хоть пойду грибов наберу на ужин.

Взял корзину и пошел в лес. Корзину бросил, свистнул по-молодецки, крикнул по-богатырски: конь бежит, земля дрожит.

— Конюшко, Бурушко, стань передо мной, как лист перед травой.

Вот Иванушко в ушко сунулся — вымылся, в другое сунулся — оделся, стал такой молодец, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Вот он оседлал коня и садится верхом, помчался к царскому дворцу. Не позабывши, по дороге нагнал братьев своих и хлестнул их плеткой. Вот приезжает на площадь и видит — народу видимо-невидимо. Бьет коня по крутым ребрам, конь осержается, от земли отделяется, выше лесу стоячего, ниже облака ходячего, вскочил на балкон и двух венцов недоскочил. Оборотил коня обратно. Народ кричит:

— Держи, держи его!

А его и след простыл. Вот приезжает в поле, спускает коня, уздечку, седелко — под кустик, взял корзину, набрал грибов каких-то и понес домой. Приходит домой:

— Вот вам, невестки, на жаркое.

А невестки говорят:

— Это тебе одному есть.

Забирается на печку и слушает, что братья

будут рассказывать. На другой день братья опять собираются, он и говорит:

— Возьмите-ка меня.

— А куда тебе, дураку, людей веселить.

Братья ушли, а он у невесток просит корзинку:

— Грибов наберу вам.

Взял корзинку и пошел в поле. Корзинку бросил, свистнул по-молодецки, крикнул по-богатырски: конь бежит, земля дрожит.

— Конюшко, Бурушко, стань передо мной, как лист перед травой.

Сел на коня, поехал. Братьев не забыл, опять стегнул. Народу собралось еще больше того. Бьет коня по крутым ребрам, конь осержается, прыгнул — только одного венца недоскочил. Приезжает в поле, набрал грибов каких ни попадя и пошел домой.

— Вот, невестки, вам на жаркое.

Невестки говорят:

— Это тебе одному есть.

На третий день пошли, и он выпросился с ними. Они говорят:

— Куда тебе, дураку, людей смешить.

Братья уехали, а он взял корзинку, пошел в лес, корзинку бросил, свистнул по-молодецки, крикнул по-богатырски: конь бежит, земля дрожит.

— Конюшко, Бурушко, стань передо мной, как лист перед травой.

Вот Иванушка в ушко сунулся — вымылся, в другое сунулся — оделся, стал такой

молодец, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Вот он оседлал коня и садится верхом, помчался к царскому дворцу. Не позабывши, по дороге нагнал братьев своих и хлестнул их плеткой. Вот приезжает на площадь и видит — народу видимо-невидимо. Бьет коня по крутым ребрам, конь осержается, от земли отделяется, выше лесу стоячего, ниже облака ходячего, прыгнул, в аккурат на балкон заскочил. Поцеловал царевну, перстень с руки снял.

Народ:

— Держи, держи его!

А Ивана и след простыл. Приехал в поле, коня спустил, узду и седло — под кустик, завязал перстень тряпкой, набрал грибов каких попадя и понес домой.

— Вот вам, невестки, на жаркое.

Сам на печку.

Вот от царя был клич, чтобы никто не смел остаться дома, всяк приходил на царский бал. Кто пиром побрезгует — голова долой. Вот и стали братья собираться на пир. Иван оделся, на ноги лапти, разное тряпье напялил, руку грязной тряпкой завязал. Вот на пиру стала царевна из своих рук обносить гостей, всех обнесла, не могла найти мужа своего, на последних — к Ивану.

— Что это, молодец, у тебя рука тряпкой завязана? Развяжи-ка тряпку.

Иван развязал тряпку, а перстень на руке. Тогда она говорит:

— Вот, батюшка, мой суженый.

Царь приказал отвести Ивана в отдельную комнату. Обмыли, причесали. И пошло дело за свадьбу. Повенчались и спать помчались.

Жили несколько времени, вдруг заслышали, что олень златогривой ходит. А было у царя еще два зятя. Вот царь и говорит:

— Кто бы поймал этого оленя, я бы полцарства отдал. Вот зятя и стали говорить царю:

— Дай нам денег и по коню, и мы поедем.

Вот когда свояки уехали, Иван посылает жену к царю:

— Поди-ка попроси какую-нибудь лошаденку.

Отец:

— Выбирай, какую надо.

Вот он пришел, взял худенькую кобыленку, которой хуже не было, сел верхом, хвост в зубы, а ладонью по п...де, и едет по городу. Выехал за город, лошаденку убил, шкуру сдернул, мясо — воронам:

— Вот вам от царя пища.

Вышел в поле, свистнул по-молодецки, гаркнул по-богатырски: конь бежит, земля дрожит.

— Конюшко, Бурушко, стань передо мной, как лист перед травой.

Конь прибежал, Иван сел и помчался, где бегают олени златогривые. Наехал на оленя, накинул веревку на рога и понес оленя. Раскинул шатер, насыпал пшена, спустил оленя

и коня есть пшено, а сам уснул богатырским сном. Его свояки приехали и не узнали его. Один говорит:

— Давай убьем.

Другой говорит:

— Разбудим, он, может быть, и так продает.

Когда его разбудили:

— Продай оленя!

Он говорит:

— Не продажный он, а заветный.

— А что за завет?

— С правой руки по пальцу.

Вот они подумали и согласились. Срубили по пальцу, он им оленя вручил, а пальцы — в карман. Они и уехали. Иванушка приехал, коня спустил, поймал сорок и ворон и приносит царю:

— Вот, батюшка, тебе на жаркое.

Сваяки привезли оленя к царю. Царь не знает, что с ним делать.

Через какое-то время появилась в поле свинка золотая щетинка. Призывает царь зятьев:

— Не можете ли достать свинку?

Тогда свояки выпросили у него денег и по коню и отправились. Иван говорит своей жене:

— Поди-ка попроси у царя лошаденку, которой хуже нет.

Пришел в поле, кобыленку убил, шкуру дернул, мясо — воронам. Свистнул по-молодецки, гаркнул по-богатырски: конь бежит, земля дрожит. Сел на коня, поймал свинку

золотую щетинку. Раскинул шатер, посыпал белояровой крупы и лег спать. Сваяки ездили, ездили, увидели шатер, подъехали, Ивана не узнали. Увидели свинку, один и говорит:

— Давай убьем.

Другой:

— Разбудим, может, и так продает.

Разбудили и говорят:

— Продай свинку!

— Не продажная она — заветная.

— Что за завет?

— С левой руки по мизинцу.

Вот они и согласились. Он в бумажку и в карман, и сам на коня. Приехал в поле, коня спустил, наловил сорок и ворон и приносит царю:

— Батюшка, это тебе на жаркое.

Зятья привезли свинку, а царь не знает, что с ней и делать.

В скором времени слышится: ходит в поле кобылица-злотырица. Царь призвал зятьев:

— Нельзя ли поймать кобылицу-злотырицу? Тогда вас положу на царство.

Они взяли у царя денег и по хорошей лошади и отправились. Иван и говорит жене:

— Поди попроси лошаденку.

Жена пришла — отец отказал. Пришла к мужу:

— Не дал.

Он опять стал просить:

— Поди попроси у отца.

Она пришла, отец в сердцах:

— Ну пусть возьмет какую-нибудь.

Он взял худую кобыленку. Хвост в зубах, а рукой по п...де, выехал за город, шкуру сдернул, мясо — воронам:

— Нате, ешьте, от царя подарок.

Свистнул по-молодецки, гаркнул по-богатырски:

— Конюшко...

Конь бежит, прибежал.

— Вот, сослужи мне службу...

— Вот это служба! — конь отвечает. — Возьми три шкуры и обвяжи тремя ремнями. Эта кобылица — моя мать. Вот когда мы выедем в поле, она увидит, побежит — и сразу шкуру долой. Второй раз побежит — вторую шкуру долой. И третий раз побежит, торопись тогда на нее прыгать.

Вот когда она третий раз подъехала, Иван и прыгнул на кобылицу и давай меж ушей лупить. Когда она устала, то проговорила:

— Ну, когда умел усидеть, то умей и владеть.

Вот Иван раскинул бел шатер, насыпал белоярову пшеницу и лег спать. Когда свояки увидели шатер и подъехали к нему, один говорит:

— Давай убьем.

Другой:

— Разбудим, может, так продаст.

Вот разбудили:

— Продай кобылицу!

— Не продажная она — заветная.

— Что за завет?

— А с ляжки по пряжке, со спины по ремню, а с х...я по шпильку.

Они согласились. Он вырезал, завернул в бумажку. Они уехали, он коня спустил, сорок, ворон наловил, царю отдал. Вот приехали зятья с кобылицей к царю. Царь задал пир. Пили-пировали, царь и одумался:

— А что Ивана-зятя у меня нет? Позвать его на пир.

Когда Иван пришел, то свояки кушают в перчатках.

Иван и вознегодовал:

— Ваше царское величество, позвольте мне слово сказать: вот они, не заступивши на престол, позволяют кушать в перчатках.

Когда царь приказал снять перчатки, Иван вынул пальцы и говорит:

— Вот олень-то где!

Пальцы приложили — как тут и было. На другую руку мизинцы приложили — как тут и есть. Стал просить, чтобы баню стопили. Когда баню стопили, пошли в баню, разделись свояки — на спине по ремню нет. Он взял из кармана ремни и пряжки и приложил: как тут и были.

— Вот кобылица-злотырица.

Тогда царь вознегодовал. А Ивану царство отдал. И стал царствовать и теперь царствует.

СЛУЖКА-АНДРЮШКА

Стояли два города, один от другого близко — на версты расстояния. В одном городе был мужской монастырь, а в другом — женский. В мужском монастыре настоятелем был его преподобие отец Просило, а в женском игуменьей была мать Епиздимия. И понадобилось настоятелю какое-то сведение из женской обители. Написал он письмо, призвал молодого служку-Андрюшку и начал ему говорить:

— Слушай, Андрюшка! Пойди в трапезную, возьми с собой сыру, яиц и хлеба и отправляйся в Лысвенской женский монастырь к ее преподобию, к матери Епиздимии, отдай ей это письмо и дождись там ответа. Придешь ты туда к вечеру, переночуешь там, а завтра пораньше воротись назад. Да слушай ты, Андрюшка! Коли будет она поить тебя вином — отнюдь не моги пить! А то строго с тебя взыщу!

— Слушаю, ваше преподобие!

— А коли станет тебя скромным потчевать — отнюдь не ешь! А будет тебя звать к себе в келью ночь ночевать — ни за что не ходи. Станет тебя на мягкую постель с собою класть — не моги ложиться, лучше уйди в трапезную! Сними с себя одежду, постели да там и ночуй. И как бы мать Епиздимия к тебе ни ласкалась, ты не поддавайся, а крепись и удаляйся от зла.

— Слушаю, ваше преподобие! — сказал Андрюшка и отправился в город Лысву. Пришел в женский монастырь и просил привратницу доложить о себе матери игуменье. Тотчас привели его к ее преподобию. Она взяла письмо и спросила служку:

— Как тебя зовут, миленькой?

— Служка-Андрюшка, ваше преподобие!

Вынесла она графин водки, поставила на стол разные закуски и жареную телятину и начала просить посланного выпить и закусить с дороги. Он откланивался:

— Ваше преподобие, мне отец Просило строго заказал не пить вина.

— Ах ты, молодой юноша! Ведь ты ошибаешься. Это не вино, а водка, делается из божьего хлеба, греха в ней нету!

Андрюшка подумал, что и впрямь настоятель не велел пить вина, а о водке не сказал ни слова, взялся за графин, налил стакан и выпил. Игуменья просит его закусить. Он опять отказывается:

— Ваше преподобие! Отец Просило строго воспретил мне вкушать скромное.

— Ах ты, молодой юноша! Ведь ты ошибаешься! Это не скромное, а жареное — из невинного тельца изготовлено.

Андрюшка вспомнил, что его преподобие не велел ему есть скромного, а про жареное ничего не сказывал, и начал уписывать телятину.

Игуменья стала просить служку переночевать с собою.

— Ваше преподобие! — отвечал он ей. — Отец Просило не велел мне в вашей келье спать!

А она ему в ответ:

— Ах ты, молодой юноша! Ведь ты ошибаешься! Это вовсе не келья, а спальня — греха в ней нет!

Андрюшка подумал: «Настоятель-де запретил мне в келье спать, а про спальню-ничего не говорил».

Тотчас же начал раздеваться и подле печки укладываться.

— Что ты делаешь? — спрашивает игуменья. — Ложись вот здесь, на моей кровати!

— Ваше преподобие! Отец Просило не велел мне на мягкой постели спать.

— Ошибаешься, молодой юноша! Это не мягкая постель, это пуховик, и греха в нем нету!

Андрюшка опять подумал, что его преподобие не велел ему на мягкой постели спать, а про пуховик ничего не сказывал. Снял портки, перекрестился и на пуховик опустился. Ее преподобие мать Епиздимия сама его уклала, одеялом одевала, занавесами укрывала, и больно уж ей не терпелось, спать с добрым молодцем дюже хотелось. Скорехонько она раздевалась, монашеское платье снимала, в одной рубашке к постели подходила, Андрюшку будила:

— Молодой юноша! Дай и мне местечко. Он пробудился:

— Ах, ваше преподобие! Отец Просило мне строго воспретил с вами ласкаться.

— Ошибаешься, молодой юноша. Я во все не мать Епиздимия, а простая монашка Сиклития.

Андрюшка подумал, что настоятель не велел ему заводить ласки с игуменьей, а о простой монашке ни слова не молвил, и подвинулся к сторонке. Легли они вместе, говорили-говорили да грех и сотворили. Целую ночь тем и пробавлялись, и как к заутренней звонили — они все еще грех творили. Начало светать, надо было вставать. Мать Епиздимия облеклась в свое черное платье, принесла закусок и водочки, угостила его, упоила его, дала ему рублей награждения и домой отпустила, а на прощанье просила:

— Приходи к нам почаще, и нам и тебе будет слаще!

Воротился к настоятелю Андрюшка и на допросы его рассказал все, как было. Его преподобие осердился, начал всячески ругаться:

— Тьфу ты, дурак! Тьфу ты, каналья! Беззаконник эдакий! Так ты вместе с нею спал? Да ведаешь ли ты, что в то самое время, как ты с нею грех творил, тогда на три аршина под вами земля горела?

— Правда истинная, ваше преподобие! — отвечал Андрюшка. — Должно быть, жарко земля горела, она ведь в то время подо мной сильно ж...ой вертела!

— Тыфу ты, беззаконник! Вон из моего монастыря! Чтоб и духу твоего здесь не было!

Андрюшка того и дожидался, поскорей из монастыря убирался, извозчика нанимал, в город Лысву уезжал и прямо в келью к ее преподобию явился. Мать Епиздимия его увидела, с радостью принимала, в уста целовала, к сердцу прижимала. Нарядила его монашкою, назвала своею келейной служанкою и оставила жить при себе, и было ему житье хорошее: как сыр в масле кататься!

СОВА-ВИСТУХА

А

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был богатый купец, имел много и золота, и серебра, и всякого добра. Вот один раз сидит он у окошка и думает: «Желал бы я знать, чего у меня нету? Дом мой что полная чаша, всего вдоволь. Кажись, только того и нет у меня, чего и на белом свете никогда не водилось!» В это самое время ехал мимо его двора мужик с возом, а на возу было нагружено много мешков с мукою. Зацепил мужик за что-то телегою и опрокинул воз. Бегаёт, суетится, мешки подымает.

— Ах, мать твою так! — говорит. — Вот беда — так беда!

Купец услышал это слово и думает: «Что такое за беда? Ведь у меня в доме нету беды.

Как бы мне добыть ее?» Тотчас выбежал на улицу и прямо к мужику:

— Скажи, братец, где у тебя беда?

Мужик, не будь промах, усмехнулся и отвечает:

— Вот в этом мешке сидит!

— Пожалуйста, продай мне ее; у меня дом что полная чаша, всего вдоволь, только и нет одной беды.

— Изволь, купи!

— А что она стоит?

— Да сто рублей.

Купец вынул сто рублей, заплатил и говорит мужику:

— А ну, развяжи мешок, дай посмотрю, что за беда такая?

— Эх, купец! Зачем развязывать? Еще, пожалуй, улетит!

— Ничего, развязывай!

Стал он мешок развязывать, а купец нагнулся к нему и глаза вытаращил.

Мужик тем временем захватил полную горсть муки да в лицо ему — так глаза и засыпал!

— Ну вот! Ведь я сказывал, что улетит. Так и есть — совсем улетела!

Купец протер свои очи и спрашивает:

— А в какую сторону она полетела?

— Да вон к этому лесу.

— Послушай, мужичок! Я сейчас велю заложить пару лошадей в повозку, поедем-ка со мной в лес... Помогите мне беду разыскать! Я тебе еще сотню рублей пожалуйу.

— Хорошо, господин купец! Только по-
времени маленько, пока свою кладь на место
свезу.

На том и порешили. Мужик свез свою муку
куда следовало, пришел к купцу, и поехали
они вместе в лес. Долго они блудили по лесу,
все беду искали. Наконец подходят к одному
высокому-высокому дереву, а на том дереве
на самой верхушке сидит сова да глазами хлоп-
пает; хоть хлопает, да днем ничего не видит!
Говорит купцу мужик:

— Вон видишь, куда залетела — на самую
верхушку забралась!

— Что ж теперь делать?

— Известно что; полезай на дерево, подкра-
дись тихохонько и хватай ее. Только наперед
сними с себя всю лишнюю одежду, а то дере-
во-то суковатое; не ровен час — где за сучок
зацепишься да шуму наделаешь... Беда услы-
шит да улетит!

Купец снял с себя кафтан, шапку и сапоги
и полез на дерево беду добывать. Тогда мужик
забрал все купеческое добро — и одежду, и
повозку с лошадьми, и укатил куда надобно.

Купец взобрался на самую верхушку дере-
ва, сграбастал сову.

«Ну, слава Богу, — думает, — теперь у
меня славная штука в доме будет!»

Спустился наземь, глядь — нет ни му-
жика, ни повозки, ни лошадей, одежда и та
пропала. Туда-сюда кинулся — нет, ничего
не найдешь!

— Ах, подлец! Мать твою разьедак!

Вот это беда, так взаправду беда! При-
шлось купцу ворочаться домой и пешком, и
босиком, и без шапки, и без кафтана; а на его
несчастье, нашли тучи и полил дождь. Дело
к ночи; купец идет да идет, сову под мышкой
несет, а дождь его как из ведра поливает;
до костей промочил. Долго ли тут с дороги
сбиться? Забрел купец — куда и сам не зна-
ет. Крепко он уморился. Вдруг видит: вдали
огонек светится. «Дай на огонь пойду».

Шел-шел и дошел до какой-то деревушки.
Остановился у одной избы под окошком.

«Попрошусь, — думает, — не пустят ли
ночь переночевать». Глядь, а в избе сидит
молодуха, такая красивая, а возле нее дья-
чок увивается. Вишь, муж-то ее в извоз пое-
хал.

— Что ж, — говорит молодуха, — пора бы
и ужинать да спать ложиться.

— Да ты, свет, что приготовила? — спра-
шивает дьячок.

— Да в печи гусь жареный, а на полнице
штоф с водкой стоит.

Дьячок облизнулся:

— А ну как мы станем ужинать, а твой
муж нагрянет?

— Что ж такое! Ведь ты знаешь свои старые
похоронки: полезай под печь!

Купец выслушал все эти речи, постучался
в окно и стал на ночлег проситься. Хозяйка
отвечает:

— Ну так нагрей поскорее два котла горячей воды, возьми суковатую палку и ступай в сени. Я стану выгонять отсюда злыдней, а как побегут они в сени — ты приударь палкою да смотри, бей не жалея!

Сказано — сделано. Взял купец котел кипятку и прыснул под печку — как выскочит оттуда ошпаренный дьячок да бежать сломя голову, а в сенях хозяин принял его палкою. Еле живой ушел!

— Славная у тебя птица-вистуха! — говорит хозяин. — Продай мне ее.

— Продад бы, да ведь не купишь — она дорогого стоит, ни в огне не сгорит, ни в воде не потонет. Разве только глаза ей засс...ть — ну тогда пропадет!

— А сколь дорого стоит?

— Давай триста рублей.

Поторговались-поторговались, и продал купец мужику сову за две сотни; взял деньги и отправился домой.

Дня через три, через четыре поехал мужик куда-то по своим делам, а дьячок опять к молодухе в гости пришел.

— Здравствуй, голубчик! Мужа дома нет...

— Черт бы его ободрал! Намедни так нагрел мне бока и спину, что до сих пор чешется!

— Ох, беда наша! Ведь муж-то купил эту проклятую птицу-вистуху, вон в переднем углу сидит.

— А разве нельзя ее извести?

— Да как изведешь? Она ни в огне не горит,

ни в воде не тонет, только тогда пропадет, коли ей в глаза насс...ть.

— Ну это дело нехитрое! Насс...ть всегда можно, — говорит дьячок.

Тотчас спустил штаны, вынул своего дурака, подошел к сове и давай ей прямо в глаза сс...ть. А сова хватить его лапой за х...й — так и завязила свои когти! Хозяйка ухватила обеими руками за птицу, хочет оторвать ее — не тут-то было! Сова видит, что уселась на хорошем месте, и не думает отпустить, только дальше когти запускает!

— Ох, больно! — кричит дьячок благим матом. — Не тронь ее, пожалуйста, лучше пособи насс...ть ей в глаза — авось тогда отстанет.

Хозяйка подняла сарафан и начала сс...ть на сову, а птица хватить другой лапой за ее посуду, сгребла м...ду и держит крепко-накрепко. На ту пору приходит в избу поп молитву давать.

— Батюшка, — возмолился дьячок, — с...ы поскорей в глаза этой проклятой сове, а то совсем нас замучила!

Поп положил свои книги на стол, вынул х...й и только принялся сс...ть, а сова ухватила и его за х...й своим носом. Стала она прижимать их покрепче, неумоготу им сделалось. Выбежали все втроем из избы на улицу и орут во все горло; а тут и мужик приехал. Как увидел он эдакое диво, тотчас схватил плеть и давай угощать то того, то другого, а они-то знай в разные стороны рвутся. И до тех пор колотил их мужик, пока совсем не разорвали

совы на три части. Поп убежал — совиную голову на х...ю унес, а дьячок бежит — на его кляпе совиная лапка торчит, а у хозяйки на пи...е — все туловище висит.

— Ах ты, б...дь разэтакая! — говорит мужик бабе. — Через тебя, окаянную, пропала моя вистуха ни за что ни про что! А ведь я за нее — шутка ли? — две сотни дал.

Б

Был солдат Григорий, вышел в чистую отставку, а есть нечего, идет да говорит:

— Ох, горе мое горе!

Услыхал это купеческий сын и просит:

— Покажи мне горе. Я никогда не видывал.

— Ну, пойдем.

Вот и пошли; подходят к широкой реке, а на той реке как раз на середине большой камень торчит. Говорит солдат Григорий:

— Вон видишь, на воде лежит горе, плыви и смотри себе вдоволь.

Купеческий сын разделся, поплыл по реке, смотрит: как есть камень — больше нет ничего. Вернулся назад — ни солдата, ни одежды. Остался купеческий сын совсем голый.

— Вот оно горе-то! — вымолвил он. — Чем теперь я прикрою свое грешное тело?

Спрятался в камыши, выждал вечера и пустился в ближнее село да в крайнюю избу — благо никого нет, а двери растворены, и марш

под печку! Лежит себе. Вот маленько погода приходит хозяйка с попом:

— Ах, батюшка! Ведь нам с тобой гулять долго нельзя, того и смотри, муж нагрянет!

— Ничего, свет, авось не скоро воротится!

Стали пить, есть, прохладиться. На тот грех муж приехал. Поп тотчас — под печь. Мужик входит в избу, а на столе водка и закуска. Принялся пить, гулять да спьяну песни петь. А баба — нет-нет, сама не выпьет, а все попу под печь подает.

— Ты, никак, водку пьешь? — говорит купеческий сын. — Дай-ка мне.

— Нет, свет! Я и сам люблю.

— А не дашь, сейчас закричу!

— Ну да пей, только молчи!

Выпил купеческий сын и говорит попу:

— Батяка! Давай песни петь.

— Что ты, что ты! Хозяин услышит.

— А мне что. Я сейчас затяну!

— Не пой, свет! Не губи меня!

— Ну, снимай свою одежду да давай мне!

Поп разделся, а купеческий сын натянул на себя поповской тулуп, улучил время, вышел из-под печи и улизнул на улицу. Идет околицей, увидел сову на дереве, достал и воротился опять к тому же мужику и просится ночевать.

— Что у тебя за птица?

— Это птица-ворожейка, все знает, всех чертей разгоняет — хочешь, и тебе услугу, из твоей избы черта выживу...

СОКОЛИНАЯ МАТКА

Шел мужик путем-дорогой, зашел на постоялой двор ночь ночевать; ночевал тут и помещик. Стал он мужика расспрашивать, про то, про се разведывать.

Долго ль барину осерчать? Рассердился он на мужика ни за что ни про что и давай его тузить — так избил, что надолго не забудешь. Вот мужик разузнал, куда барин путь держит, встал рано поутру и пошел по той самой дороге, где и помещику надо ехать; нас...л на дороге большущую кучу и накрыл ее шляпой, а сам сидит — дожидается. Вот едет барин.

— Эй, мужик! Что ты шляпой накрыл?

— Соколиную матку.

— Продай мне.

— Изволь, барин!

— А что возьмешь?

— Сто рублей.

— Хорошо, да в чем же повезу ее?

— У меня для нее золотая клетка есть, только дома оставил!

— Ступай на моей лошади да привези поскорей. Кучер отстегнул пристяжную лошадь, мужик сел и поскакал во всю прыть.

Барин ждал-ждал — нет мужика.

— Эй, — говорит кучеру, — давай посмотрим, что за соколиная матка? Ты поднимай шляпу да потихоньку, а я стану птицу ловить.

Сказано — сделано; размахнул барин обеими руками и схватил полную кучу г...на!

Кучер увидел и засмеялся, а помещик осерчал и давай ему харю мазать: всю ее г...ом выпачкал!

А мужик и теперь поживает да жену пожимает!

СОЛДАТ ЖЕНИТСЯ
НА КУПЕЧЕСКОЙ ДОЧЕРИ

Был-жил король, долго воевал с неприятелем, наконец сделал замирение, воротился в столицу со своими храбрыми войсками и приказал расставить всех солдат по квартирам на роздых, чтоб всякому было и сытно и спокойно. И досталось одному солдату стоять на квартире у богатого первой гильдии купца. Этот солдат был бравый, ловкий, сам король его знал и любил за верность. Приходит он в богатейший купеческий дом и думает: «Слава тебе, Господи! Вот когда поживу!»

Не тут-то было! Купец с купчихою были люди скупые, скарედные, сами они обедают, а солдат в кухне сидит да зубами щелкает.

— Послушай, тетка! — говорит он кухарке. — Как бы мне чего поесть.

— Эх, служивый! Я тебе ничего не смею дать. Ступай, проси у барыни.

Пошел солдат к хозяйке, просит обедать.

— Вот еще какие глупости! — отвечает она. — Ведь у тебя манерка есть?

— Есть.

— И казенные сухари тебе государь отпускает?

— Отпускает.

— Ну, набери в манерку воды да макай сухари — вот тебе и обед!

«Ну, хороша квартира! — думает солдат. — Здесь с голоду околеешь».

Нечего делать, зачерпнул в манерку воды, размочил сухари и поел. Вечером хозяева садятся ужинать.

«Ну мне нечего дожидаться, — говорит сам себе солдат, — пора спать ложиться».

— Эй, тетка! Где мне постель припасена?

— Постой, служивый! — отвечает кухарка. — Надо спросить у барыни.

А купчиха велела сказать солдату:

— Вот еще новости! Не на перине же его класть! Солдатское место на полу, ведь у него есть казенные штаны и мундир — пускай штаны под бока постелет, мундир под голову положит, а шинелью укроется.

Кухарка сказала эти речи солдату. Нечего делать, снял он с себя мундир и штаны, изготовил постель, а сам стоит без портков, в одной сорочке; известно, какая у солдата сорочка — не слишком длинна, и струменту не закроешь! Смотрит он по сторонам, хочет Богу на сон помолиться, только в кухне нет ни единого образа.

«Ну пойду-ка я в ту комнату, где хозяева ужинают, ведь за это, чай, ничего не будет, что на их образа Богу помолюсь».

Пришел и давай молиться, да так усердно, только елдак мотается. А как зачал поклонны бить, так и ж...пу видно!

— Ах ты, подлец! — закричала на него купчиха. — Видишь, что здесь вся семья ужинает, тут и дочь наша — невеста сидит, а ты без порток пришел да эдакие мерзости показываешь! Завтра же на тебя полковнику пожалуюсь.

«Ладно, — думает солдат, — я тебя допеку».

Наутро хозяева чай пить, а он опять без порток пришел Богу молиться. Купчиха тотчас поскакала жаловаться к полковнику.

Полковник послал за солдатом:

— Как ты смел хозяев беспокоить?

А солдат говорит:

— Никакого беспокойства, ваше высокоблагородие, от меня не было. Я только хотел Богу помолиться — не виноват я, коли у них в кухне и образа нету. Я сам терплю от них всякое горе: ни постели не дают, ни хлебом не кормят!

Полковник видит, что солдат прав, и отказал купчихе:

— Как хотите, сударыня, а солдат не виноват!

Купчиха бросилась к самому королю с просьбой. Король, как узнал все дело, тотчас отдал приказ, чтобы этого солдата обвенчать на купеческой дочери. Против королевского слова не пикнешь, принуждены были купец с купчихою покориться, а купеческая дочь и

сама тому рада; она своими глазами видела, что солдатской-то х...й больно велик, так от этого добра не отказываться стать!

СОЛДАТ И ЦАРЕВНА НЕОЦЕНЕННАЯ КРАСОТА

Жил-был русский царь; собрал к себе всех министров, генералов и фельдмаршалов, усадил за стол и начал выспрашивать, где кто был и что видел в иных государствах.

Стали ему гости сказывать, что в таком-де царстве есть царь-государь и у того царя есть дочь царевна Красота Неоцененная. Миллионы дают, чтобы только посмотреть на ее красу. Только никто не добился, никому не удалось посмотреть на нее.

В то самое время стоял у дверей солдат на часах, услышал эти речи и думает про себя: «Что за такая красавица, что миллионы за один посмотри дают, да и то не берут? Коли б у меня был миллион денег, я б не ток посмотрел на нее, а навверняка взял бы ту царевну за себя замуж». Достал из кармана мел, да и написал свою думку на стенке. Наутро увидел царь эту надпись и велел представить солдата перед свое лицо. Стоит солдат перед государем, словно собака перед куском тянется.

— Послушай, — спрашивает он солдата, — ты написал мелом на стенке?

— Я, ваше царское величество!

— И взаправду можешь ты на царевне жениться, коли тебе миллион дать?

— Точно так, ваше величество!

Царь приказал выдать ему пачпорт и миллион рублей.

Вот солдат и пошел в путь-дорогу. Близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ль приходит в то самое царство, где живет царевна Неоцененная Красота. Нанял себе квартиру и живет месяц, другой и третий. И узнает он, что царевна эта ходит по вечерам с одним фельдмаршалом в трактир гулять. Только вечер наступил, солдат — марш в трактир. Пришел и потребовал на стол разных вин и заедков на пятьдесят рублей. Сидит себе да угощается. Настало времечко царевне быть, трактирщик и гонит солдата вон:

— Ступай-де подобра-поздорову. Теперь у нас не до гостей — позже этого часа никого не пускаем!

Нечего делать, оставил солдат на столе все угощение и отправился на квартиру.

На другой вечер опять солдат приходит и опять требует напитков и заедков на сто рублей. Не успел одной бутылки выпить, а его уж вон гонят! Солдат ушел, а на третий вечер опять в трактир и заказал себе вин всяких и закусок на полтора ста рублей. Сидит себе да прохлаждается. Пришло время, стали его из трактира высылать. Солдат и говорит:

— Ах, мать вашу так! За что ж я в третий раз плачу деньги даром? Разве мне и погулять вволю нельзя?

— Эх, служивый! Сейчас приедет сюда царевна с фельдмаршалом, как же ты останешься?

— А что же, мои деньги хуже ихних? Пусть себе гуляют, я им не помешаю.

Спорили-спорили — не идет солдат, да и только. Приехала царевна; трактирщик бросился к ней с докладом:

— Есть-де в трактире солдат чужестранной, высылаем вон, так не слушается!

— Ну пусть его остается. Он нашего языка понять не может, а мне еще желательно посмотреть, каков таков русской солдат!

Входит царевна с фельдмаршалом, начали пить, гулять, промеж себя разговаривать. А солдат был ловкий, на все языки мастер, знай попивает да слушает.

— Что же, царевна Красота Неоцененная! — говорит фельдмаршал. — Три года мы с тобой дружбу ведем, а греха не знаем. Ты все меня льстишь и манишь, а любовь сотворить отказываешь.

— Послушай, душа моя! — отвечает царевна. — Приходи ты завтрашнюю ночь к моему терему, стукни в стенку — я спущу кусок полотна и подниму тебя в горницу, так и быть — сотвори со мной грех!

После того они поцеловались и разъехались по своим домам, а солдат все это на ус замотал. На другой день дождался он ночи, прибежал к царевнину терему наперед фельдмаршала и стук-стук в стенку. Царевна тотчас взяла

кусок полотна и спустила в окно. Солдат ухватился за конец, а царевна втащила его в спальню. Огня в горнице нету, темно, не узнала она солдата, а подумала, что то любезный ее фельдмаршал.

— Ну, душенька, раздевайся да ложись спать! — говорит царевна.

Солдат стал расстегивать свой мундир и оторвал нечаянно пуговицу; пуговица упала на пол и покатилась; начал он ее искать, а царевна спрашивает:

— Что ты, милой, ищешь?

— Да уронил с пальца драгоценный перстень.

— И, полно! Вот тебе мой именной перстень, скорее ложись на постель. Утром найдется!

Солдат взял ее именной перстень, лег с царевною на постель и начал ее откачивать по-солдатски, а не по-генеральски. Царевна лежит под ним да подхваливает. Только отработал ее и слышит — пришел фельдмаршал и стучится в стенку.

— Послушай, душа! — говорит солдат царевне. — Кто-то стучится.

— Непременно это тот самый солдат, что вчера в трактире был; должно быть, он слышал наши разговоры... Дай-ка мы его угостим по-своему!

— Хочешь ты до ветру?

— Хочу!

— Ты садись скорей да сери в горшок.

Царевна села и выср...сь; потом и солдат

наворотил полной горшок, отворил окно, взял горшок да бац — прямо фельдмаршала по рылу: все глаза ему залил и одежду запачкал. «Ай да царевна! — думает фельдмаршал. — Славно уподчивала. Видно, надо домой убираться!»

Ушел фельдмаршал, а потом и солдат спустился из окна и отправился на свою квартиру. Поутру проснулась царевна и заставляет свою девушку поискать на полу золотой перстень. Девушка искала-искала, перстня не нашла, а подняла медную солдатскую пуговицу и показывает царевне. Как только увидала пуговицу царевна, тотчас узнала, что ночевал с нею солдат, и думает: «Кого мне любить — фельдмаршала али солдата?»

И раздумала: лучше стану жить с русским солдатом, потому что он меня важно отработал; еще удастся ли так фельдмаршалу — бог весть! И посылает она свою девушку сказать трактирщику: если приедет фельдмаршал гулять да станет за мною посылать — чтоб никто его не слушался, а если придет русский солдат да станет веселиться — в ту же минуту дать мне знать.

Вот на другой день пришел солдат в трактир, спросил себе вино и закуску, сидит, вино попивает да закусывает. В ту же минуту дали знать про то царевне. Она собралась и приехала в трактир; подходит прямо к солдату и видит на его руке свой именной перстень:

— Здравствуй, любезный мой кавалер!

— Здравствуйте, ваше высочество!

— Ну, русский солдат — молодец ты! Знал, как поступить со мною. Теперь я вся твоя, согласна за тебя хоть замуж идти — только отец не захочет. Надобно нам ухитриться. Вот тебе пятьсот тысяч, выдай себя за богатого иноземного купца и сватайся за меня, да проси в приданое двенадцать кораблей с драгоценными камнями, что три года как без вести пропали.

Солдат взял деньги, снял гостиницу, разубрал ее так пышно, богато, что ни в сказке сказать, ни пером написать — всюду бархат да золото. Нанял много прислужников; которые получали прежде пятьдесят рублей, тем дает сто; которые — сто, тем двести. А в гостинице своей все продает дешево; где бутылка вина десять рублей стоит, а у него пять; где пять, а у него два с полтиной. Народ так и валит к нему, так и валит. Приехал и сам царь, дивуется: «Что бы такое значило? Непременно это не простой купец, а какой-нибудь иностранный принц».

Слово за слово, полюбился ему солдат, и просватал он за него дочь свою царевну Неоцененную Красоту и спрашивает жениха:

— Что тебе в приданое дать?

— Отдай двенадцать пропащих кораблей.

— Что тебе в них? Ведь они совсем сгнибли!

— Это уж мое дело.

— Ну, возьми!

Вот и женился солдат на царевне, а наутро глядь — все двенадцать кораблей плывут в пристань. Хоть и жалко царю, а делать нечего — назад не воротить.

Вот прожил солдат с неделю и вздумал посмотреть в свой пачпорт; глянул, а уж немного остается ему сроку — пора и к русскому царю на службу являться. Собрался с женою, сел на корабль и поплыл восвояси. Приехал в свое государство, в стольный город. Доложили про него царю. Велел царь представить его вместе с женой пред свои светлые очи. Ну и представили.

— Здорово, служба! — говорит государь.

— Здравия желаю, ваше величество! — закричал во все горло солдат.

А жена его смотрит да думает: «Знать, мой муж больше здешнего государя! Вишь, государь сказал ему тихо, ласково, а он так на него закричал, аж мне страшно стало!»

После царь наградил солдата чином, и стал он жить себе с молодой жонкою, жить не тужить, царю честно служить.

СОЛДАТ И ЧЕРТИ

Отслужил солдат десять лет, отпросился в отпуск. Шел-шел, заблудился и забрел в господскую деревню переночевать. Призывает его барин и говорит:

— Послушай, солдат! О тебе рассказывают, что ты ничего на свете не боишься. Сослужи-ка

мне службу. Видишь, выстроил я новой дом, а жить в нем нельзя. Поселились там черти и не дают никому покою. Коли ты выгонишь оттуда чертей, отдам за тебя свою дочь и награжу большим приданым.

— Слушаюсь!

Пошел солдат в новый дом и стал с ружьем на часах. Вот ровно в полночь поднялся шум, гам, стук; со всех сторон набежали черти.

— Служивый! Выучи нас солдатскому строю. Сколько раз смотрели мы, как вы учитесь. Много вас, а делаете как один! — пристают к нему нечистые.

— Пожалуйста, отчего не выучить. Только, чур, слушаться.

— Будем слушаться, служивый! Право, будем.

— Ну так притащите наперед воза два палок, сами знаете, без палок ничему нельзя выучиться. Чай, видели, как нашего брата палками дуют!

— Валай, служивый!

Черти вмиг натаскали целые вороха палок. Солдат поставил их в шеренгу и начал учить маршировке, да поворотам, да ружейным приемам. Чуть который ошибется — сейчас пятьсот палок ему! Ночи три эдак учил он чертей, а на четвертую принес с собой бурав, навертел в стене несколько дыр и говорит чертям:

— Теперь я покажу вам, как солдаты стоят в лагере по палаткам!

Сделал расчет по пяти чертей на дыру и скомандовал им лезть всякому в свое место: кто попадет в чужую дыру — тому не миновать палок! Только они разместились по дырам, солдат взял да и закрестил их мелком. А сам кричит:

— Выходи на ученье!

Черти никак не вылезут; взмолились они:

— Выпусти, служивый, на волю! Что хошь возьми, да отпусти.

— Дайте зарок, что не станете жить в этом доме.

Черти тотчас поклялись, что и ноги их никогда тут не будет, и дали в том ему расписку.

Ну солдат их выпустил, а наутро доложил помещику, что все исправил как следует: выжил из дому нечистую силу — больше и носу не покажет!

Женился солдат на помещицкой дочери, стал барином и позабыл, есть ли на земле печаль да горе. Раз пошел он с молодой женой в баню, выпарился и выбежал на озеро: захотелось ему в холодной воде окунуться. Только полез в воду, а черти увидали, подхватили его и ну тащить в омут.

— Постой же! — говорят. — Отплатим мы тебе, лиходею!

— Дайте хоть с молодой женой проститься, — умоляет солдат, — а после делайте, что хотите.

— Хорошо, простись, да поскорее!

Он вызвал из бани жену, как есть голую, поставил ее раком на самом берегу и ну валять через ж...пу. Черти как увидели:

— Ай, ай! — закричали. — Служивый опять дыры вертит, хочет нас загонять!

И бросились с испугу в трущобы да омуты.

СОЛДАТ НА ПОПЕ, ПРИНЦ НА АРХИЕРЕЕ

В некотором царстве, в некотором государстве был-жил царь, у него была дочь-красавица; выдал ее замуж за чужестранного принца. Только царевна его не любила, а стоял у ее покоев на часах бравый солдат, собой молодец — видный, рослый, кровь с молоком! Полюбился он царевне, и сваялась она с ним.

Долго ли, коротко ли жили они эдак, пришло время — надобно было принцу ехать на войну. Попрощался он с царем, взял его родительское благословение и выпросил у царя, чтобы отпустил с ним в поход этого самого солдата за денщика.

— Как же мы с тобой прощаться будем? — спрашивает царевна солдата.

— А вот как: оденься ты в поповскую рясу да выходи на ту самую дорогу, по которой нам ехать. Там мы и попрощаемся!

Сказано — сделано. Едет принц с солдатом, а на дороге стоит царевна в поповской одежде.

— Ваше высочество, — говорит солдат, — этот мне пятиалтынный должен. Остановитесь на минуточку, позвольте пойти получить с него долг!

— Ну хорошо, ступай, братец!

Солдат выскочил из коляски, подбежал к царевне, повалил ее, поднял подрясник и давай валять через ж...пу. А принц смотрит, да только со смеху надрывается. Сделал солдат свое дело, воротился к принцу; тот его и спрашивает:

— Что ты с попом сделал?

— Да что, ваше высочество! Денег у него не было, взять нечего, так я его за долг в ж...пу у...б!

— Что ж, вкусна поповская ж...па?

— Вкусна, ваше высочество, не в пример вкусней девичьей дыры.

— Да ты врешь!

— Как перед Богом говорю!

Вот принц и забрал себе это в голову.

Ехали они, ехали, а навстречу катит архиерей. Принц велел ему остановиться, вытащил из кареты и давай его в ж...пу зудить. Архиерей кричит, а принц, знай, е...т.

— Когда, — говорит, — солдат мог попа уеть, так мне тебя и Бог повелел!

Архиерей приехал к царю и стал жаловаться. Царь тотчас послал за принцем:

— Как ты смел эдакий грех сотворить?

— Да коли солдат попа у...б, так мне архиерея можно!

Царь позвал солдата:

— Ты зачем попа у...б?

— Никак нет, ваше величество! Я царевну у...б, а не попа.

Тут царь приказал принца разжаловать в солдаты, а солдата сделал принцем и выдал за него свою дочь. Сказка вся!

СОЛДАТ НА ЧАСАХ

Досталось одному солдату стоять ночью на часах; стоял он стоял, да и задремал. Летел мимо жук, ударил его по носу и пал наземь. Солдат очнулся.

— Виноват! — говорит. — Вздремнул, ваше благородие.

Оглянулся вокруг — нет ни души. «Уж не черт ли пошутил надо мной?» Думал-думал и опять задремал. Идет мимо генерал. Часовой не окликает.

— Эй ты, солдат! Чего спишь!

— Никак нет, ваше превосходительство!

— Что ж ты не окликаешь?

— Задумался, ваше превосходительство.

— О чем же ты думал?

— Да о том, отчего курица пьет, а не сс...т?

— Ну, брат, хитрая твоя задача.

На другой день собрал генерал офицеров, задал им эту задачу; вот они думали-думали, гадали-гадали, да ничего и не сказали.

— Экий хитрый солдат!

На другую ночь стоит солдат на часах; идет мимо баба. Он окликает:

— Кто идет?

— Пи...а! — отвечает баба.

— Ну-ка, пи...а, стой! Муди, в строй! Х...й к пи...де — не спускай м...де!

СОЛДАТСКИЙ РАССКАЗ

Один солдат отслужил Богу и великому государю двадцать пять лет в армейском полку, вышел вчистую и пошел на родину. Пришел и никого из родных в живых не застал. Только и родни осталось — какая-то баба, тетка не тетка — на седьмой воде кисель! Ну да что разбирать; за неимением попа и пономарь служит, а худая стоянка все лучше хорошего похода.

Поплакал солдат об родителях и стал жить с тою бабой. Свыкся с этим житьем и вздумал: «Отслужил я Богу и великому государю двадцать пять лет, все холостым был, добра не видал — дай хоть на старости попробую женатую жизнь, авось посчастливится! А ежели и не задастся — что за беда? Жене билет в зубы, а сам — в сторону. Да что толковать; ведь наше дело собачье: посовал-посовал да и пошел, словно не твоя забота! А есть захочет — так сама достанет!.. А да во что гнедая не хлыстнет, дай рискну: попытка не шутка, а спрос не беда!»

И ну просить старуху:

— Тетушка, сосватай мне невесту, не все же холостому жить. Сама рассуди: пятьдесят лет с хвостиком пропостился. Всяко случилось: бывало, другой раз и схватит за живое. Да на царской службе не то что дома, побоишься да и всунешь его, сердешного, в снег, чтобы поостыл. А то, пожалуй, — как раз на судьбу наткнешься да часы с кукушкой и подцепишь!

— Ах, родимый ты мой! Что давно не сказал, давно бы женила. У нас девки-красавицы хоть куда, что твои ярославки! Только передком немножко некрепки — уж на это не взыщи: у нас такое поветрие!.. Ну да, может быть, твоя доля — святая!

— Эх, тетка! Мое дело уж немолодое. Я, пожалуй, и в горшке не найду дороги.

Старухи на что на дельное — никуда не годны, а на сватовство так разубажают, скорее скорохода обработают. Не прошло и недели — невеста на ладони, и хорошая, и толстая, куда ни поверни — так разлюли! Наш солдат честным пирком да за свадебку. Женился, погуляли как следует; и повел он свою молодую в постель. Разделись и легли.

— А что, — спрашивает ее солдат, — я думаю, вам больно будет? Вы уж, пожалуйста, не громко кричите!

— Ах, — говорит молодая, — я бы рада, да, пожалуй, не вытерплю, коли станете вы во весь х...й меня паялить!

«Ладно!» — думает солдат. И начал иуду в ад сажать. Как же удивился, когда всунул его туда совсем с яйцами, а молодая лежит и не слышит. От судьбы, значит, как от фельд-фебеля, не уйдешь!

— Вот видите, милая! Как я легонько засунул, вы и не слышали!

— Да разве вы всунули?

— Еще бы! Даже так просторно, что вошел туда с яйцами!

Вот молодая и ну:

— Ох, больно! Ох, больно! Ради Бога оставьте, больно!

— Что ты, милая, когда кричать вздумала! Я уж с полчаса тебя накачиваю — а ты только расчихала!

Слез солдат с жены и думает: «Вон она, судьба-то, и в губернии в том же ходит, в чем в Питере. Пришлось на старости гриб съесть. Да ведь и то сказать: не квасцами же смазывать, да притом дыру вершка в три ширины и пластырь не залепит! К моей-то смело пихай в пи...у кушак и шапку да еще сена охапку; хоть кирасир — и тот проскочит! Ох уж эта мне судьба! Нигде от нее не отстанешь: бывало, на службе в рыло раза три съездят. Что делать, терпи, говорят, верно, судьба твоя такая! Вот и женился — и тут судьба. Да когда ж ты, проклятая, отвяжешься?»

Прожил солдат с женою недели с две, видит, что с его веретенем плохо в квашню лазить, и говорит:

— Жена, а жена! Знаешь ли, какое мне горе приключилось.

— Что такое?

— У меня мыши яйца с х...ем отгрызли.

Та как взвоят:

— Ах ты, старый черт! Мошенник эдакий! Что ты со мной сделал? Зачем женился?

— Да помилуй, жена, да он хотя и при мне был, все ничего для твоей дыры не значил.

— Все-таки, бывало, хоть дела и не сделаешь, да пощечкочешь маленько — ан и легче! Не хочу с тобой, плутом, жить!

И уехала от него в иной город. Остался солдат один, без жены. Да недолго наradoвался. Попостился-постился, да и вспомнил про жену: «Эхма! Бывало, болтался в жениной квашне да дивился ее ширине, а теперь пришлось сеном петуха кормить — поневоле поперек в горле станет!»

СОЛДАТЫ И БАБЫ

Стоял как-то солдат у мужика на квартире, а у того мужика хозяйка молодая, славная, да и солдат — парень из ловких! Начал он подъезжать к хозяйке так и эдак. Она бы и согласна, а мужик все дома, никуда не ездит, разве только на двор выйдет — и то наскоро в избу воротится. Вот однажды вышел он до ветру, а солдату давно невтерпеж, ухватил хозяйку, припер к дверям и давай лупить

в стоячку. Только запендрячил, а мужик тут как тут — дернул дверь и сорвал с крюков. Баба в сени повалилась, а солдат стоит ни при чем: штаны спущены, х...й торчит!

Мужик ну его срамить:

— Ах, служивый! Как тебе не стыдно! Хлеб-соль мою ешь, а вот твоя благодарность!

— Это, брат, пустяки! Ты лучше скажи, как она, проклятая, с х...я сорвалась! •

— Коли так, — говорит мужик, — пойду я за тебя просить.

— Ступай, проси, а я себе уже выпросил!

Начал солдат штаны натягивать да застегивать, а сам все ворчит:

— Счастье твое, что ты хозяин! А то я б с тобой разделался. Чрез тебя, мошенника, я теперь надорвался. Вот и веди меня в госпиталь да лечи на свой счет: я человек казенный! А не вылечишь — сам на мое место в солдаты попадешь.

Мужик давай солдата умасливать, ведро водки ему поставил, насили уговорил помириться.

С той поры пошло солдату важное житье: сколько хочешь с бабою возись, мужик будто и не видит: «Пусть е...т!»

СЫНОК-БЗДУНОК

Жили-были старик да старуха; детей у них не было. Случилось однажды — зашел к

ним странник. Стали они ему жаловаться, что вот дожили до старости, а детей Бог не дает. Странник говорит:

— Я вас научу — будет у вас сынок-бздунок.

И научил.

Только ушел странник, старик говорит:

— Старуха, а старуха! Давай в кувшин бздеть.

— Давай!

Вот старик купил кувшин с широким горлышком, принес в избу, сел и давай в него пер...ть. Кряхтел-кряхтел — не смог сына выпер...ть. После села старуха, как пер...ла — так и выскочил мальчик, да такой резвый: и ходит, и говорит, несмотря что малешенек. Старик со старухой куда как рады были!

Наутро поехал старик с бороной на поле, а баба напекла блинов.

— Сынок-бздунок! Снеси отцу блинков позавтракать.

Понес блины.

— Батюшка, покушай блинков, я за тебя побороню.

Старик стал обедать, а мальчик уселся на борону и пошел работать да песни распевать.

Едет мимо барин.

«Что за чудо! — думает. — Мужик обедает, а лошадь сама боронит папню».

Подъехал к старику, давай его спрашивать.

— Да разве ты не видишь, что на бороне мальчик сидит?

— Не вижу.

— Ну приглядишься, так увидишь.

— А не продашь ли его?

— Купи.

— Что стоит?

— Сто рублей.

Барин не рядясь заплатил деньги и взял мальчика; посадил его в карман с орехами и поехал домой. «Вот так подарок жене купил!» — думает про себя.

А бздунок перещелкал все орехи, нас...л барину в карман, а сам прорезал в кармане дырочки и ушел подобру-поздорову.

Приехал барин домой.

— Здравствуй, милая! — говорит барыне. — Ступай сюда, голубушка. Какой я тебе гостинчик привез!

— Да где же он?

— А вот здесь, в кармане. Вынимай сама, да потихонечку.

Засунула барыня в карман руку и вытащила оттуда полную горсть г...на. Как закричит на мужа:

— Ах ты, подлец эдакий! Вишь какой гостинец привез! Я такие гостинцы от своих детей разов по пять на день вижу!

Да хлоп его по уху замаранной рукой.

Видит барин, что дело-то неладно, почесал в затылке.

— Пропали, — говорит, — деньги ни за что!

А мальчик-бздунок шел-шел, а как настала темная ночь, спрятался в траве и лежит себе полеживает. Только слышит он, идут три вора, сговариваются на ночную работу идти. Остановился один против того места, где бздунок лежал, и ну сс...ть: прямо на него угодил!

— Тише, вор проклятый! — закричал бздунок. — Эдак ты меня совсем зальешь.

Воры испугались да бежать.

— Куда вы бежите? — кричит он. — Воротитесь назад, пойдем вместе воровать.

Воротились они назад.

— Ну, куда же идти?

— Да пойдем к старику.

— И, что вы! Он сам гол как сокол. Что у него взять? Пойдемте-ка лучше к попу.

Пошли к попу.

Мальчик-бздунок пролез в щель, отпер ворота и впустил воров. Украли они у попа корову, привели ее в лес, зарезали и стали делить.

— Ну, братцы! Мне мяса не надобно. Дайте мне требуху да кишки.

— Бери!

Взял бздунок требуху и кишки и побежал с нею к попу в избу; захотелось ему шутку подшутить. Видит, что все крепко спят. Он требуху и кишки завалил промеж двух поповых дочерей, а промеж попа с попадьей сел да нас...л; работнику привязал стул к бороде, работнице вставил в ж...пу дудку. Да там ночевали еще нищие — так тем волоса связал;

а сам пошел на двор и как закричит под окном во все горло:

— Воры, воры! Держите, ловите!

И слушает, что будет.

Проснулся поп, хватил рукой по перине и попал в г...но:

— Это ты, попадаья, обос...сь?

— Нет, это ты, батька, обос...ся да на меня сваливаешь.

— Врешь, дура!

— Сам врешь, подлец!

И пошли спорить да ругаться. Проснулись и поповы дочери, схватились за требуху с кишками.

— Это ты, курва, родила! — кричит одна.

— Нет, шельма, это ты родила! — кричит другая. — Разве я не знаю, как ты с молодыми парнями таскалась.

Проснулись и нищие, хотят приподняться.

— Ах ты, мошенник! За что меня за хохол схватил?

— Сам ты мошенник!

Хвать друг друга кулаком по рылу, и пошла драка да затрещины; а тут батрак со стулом возится. Шум такой поднялся, что поп испугался и давай творить молитву да отчитывать нечистую силу. Ничего не берет! Стал будить работницу:

— Вставай, свет! Раздувай скорей огонь!

Работница бросилась к печке, достала уголь, только стала дуть, а дудка в ж...пе и заиграла.

Как услышала она, что дудка играет, — пошла по избе вприсядку.

— Полно, окаянная, — кричит поп, — раздувай огонь!

Работница только станет дуть, дудка заиграет — она опять вприсядку. Насилу уж догадалась вытащить из ж...пы дудку и раздула огня. Тут вся семья разобралась, что подшутили над ними.

Побежал мальчик-бздунок домой, а навстречу ему серый волк; схватил его и проглотил целиком. Стоит бздунок в волчьем брюхе, и никак не может волк его выс...ть. Плохо пришлось старому. Только подойдет к стаду, захочет овцу унести — мальчик-бздунок сейчас выглянет из ж...пы и закричит во все горло:

— Пастух, пастух, овечий дух! Волк овцу тащит!

Волк бежать, а бздунок орет:

— Тю-тю!

Что будешь делать?

Поворотил волк к дереву — уж он трет-трет ж...ой о дерево — ничего не берет: мальчик-бздунок сейчас же прячется в брюхо, а как подойдет волк к стаду, опять кричит:

— Пастух, пастух, овечий дух! Волк овцу тащит!

Просто хоть с голоду умирай.

— Вылези, — просит волк.

— Довези домой, вылезу.

Волк привез его в деревню, бежит по улице, а бздунок из ж...пы выглядывает и кричит:

— Это я еду к отцу, к матери!

Приехал; выскочил он из ж...пы, схватил волка за хвост.

— Бейте волка, бейте старого! — кричит на всю деревню.

Тут волка и порешили.

ТРИ ДОБРЫХ СЛОВА

Жил-был старик; стал помирать, призвал сына и говорит:

— Есть у меня, сынок, триста рублей денег, и знаю я три добрых слова. Что тебе в наследство оставить?

Сын задумался.

— Позволь, батюшка, пойти у старых людей спросить.

— Ступай!

Вышел сын на улицу, навстречу ему седой старичок.

— Дедушка, рассуди, что лучше взять, триста рублей али три добрых слова?

— Глупой ты! Отец помрет, деньги и так тебе достанутся, а три добрых слова с ним уйдут! Проси три добрых слова — пригодятся!

Воротился сын в избу.

— Ну что, надумался?

— Давай, батюшка, три добрых слова!

— Ладно, сынок! Слушай: станут у тебя просить лошади — не давай зря всякому; будут

звать тебя в кумовья — без палки не ходи; это два добрых слова, а вот и третье: не пускай жену в гости одну!

Помер старик, остался сын хозяином. Спустя сколько-то времени приходит к нему кум.

— Дай, пожалуйста, кобылу — в лес за дровами съездить.

— Возьми да береги, понемногу накладывай!

— Будь спокоен, куманек!

Взял кум кобылу и поехал в лес за дровами, а кобыла-то была жеребая. Вдруг припомнилось мужику отцовское слово, побежал следом за кумом и присел за куст: «Посмотрю, что будет».

Смотрит — кум наложил на телегу такой ворох, что кобыла и с места сдвинуть не может. Кум схватил дубину и давай ее по бокам лупить. Лупил-лупил, дул-дул до тех пор, пока кобыла жеребенка не выкинула. Хозяин выскочил из-за куста:

— Ах ты, сукин сын! Мать твою разедак!

Отнял свою лошадь, ворочается домой, а сам думает: «Вот она, правда-то батюшкина!»

Через день, через два после этого приходит к нему знакомой мужичок, зовет в кумовья. Вот он нарядился в новый кафтан, в новые шаровары и пошел в крещеную веру младенца приводить, а палку дома позабыл. Только к знакомому на двор — как кинутся на него

собаки, да злючие! Изорвали и кафтан и шаровары.

— Эхма! Опять забыл отцовское слово, а слово было правдивое!

Прошло еще столько-то времени, приехал к нашему мужику тесть на свадьбу звать.

— Куда нам, батюшка, — говорит зять, — надо за домом присмотреть!

— Оставайся сам, отпусти меня! — просится жена.

— А куда ребенка денешь?

— Да с собой возьму!

Мужик отпустил жену в гости, отпустил, да и вспомнил отцовский завет.

— Дай пойду да погляжу, что жена делает?

А на свадьбе жена так-то разгулялась, сейчас себе и полюбовника нашла, ушла ночью в сени, ребенка в шубу завернула да наземь в сторону положила, а сама с полюбовником знай пошаливает. Муж пришел потихоньку в самую ночь, глядь — жена с добрым молодеццем спит, взял ребенка и унес с собой. Поутру баба хватилась — нет ребенка, только свиньи в сенях похаживают.

— Никак, — говорит, — свиньи его съели.

Сейчас зажгла лучину и запалила отцовы сени. Начался пожар, а она-то благим матом кричит:

— Батюшки! Ребенок сгорел...

Воротилась домой:

— Ах, хозяин! Ведь ребенок наш совсем сгорел!

Он схватил плеть и давай ее учить: важно отвалил на все корки.

Вот так-то сбылись все три отцовских слова!

ТРИ ПРАВДЫ

— Барин! Что дашь? Три правды скажу, — говорит мужик.

— Говори! Вот тебе десять рублей!

— Не сери за ветром — вонять будет; не с...ы против ветра — замочишься; не сказывай жене: у кого х...й велик — беду наживешь!

Барин воротился домой, а сам так со смеху и помирает.

— Что ты, душенька, смеешься? — спрашивает жена.

— Так, ничего! Вспомнил про мужика.

— Что же ты вспомнил?

— Э, да ничего. Сказал он мне три правды, только такие... ха, ха, ха!

— Скажи и мне!

— Ну, матушка, мало ли что мужики не врут!

— Скажи, пожалуйста.

— Да говорить-то стыдно.

— Ничего, расскажи, дружок!

Пристала барыня; нечего делать, сказал ей барин три мужицкие правды: «Не сери за

ветром — вонять будет; не с...ы против ветра — замочишься; не говори жене — у кого х...й велик!»

— А разве, душенька, не у всех мужчин одинаковые?

— Еще бы!

— Неужели ж есть больше твоего?

— Да вон у Фильки-повара такой, что моих три выкроет.

На другой день входит барин в спальню, а Филька-повар на барыне лежит. Правду сказал мужик: не говори жене, у кого х...й больше — беду наживешь!

ФИЛОСОФ И КАЛИКА

Жил-был бедный мужик, вечером поужинал, а утром и поесть нечего, встанет — и семья голодна. Вот он повалился спать и видит ночью сон — кто-то ему говорит: «Есть у тебя, мужик, клад, да не знаешь, где взять, позови Философа, он тебе разгадает».

Мужик стал поутру, обрадовался и поехал за Философом. Приехал к Философу.

— Поедем сон разгадать.

Философ согласился и поехали. Приехали в деревню и пристали к старику да к старухе. У них был сын двенадцати лет, Калика: не говорил, не ходил и руками не мог ничего делать. Старик да старуха вышли из избы, Калика и говорит:

— Философ, я знаю, зачем ты приехал, только тебе сна не разгадать до тех пор, покуда я не скажу, где искать.

Философ спросил:

— Где-ка, скажи?

— Ищи у мужика на заднем дворе, в пятнадцатой головне, там клад найдешь.

А у мужика был прежде дом большой, да сгорел, а головни в земле не гниют. Приехали к бедному мужику, стали рыться, дорылись до пятнадцатой головни, подняли ее — деньги так и посыпались. Мужик Философу дал сколько следовало, а сам стал жить хорошо и богато. А Философ, поехавши домой, поворотил в ту же деревню, в ту же самую хату. Стал чай пить, а Калика и говорит:

— Философ, разгадал сон?

— Разгадал.

— Купи меня у отца, у матери, я тебе пригожусь. Они меня незадорого отдадут.

Старик со старухой пришли, Философ и говорит:

— У вас этот парень вместо колодки живет, продайте мне его.

— А тебе на что?

— А я его буду вместо музея держать.

Договорились за полторы тыщи рублей. Когда Философ уехать собрался, Калика вскочил на ноги, поклонился отцу-матери в ноги и говорит:

— Спасибо, что двенадцать лет прокормили и пропоили, а теперь я вам не слуга.

Отец и мать заревели, стали сына обратно просить, но Философ не отдал. Приехали к Философу домой; у Философа немного прожили, приснился царю сон. Царь призвал Философа и говорит:

— Мне приснился сон, разгадай.

Философ разгадывал, разгадывал, никак не мог разгадать, обратился к царю:

— У меня есть слуга верный, он наверняка разгадает.

Царь велел позвать слугу. Слуга пришел и говорит:

— Философ — человек грамотный, а я был калекой до двенадцати лет, неграмотной, где мне разгадать.

Философ пришел домой и задумался, а жена у него была гордая, хитрая и говорит:

— Что же ты задумался? Возьми этого слугу, зарежь, вынь сердце, съешь и будешь, как и он, все знать.

Философ приказал своим слугам этого слугу зарезать, слуги его отвезли и хотели зарезать, он им сказал:

— Зря вы меня не губите, отпустите на волю, а зарежьте собаку, выньте собачье сердце и на тарелке отнесите Философу. Который слуга понесет, пусть запнется о порог и упадет; сердце упадет на пол, прибегут две собаки, сердце съедят; а Философ не заругается, только скажет: «Собаке собачья смерть».

Слуги так и сделали. Философу было дано трое суток для разгадки сна. Думал он, думал,

но сон не мог разгадать, на третьи сутки вышел на крыльцо и плачет, а слуги и говорят:

— Вот был бы верный слуга, разгадал бы.

А он говорит:

— А теперь нету.

Вдруг откуда ни возьмись этот слуга вышел и говорит:

— Ну, давай, Философ, я тебе разгадаю.

Зашли к царю и говорят:

— Я до тех пор не могу разгадать, покуда не отрубите Философу голову.

Царь приказал отрубить Философу голову, тогда слуга говорит:

— Ну, царь, теперь что я ни скажу, худо ли, хорошо, меня отпустите.

Царь дал слово. Когда они договорились, слуга и говорит:

— Ну, ваше царское величество, вам к тому сон приснился, что я через три года вашу дочку вы...бу.

Царь хотел слугу арестовать, но народ не позволил:

— До слова крепись, а за слово держись.

Царь дал слуге паспорт на три года, он на три года и уехал за границу. Там научился играть на всяких музыкальных инструментах, купил серебряную статую льва и зафрахтовал корабль, чтобы идти в это царство. А капитану и всем служащим наказал:

— Вы, когда придет царь у вас льва покупать, вы ему не продавайте, а отдайте в арен-

ду, по три тыщи рублей в сутки. А если лев поломается, тридцать тысяч за поправку и льва обратно.

Когда стали подходить к этому королевству, он сам спрятался во льва, сел и заиграл на всяких инструментах. Царь услышал, пришел и стал спрашивать продать льва. Ему не продали, царь согласился платить за аренду. Льва увезли и поставили в столовую.

Царь стал собирать пир. Угощались на пиру три дня. Когда трое суток прошло, все устали и придумали льва поставить к царской дочери в спальню. Все улеглись спать; когда заснули, он из льва вышел — и к дочке. Когда он ее захватил, она дрогнула и закричала. Слуга во льва обратно. Услыхал царь и прибежал в спальню к дочери.

— Что ж ты шумишь?

— А мне во сне приснилось, что пришел мужчина и хотел меня изнасиловать.

— Ах вы, подлые, наслушаетесь разных разговоров, вам во снах и бредит, только родителей беспокоите.

Царь повесил дочери над головой саблю и сказал:

— Если еще закричишь, приду и тебе голову отрублю, меня не беспокой.

Отец ушел, слуга и выходит снова. Она еще не спала и было ужаснулась, а он и говорит:

— Если вскричишь, тебе все равно смерть.

Тогда она его пригласила. Потом он зашел во льва и уснул крепким сном. Царь утром

пробудился, лев не играет, поломался. Вот они давай льва поправлять, ничего не могли поправить. Льва на корабль отправили, слуга из него вышел. Пришел ему срок к царю являться, везде розыски поданы. Вот слуга сам во дворец явился. Государь спрашивает:

— Ну, скоро ли на казнь пойдешь?

— А там посмотрим, пойдем или нет.

— А пришлось ли сделать что с моей дочкой?

— А то и пришлось, что обещал.

Царь пошел к дочке, та говорит:

— Да, действительно было.

Слуга рассказал, как дело было. Царь:

— Ну ладно, когда умел так хитро сделать, умей дочь взять.

За него дочь выдал и отдал полцарства.

ФУ!

В некоем городе был чеботарь Сергушка, а прозвище ему Пьянчужка. Жил он хорошо и весело. Раз сшил пару сапогов, получил за них пять рублей и пошел в кабак гулять с приятелями. Прогулял все деньги, а назавтра ему, бедному, не на что стало опохмелиться. Что делать? Раздобыл он где-то бутылку хорошего вина, налил в нее г...на, налил воды, взболтал все как следует, закупорил пробкой и залил смолой; вышел на рынок и стал кричать во все горло:

— Новое варенье, чудное варенье — под названьем: «Фу!». Не угодно ли кому?

На ту пору ехал богатый помещик, услышал те слова и спросил чеботаря:

— А дорого ли просишь?

— Да всего рубль серебра!

Помещик дал ему целковый, взял бутылку и поехал домой, а Сергушка прямо в кабак отправился. Приехав домой, помещик вошел в комнаты и поставил бутылку на стол. Бафья увидела и спрашивает:

— Что вы, душенька, привезли?

— А это новое варенье, славное изобретенье — под названьем «Фу!».

— Вот это мило, что ты купил.

Тут подали самовар. Барин захотел попробовать то варенье с чаем, раскупорил бутылку, понюхал — и ухватился за нос рукой, так ему воню-то в нос шибануло! Бегаёт по комнате и кричит:

— Фу! Черт возьми, фу!

И барыня вздумала попробовать, понюхала — и тут же зажала нос и давай отплевываться да приговаривать:

— Фу! Фу!

Х...Й-СОЛОВЕЙ

В некотором царстве, не в нашем государстве был-жил молодец, и дал ему Господь Бог большой талан: х...й соловьем свистал!

Вот снова забрался он в государев сад, сел в кусты и вынул из порток свой свисток. Сам-то он сидит — добра выжидает, а х...й его на весь сад соловьем заливаётся, и присвистывает и прищелкивает!

А у ихнего царя была дочь-царевна — такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Заслушалась она соловьиного пения и думает: «Знать, в нашем саду соловейко гнездо себе свил; дай подойду поближе да погляжу».

Подходит она, а в кустах доброй молодец сидит да в руках х...й держит.

— Здравствуй, царевна!

— Здравствуй, молодец! Что ты в руках держишь?

— Это дорогая заморская птица — соловьем поет.

— А ну пусть запоет!

Х...й опять начал прищелкивать и присвистывать. Царевна заслушалась того пения пуще всякой музыки — век бы слушала!

— Ах, добрый молодец! — говорит она. — Продай мне свою заморскую птичку.

— Она у меня не продажная, а заветная!

— А какой завет?

— Дай три раза покормить ее семечком с твоего белого тела, иначе она и клевать не станет!

— Да как же это?

— Дело простое, царевна! Ты ложись на траву, задери подол, а я посыплю семечек на твое брюхо да и покормлю ее.

Царевна думала-думала и согласилась. Легла на траву, задрала подол, а добрый молодец посыпал ей на брюхо, да поближе к пи...е, разных семечков и давай кормить свою птицу: клевал-клевал да как шаркнет его прямо в дыру.

— Ах! — закричала царевна. — Ведь такого уговора не было: зачем туда свою птичку пустил?

— Да скатилось туда одно зернышко, не пропадать же ему даром, хоть и трудно, а доставать надобно...

На другой день х...й опять в саду высвистывает. Приходит царевна.

— Ну, — говорит, — покорми свою птичку в другой раз.

— Ладно, царевна! Ложись.

Она легла на траву. Добрый молодец давай свою птицу семечком кормить да все х...ем возле самой пи...ды водит. Невтерпеж пришлось царевне — сильно разохотилась.

— Ах, добрый молодец! Кажись, опять зерно в дыру скатилось.

— Нет, — говорит, — все целы.

— Ну хоть все целы, а ты все-таки на дне поищи, может, вчерашнее найдется.

— Что дашь? Поищу.

— Что хочешь бери!

— Давай сто рублей.

Царевна заплатила сто рублей; он взял и принялся искать вчерашнее зернышко. С того времени и день, и ночь царевна только

и норовит, что в сад погулять да подслушать соловьиного пения.

Ни много, ни мало прошло времени — вздулось у ней брюхо.

— Отчего так? — спрашивают ее царь с царицею.

— Ах, государь батюшка с государыней матушкой! Ведь вы моего счастья не ведаете; здесь у меня соловей гнездо свил.

Делать нечего, выдали ее замуж за того доброго молодца. Не родись ни пригож, ни умен, а родись талантлив!

ЧЕРТ И БАБА

Поехал мужик в лес, застигла его непогода, снегом все дороги занесло — куда схорониться? Влез мужик в дупло и сидит себе, выжидаячи. Как поутихло, захотел он вылезти из дупла — не тут-то было! Сунул ногу — не идет, руку — не идет!

— Что за притча! Влез свободно, а вылезть нельзя — дыра мала! Уж не черт ли подшутил надо мной?

— Да, это я подшутил! — отзывается нечистый.

— Пусти, брат!

— Нет, не пуцу.

— Неужели ж мне тут пропадать? Ведь я, коли не замерзну, так с голоду околею.

— А мне что! Коли хочешь, отдай мне

свою душу через десять лет — сейчас выпущу.

Что делать мужику? Не хочется помирать. И решил заложить свою душу нечистому.

— Ладно, — говорит, — я согласен.

— Ну, давай расписку!

Мужик разрезал мизинец, написал расписку своей кровью и отдал нечистому. Тотчас дупло развалилось, и вышел мужик на белый свет. Пришел домой и стал жить по-прежнему.

Скоро идет время, десяти лет как не бывало, вот и срок наступает. Приуныл мужик, заплакал с горя.

— Что с тобой? — спрашивает жена.

— Так и так, жена! Последний час доживаю. Скоро черт за мной явится.

— Что ж ты прежде мне не сказывал? Беги скорей да топи баню.

Мужик побежал баню топить, а баба напарила гороху и давай есть. Так наелась, что любо-дорого! Вот и баня готова.

— Ну, пойдем, помоемся! — говорит она мужу.

Пришла в баню, разделась и принялась мыть себе голову. Вдруг откуда ни возьмись — черт за мужиком явился.

— Тебе что? — спрашивает баба.

— А вот за мужиком пришел: он теперь мой.

— Врешь, он мой! Мы с ним под венцом вместе стояли, я тебе даром его не уступлю.

Если хочешь: сделай мне три работы; сделаешь — твой мужик, а не сделаешь — рукописанье назад!

— Ну, задавай, какие твои работы?

— Да легонькие! Вот тебе первая! — говорит баба, а сама раскорячилась, выдернула из м...ды курчавый волос и подает черту. — Сделай его ровным да прямым. Да смотри не испортить!

Черт взял волос в зубы, давай его выравнивать. Нет — ан все крутится. Подошел нечистый к печке, захотел выправить волос об каленой камень и спалил его совсем.

— Ну, — говорит баба, — пропала твоя первая работа. Вот тебе другая!

А сама стала на карачки, выпятила м...ду и спрашивает:

— Видишь гнездо?

— Вижу!

— Закрой его ладонью, да смотри, чтоб лапа сверху лежала!

Черт положил ладонь на причинное место, а баба как попятится — так вся чертова лапа и вошла в дыру!

— Ну, пропала и вторая работа! Теперь принимайся за третью.

С этими словами ложится баба на лавку и говорит нечистому:

— Гни мои ноги, а что я выпущу, то лови!

Только принялся нечистый гнуть бабе ноги, она как пер...т с гороху, да так громко, а сама кричит:

— Скорей! Лови!

Черт бегал-бегал, а толку нет ни на грош.

— Твоя взяла! — говорит бабе. — Никак не могу поймать: около носу вьется, а в руки не дается!

Отобрала баба у черта мужнину расписку, и пошел нечистый несолоно хлебавши в татарары. Правду люди сказывают: черт хитер, а баба и черта хитрее.

ЧҮР, НЕ СЕРДИТЬСЯ!

В одной деревне жил-был бедный старик. У того старика было три сына: два умных, третий — дурак. А неподалеку от них жил поп, жадный шельма и хитрый на всякие выдумки! Станет, бывало, нанимать батрака, так уж наверняка с условием, чтоб всегда весел был, ни за что не сердился, а если рассердится, так половину задницы ему отрезать! Много нанималось к этому попу в работники, только все уходили без задниц. После ни один идти к нему не хотел; видят, что он крепко народ обижает, ну и воротят от него в сторону. Вот поп и пошел к старику.

— Ты, — говорит, — живешь при бедности, отдай мне старшего сына в работники!

Старик согласился, поп взял к себе парня и заключил с ним такой уговор: если батрак рассердится, то у него половину задницы от-

резать, а если поп рассердится, так все имение у него забрать.

Вот старший сын с полгода прожил у попа, ни разу не сердился, видит поп, что уж срок платежа близко, послал батрака в поле пахать, а там его и проморил без обеда, без полдника. Батрак крепко на попа рассердился, пришел домой да ругается.

— Что ты, Иван, — говорит поп, — никак, осердился?

— Как на вас, чертей, не осердиться! Целый день работал, а куска хлеба во рту не было.

— А уговор-то забыл?

Тотчас схватил поп нож, откромсал ему половину задницы и выгнал вон. Пошел средний брат к попу в работники, но и этот не счастливее был, тоже без ж...пы домой воротился! Дурак сидит на печи да смеется над братьями:

— Эх вы, безж...ые! Вот меня ваш поп так не обдурит! — И стал проситься у отца: — Отпусти к попу попытать счастья!

— Куда тебе, дураку! Поумней тебя ходили, да и то половиной задницы заплатили, а ты и совсем без ж...пы воротись!

Дурак осерчал, не стал и разговаривать больше, надел тулуп да шапку и пошел к попу — в работники наниматься. Нанялся с таким уговором: кто б ни рассердился, он ли, поп ли — а всяк половиной сраки отвечает. Прожил дурак у попа месяца с четыре. Вот одного посылает его поп в поле — пашню

пахать, а обедать и не думает посылать: знамо дело, хочет до его задницы добратся! А дурак ждал-пождал, развел костер, взял выпряг одного вола, убил его наповал, отрезал ляжку и давай на огне жарить. Наелся досыта и воротается домой с одним волом; идет да песенки попевает.

— Где же, свет, ты другого вола девал? — спрашивает поп.

— Убил.

— Как убил!

— Да обухом хватил, больно есть захотелось, а твоего обеда долго ждать...

— Ах ты, подлец, ети твою мать! — заругался поп и полез было драться — да куда! Дурак сильней его!

— Стой, батька! Расплачивайся! — вынул дурак из кармана большущий нож и отрезал попу половину задницы.

Поп еще пуще ругается, ногами так и брыкает. Дурак ему и другую половину отмахнул. Поп с горя тут же Богу душу отдал, а работник женился на его попадье и завладел всем его имением.

ШУТ

В одной деревне жил мужичок бедный-бедный, с женой и детишками; дошло до того, что кормиться им стало нечем. Только был он на шутки горазд; вот и говорит:

— Жена! Я на хитрость пушусь, авось как-нибудь прокормлюсь.

Взял он саночки, взвез на горку, сел и покатился прямо попу навстречу.

— Куда едешь?

— Да вот погулять захотелось.

— Что же без лошади?

— Да это у меня саночки-самокаточки: не пой, не корми, где вздумал, там и поезжай.

— Продай мне!

— Мне самому надо!

— Продай, пожалуйста, сто рублей не пожалею.

— Ну разве для тебя только, батюшка!

Продав попу санки, посадил его и пустил под горку: поп прямо на свой двор и прикатился радехонек. Сейчас же всех лошадей своих с рук сбыл. «И без них, — думает, — теперь обойдусь».

Приехал из деревни мужик звать попа на крестины.

— Хорошо, свет, поезжай с Богом, я сам приеду!

Послал поп за дьячком, за дьяконом, посадил их в саночки и сам уселся — а саночки ни с места!

— Экой ты, дьячок, окаянный! Всякий день с дьячихой гресишь. Слезай, с тобой, греховодником, и саночки не везут!

Слез дьячок, а толку все нет.

— Ах, отец дьякон! Видно, и ты на жену слазил!

Прогнал и дьякона, а саночки все не едут.

«Ну, — думает поп, — видно, надул меня проклятый!»

Была еще у бедного мужика кобыла никуда не годная; стояла на дворе, а двор-то у мужика был полем огорожен да небом покрыт.

Раз как-то идут мимо этого двора два попа. Мужик увидал попов, взял свою клячу и поставил ж...ой к воротам. Кобыла нас...ла целую кучу г...на, а мужик разменял свой последний целковый на мелкие деньги, наклал в эту кучу пятакков да гривенников и роется в лошадином г...не.

— Что ты делаешь, мужичок? — спрашивают попы.

— Да вот моя кобыла серебром с...ет, так роюсь в г...не да собираю пятакки да гривенники.

— Продай нам свою кобылу!

— Нет, она не продажная; я только и кормлюсь ею!

Попы пристают к нему:

— Продай, мужичок!

— Видно, от вас, долгогривых, не отвяжешься! Пожалуй, уступлю вам кобылу, коли дадите за нее двести рублей.

Попы подумали-подумали и согласились. Заплатили с рыла по сто рублей, взяли худую клячонку и повели к себе. Идут да дорогой промеж себя разговаривают:

— Как приведем эту кобылу, поставим в конюшню и дадим ей целую меру овса са-

мого отборного. У мужика она овса и не нюхала, оттого только мелким серебром с...ла, а как поест овса — станет с...ть рублями да золотом.

Наутро поднялись попы ранехонько. Один оделся, умылся, а другой еще не успел.

— погоди, — говорит, — вот я умоюсь да оденусь, вместе пойдем. А то, чего доброго, ты один все деньги загребешь!

Умылся, оделся и другой поп, и пошли они вместе в конюшню. Смотрят — стала кобыла попердывать, а они ей под хвост посматривать; и нас...ла она большущую кучу, чуть-чуть не выше себя. Взяли попы по лопаточке и стали г...но рыть. Рыли-рыли, копали-копали — все денег нет. Бросили лопатки и давай голыми руками копать да денег искать — нет ни единой полушки! Крепко рассердились попы на мужика.

— Пойдем, — говорят, — мужика побьем! Зачем он, сукин сын, нас с лошадьёю обманул!

И пошли прямо к мужику на двор; а он давно изготовился: выкопал недалеко от своей избы яму, залез в нее, взял с собой жаровню да большой железный прут, а поверх той ямы наказал жене настлать досок да землей набросать. Увидала жена, что попы идут, и принялась плакать; на всю улицу воет да причитает:

— Ах ты, мой голубчик, на кого ж ты меня покинул?

— О чем, баба, плачешь? — спрашивают попы.

— Ох, батюшки! Как мне не плакать? Мой муж помер.

— Туда и дорога ему, мошеннику! Покажи-ка, где его, сукина сына, схоронили, мы хоть на могилу ему нас..ем!

Баба указала то место, где мужик спрятался. Вот один поп подбежал поскорей, снял портки, сел над ямой и давай с...ть. А мужик как жиганет его оттуда раскаленным прутом да прямо в ж...пу. Поп ахнул, вскочил и вылупил глаза, точно белены объелся.

— Что ж так скоро? — спрашивает его другой поп.

— Неохота что-то с...ть!

— Ну нет, брат! Я наворочу такую кучу, что решетом не покроешь.

Спустил портки и сел с...ть; мужик опять как пырнет в ж...пу своим жигалом, так поп на всю деревню заголосил.

— Чего кричишь, батька? — спрашивает баба.

— Небось еще не эдак крикнешь! — говорит поп. — Ишь, мошенник, умер, а все кусается!

Тут попы подобрали портки да бежать. Целую неделю из дому не выходили, все сраки лечили. Как вылечились да узнали, какую шутку сшутил с ними мужик, вздумали: чем бы ему отплатить?

Думали-думали, ничего не придумали.

— Давай, — говорят, — хоть украдем у него улей с медом.

А мужик подслушал их речи, пришел на пасеку, выбрал пустой улей и засел там. Вот ночью пришли попы воровать.

— Возьмем, какой потяжелее; в том меду больше, — говорит один поп.

— И то правда! — отвечает другой.

Стали выбирать и выбрали тот самый, в котором мужик засел. Подняли улей и понесли лесом. Мужик сидел-сидел да как крикнет:

— Держи их, лови их!

Попы испугались погони, бросили улей и припустили во все лопатки. Пробежали с полверсты и попрятались в кустах. Тем временем мужик нас...л в улье, вылез оттуда и ушел домой. Попы видят, что погони нету, кругом тихо, набрались смелости, воротились назад к тому месту, где бросили улей, и говорят:

— Давай-ка мед попробовать!

Вот один открыл улей, ткнул туда пальцем — да в рот. Попробовал и давай отплеываться: «Тьфу!»

— Экой ты! — говорит другой. — Ешь эдакое добро, да еще плюешь! Дай-ка я покушаю.

Запустил в улей всю пятерню, зацепил побольше — и прямо в рот!

— Что-то кисло! Никак, г...но?

— Да оно и есть!

СОДЕРЖАНИЕ

Бабы заповеди	5
Батрак-марфутка	6
Беглые солдаты	10
Бедный жених и богатая невеста.....	15
Богатыри	16
Бродяжка	19
В бане.....	27
Влюбился в куму	31
Волшебная табличка	33
Вор Мотрошилка	36
Вор Наум	44
Вороний язык.....	49
Генерал и горнист	52
Гришка — Большой х...й.....	53
Двух хватил, а конец все мотается	56
Деревенский вор Ванька	59

Дурак и попадья	64
Женина верность	64
Загадки	70
Зять и теща.....	72
Иван Лыков	73
Иван-дурак	75
Иван-царевич в подземном царстве	79
Испытал жену	92
Испытал старуху	99
Как баба любила	100
Как баба черта обманула.....	102
Кум и кума	103
Кумова кровать	105
Мать-убийца	108
Мудрая старуха	111
Мужик и черт.....	112
Набитый дурак	114
Насмешки.....	115
Не говори похабного!.....	117
Невестины загадки	124
Несмеяна-царевна.....	125
Одноглазка, двуглазка и трехглазка.....	150

Оркий Оркович и Иван-царевич.....	157
Петух и жерновки.....	166
Рога	168
Повар и графиня.....	172
Поп с попадшей в бане.....	174
Превращение	176
Пятьсот рублей за один раз	186
Работа х...ем	189
Русский, татарин, арап и швед	199
Сапожник и купчиха.....	203
Сивко-Бурко	208
Служка-Андрюшка	218
Сова-вистуха	222
Соколиная матка	232
Солдат женится на купеческой дочери..	233
Солдат и царевна Неоцененная	
Красота	236
Солдат и черти	242
Солдат на попе, принц на архиерее.....	245
Солдат на часах	247
Солдатский рассказ.....	248
Солдаты и бабы	251
Сынок-бздунок	252

Три добрых слова.....	258
Три правды	261
Философ и Калика	262
Фу!.....	267
Х...й-соловей.....	268
Черт и баба	271
Чур, не сердиться!.....	274
Шут	276